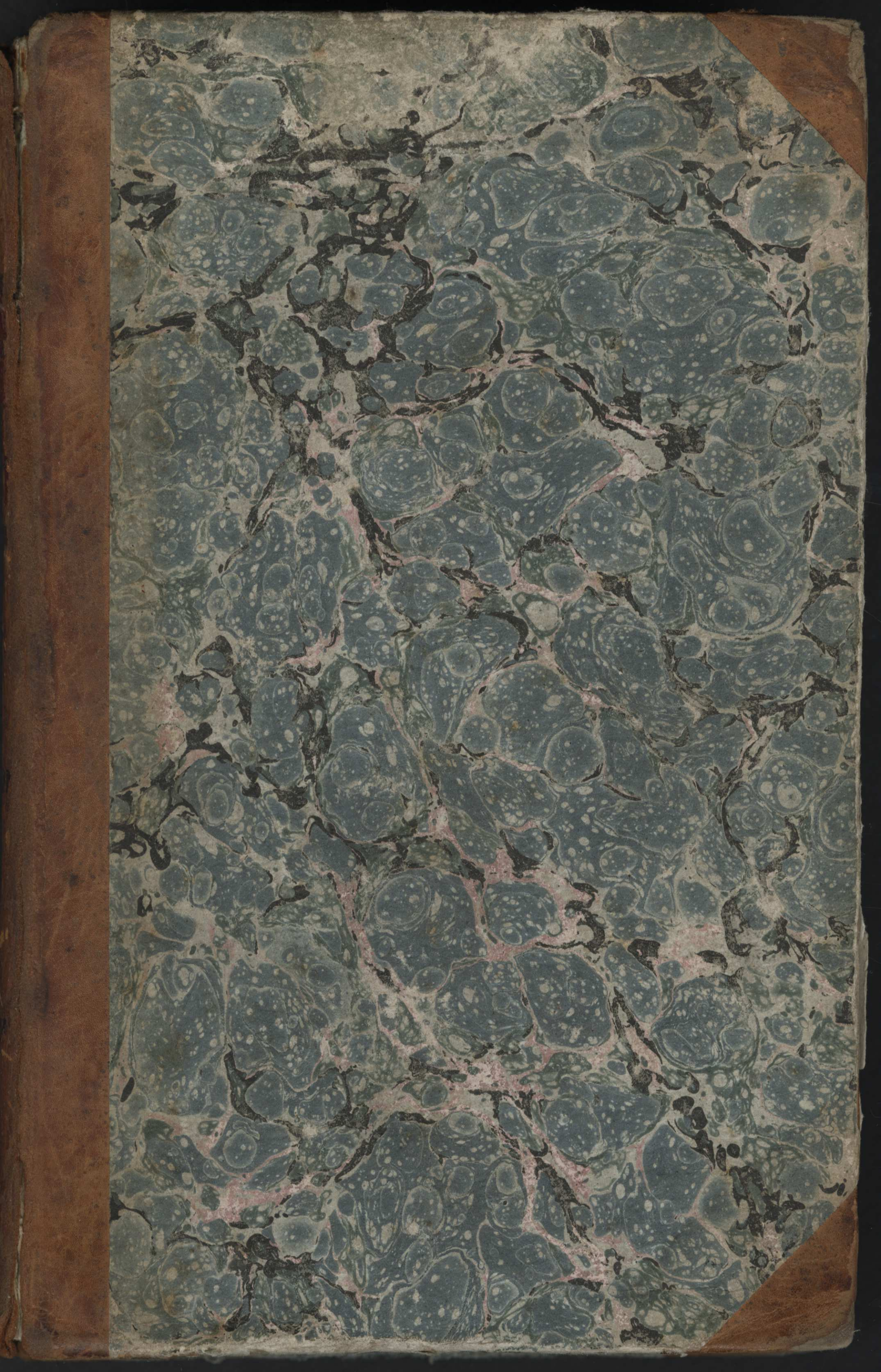


АНИЦІЯ МАНЛІЯ ТОРКВАТА СЕВЕРИНА БОЕЦІЯ

УТѢШЕНІЕ ФИЛОСОФСКОЕ.

переведено

съ латинскаго языка

Корпуса Чужестранныхъ Единовѣрцовъ Учителемъ Закона

Іеромонахомъ Ѳеофилактомъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

Печатано въ Типографіи Корпуса Чужестранныхъ Единовѣрцовъ, 1794 года.

СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО

СИНОДА

Первенствующему Члену,

ВЕЛИКОМУ ГОСПОДИНУ

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШЕМУ

ГАВРІИЛУ,

МИТРОПОЛІТУ

НОВГОРОДСКОМУ и САНКТПЕТЕРБУРГСКОМУ

И

АРХИМАНДРИТУ

Святотроицкаго и Александроневскаго
Монастыря,

Милостивѣйшему Архипастырю
и Отцу.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

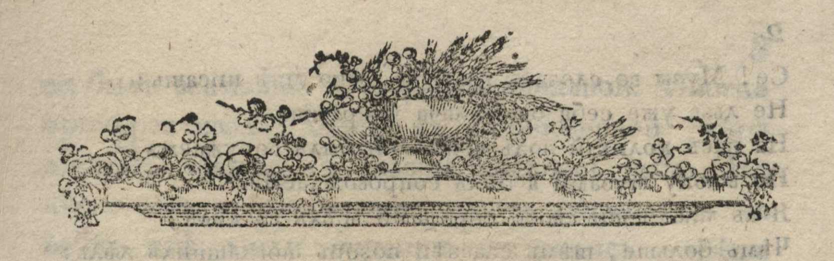
Аницій, Манлій, Торкватъ, Северинъ, Боецій Римлянинъ, родился въ лѣто отъ Рождества Христова 455, т: е: спустя 50 лѣтъ по плѣненіи Рима Аѳаларикомъ Готѳскимъ. Слѣдственно жилъ онъ не много позднѣе Іеронима и Августина Блаженныхъ. Многіе Боеціями именовались; но Аницій, Манлій, Торкватъ, Северинъ, имена знатнѣйшихъ предковъ, отличаютъ сего отъ всѣхъ другихъ. Обыкновеніе принимать названіе мужей рѣдкихъ, въ тогдашнія времена дѣйствовало еще сильнѣе, нежели въ нынѣшнія. Оно-то произвело толико Антониновъ, толико Авреліевъ, толико Генриковъ, толико Карловъ и проч. Боецій нашъ былъ природы и счастія любимецъ. Знаменитость, богатство, здравіе, красота, освящались выспренностію ума его и добротою сердца. Потерю отца его, бывшаго Преторомъ, вознаградила вѣрность друзей онаго. Онъ въ самой веснѣ дней своихъ былъ ими отосланъ въ Аѳины, гдѣ пробужденный разумъ больше отверзалъ очи, и для похищенія или подражанія съ боль-

шимъ жаромъ рылся во всемъ томъ, что убѣжало отъ насильственнаго времени. Здѣсь онъ сквозь тьму чувствъ и предразсудковъ ко святилищу истинны пробивался 18 лѣтъ, при свѣтильникѣ многихъ Философовъ, но преимущественно Аристотеля, Платона, Евклида, Архимеда и Птоломея. Всѣ сіи говорили языкомъ невразумительнымъ, почти всѣ терялись въ безднѣ умозрѣній своихъ. Разумъ ихъ прервавши все сношеніе съ веществомъ, парилъ къ странамъ отвлеченій, и обыкши скакомъ пробѣгать безмѣрныя разстоянія, своею глубокомысленностію, кажется, больше желалъ изумить человѣчество, нежели просвѣтить оное. Онъ рѣдко упоминалъ о мысляхъ промежуточныхъ, подпоры нужной для обыкновенныхъ людей: но сія глубокомысленность привела Боеція только въ сильное движеніе, и приучила его къ необычайнымъ усиліямъ. Науки и художества, которыми изобиловала Греція, всѣ были имъ облечены въ одежду Римскую, и украшены такою пріятностію слова, и такою собственностію языка, что и самые творцы не безъ зависти бы воззрѣли на плодъ свой. Его чудесное искусство изливать чистой свѣтъ на понятія, служитъ для разума зрительною трубою. Плодовитость и всеобъятность ума его, въ разсужденіи свѣденій и дарованій, не меньше подтверждается его твореніями. Судя по числу оныхъ, надлежитъ Боеція признать божественнымъ; наипаче когда наи-

лучшія лѣта протекли то въ Преторствахъ, то въ Консульствахъ, сихъ толико занимательныхъ и опасныхъ должностяхъ, гдѣ малѣйшая неосмотрительность можетъ лишить отечество милліона рукъ, и заставитъ страдать не одно, но многія столѣтія. Святая вѣра въ немъ нашла почти все то, чему удивлялись и удивляются во святыхъ отцахъ, сихъ непоколебимыхъ столпахъ церкви и красотѣ добродѣтели. Арій и Евтихій, опаснѣйшіе враги ея, положивъ основаніе огромному зданію заблужденій, поставили было довольно высокіе лѣса. Боецій какъ основаніе ихъ ересей подорвалъ, такъ и лѣса разрылъ. Но за сею славою скрывалось изгнаніе и темница. Какъ только обнародовалось его твореніе противу помянутыхъ затѣйчивыхъ головъ: тотчасъ подлость ухищреній и дерзость злорѣчій воспрянула во всѣхъ, желавшихъ веселиться на счетъ ближняго. Ибо Боецій имѣлъ большую твердость духа, нежели Цицеронъ и другіе ему подобные. Сей безъ сомнѣнія былъ честенъ, но и остороженъ; любилъ отечество, но и опасностей страшился. Онаго добродѣтель была слѣдствіемъ токмо сердца. Онъ сличалъ дѣйствія свои не съ жизнію своею, но съ благомъ отечества. Онъ никакъ не страшился обнаруживать подкоповъ, изрываемыхъ корыстію. Уже опустилась завѣса изгнанія, и Боецій отягченъ цѣпьми. Но перемѣна счастія сопровождалась перемѣною только видовъ добродѣтели.

Цицеронъ скорбь о кончинѣ любезной дщери своей облегчалъ разсужденїемъ о безсмертїи душъ: а Боецїй, чтобъ утвердить себя въ терпѣнїи, всѣ усилїя разума своего устремилъ на существенное благо человѣка. Онъ на всѣ свои творенїя положилъ печать рѣдкихъ дарованїй; но въ утѣшенїи Философскомъ, кажется, побѣдилъ самаго себя. Здѣсь сонмъ весьма различныхъ и высочайшихъ истиннъ предсталъ предъ его разумъ; они тѣснились къ нему яко привидѣнїя на гласъ волшебника. Читателю не видящему, что сїе изящное творенїе еще не приведено къ намѣренному концу, надлежитъ быть крайне не замѣчательну. Да и вѣроятно ли, чтобъ въ темницѣ защищавшїй тройственность лицъ Божества, опровергаемую его Государемъ, не утѣшилъ себя въ несчастїи ученїемъ Христовымъ? Человѣку не возможно, не колеблясь, тещи по пространству жизни сея, кольми паче приближаться къ вѣчности, зримой только очами разума; не вѣрующему на смерть такъ, какъ на солнце, не льзя смотрѣть безъ слезъ. Онъ силенъ только отвратить взоръ свой отъ нее, и остановить его на другихъ предметахъ. Тако путешественники, блуждая въ облежащей ихъ тьмѣ, поютъ прерывистымъ голосомъ, чтобъ боязнь свою, какъ дитя лелея, усыпить. Злоба, на 71 году жизни, а заточенїя на 9 обезглавила Боецїя, послѣдняго изъ просвѣщенныхъ древнихъ Римлянъ, изъ начавшихъ же совлекать покровъ тем-

ноты съ Аристотелевыхъ творенїй, перваго. Кончиною сего великаго мужа науки лишены такого блага, которое доставить имъ многїе но тщетно усиливались; я разумѣю соглашенїе Платона съ Аристотелемъ, коихъ онъ совершенно разумѣлъ. Потерянное является очамъ разума въ лучшей лѣпотѣ. Слава, яко жрица истинны, неумолчно воспѣваетъ пѣсни въ честь всѣхъ рѣдкихъ произведенїй природы. Она въ началѣ, чемъ больше зыблется, тѣмъ звучнѣе становится, подобно древамъ укрѣпляемымъ вѣтрами и временемъ. Тако умъ и воля Боецїя, остановлявшїеся на неизмѣнныхъ благахъ, содѣлали его современникомъ всѣхъ столѣтїй и гражданиномъ повсемѣстнымъ.



СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ.

Боецію является Философія, и прогоняетъ Музъ отъ него. Утѣшаетъ его примѣрами разумнѣйшихъ мужей, коихъ подобное же зло преслѣдовало. Боецій описываетъ ей услуги свои Сенату, Сенаторамъ и Италіи оказанныя; посемъ открываетъ причины обвиненія и ссылки своей, стараясь чрезъ то доказатъ честность жизни и невинность свою. Потомъ вскорѣ жалуется въ обидѣ ему нанесенной и въ оскорбленіи чести и достоинства своего. Напослѣдокъ Философія изслѣдываетъ смущенія души его, и начало оныхъ; что и естъ предлогомъ всего прочаго сочиненія.

Я въ духѣ радостномъ всегда стихи писалъ,
Когда жаръ юности мой трудъ одушевлялъ.
Увы! сталъ принужденъ настроить тонъ плачевный;
Густѣйшимъ облакомъ печалей окруженный.

Се! Музы во слезахъ гласятъ, что мнѣ писать;
Не льзя уже себя отъ плача удержать.
На насъ коликій золъ сонмъ ни былъ вооружаемъ,
Но всюду музами я былъ сопровождаемъ.
Я въ младости своей сердцами всѣхъ владѣлъ,
Чѣмъ больше, тѣмъ славнѣй позоръ тогдашнихъ дѣлъ:
Теперь я только тѣмъ жизнь дряхлу подкрѣпляю:
Что юность счастливу не рѣдко вспоминаю.
Отъ бѣдствій состарѣвъ, дни трачу во слезахъ,
Мутится съ горести умъ, меркнетъ свѣтъ въ глазахъ.
Безвременной зимой власы мои покрылись,
Хладнѣетъ въ тѣлѣ кровь, и силы истощились.
Страшна бываетъ смерть для любящихъ сей свѣтъ,
А не стенающихъ подъ игомъ золъ и лѣтъ.
Коль кратъ жестокая не внемлетъ гласу бѣдныхъ,
Дабы имъ нить пресѣчь дней тяжкихъ, дней зловредныхъ!
Мнѣ щастье жертвуя безмѣрностью щедротъ,
Едва не низвело въ сѣнь смертну мой животъ:
Когда же видъ оно свой ложный премѣнило,
Къ мученью вящшему жизнь горестну продлило.
Почто, друзья! отъ васъ блаженнымъ я почтенъ?
Не твердо тотъ стоялъ, кто сталъ низриновенъ.

О семъ когда молча размышлялъ я самъ съ собою, и не стерпѣвъ скорби, начерталъ жалобныя сіи строки: тогда явилась мнѣ нѣкая жена, стоящая предъ моимъ возглавіемъ, коея зракъ весьма величественъ, очи же сверкали огнемъ, проницательностію своею превышая обыкновенный взоръ людей, отливающіе пріятнѣйшій цвѣтъ, и наконецъ неизсякаемый бодрости источникъ содержащіе въ себѣ; не смотря на множество лѣтъ, что никакъ не можно было почесть ее намъ современницею. Ростъ

ея былъ величины не опредѣлительной. Иногда принаравливала оной къ обыкновенной мѣрѣ людей; иногда же главою касалась неба. Но нѣсколько приподнявши главу, скрывалась въ небѣ; гдѣ люди тщетно старались узрѣть ея. Одежда у ней была изъ самой тончайшей, но крѣпкой матеріи составленная, а шита не подражаемымъ искусствомъ; сотканная же, какъ я отъ ней самой послѣ удостовѣрился, ея собственными руками. Красота одежды сея еще застѣнялась нѣкіимъ мракомъ древности, въ небреженіи оставленной; каковой бываетъ на картинахъ, отъ пыли и перемѣнъ воздуха попортившихся. На нижнемъ краѣ ризы сея написана была буква П (*), а на верхней Θ. Въ разстояніи одной буквы до другой на подобіе лѣствицы казалось изображеніе нѣкоторыхъ ступеней, по коимъ бы можно было восходить отъ нижней къ вышшей. Со всѣмъ тѣмъ одежду ея нѣкоторые дерзскіе раздирали, и части, кто какую могъ отхватить, уносили съ собою. Въ десницѣ у ней были книги, шуйцею же держала Скипетръ. Когда узрѣла Стихотворческихъ Музъ, стоящихъ предъ моимъ ложемъ, и слова мыслямъ моимъ сродныя вдыхающихъ, смутилась не много, и по воспламененіи гнѣвомъ суровыхъ ея очей, кто, рекла, позволилъ симъ скверн авицамъ прибли-

(*) Чрезъ П букву Греческую, означается Философія Дѣятельная, а чрезъ Θ Умозрительная.

житься къ сему недужному, кои не только не исцѣляютъ его, но еще сладкимъ упоеваютъ ядомъ? Не они ли безплоднымъ терніемъ пожеланій обильную для плодовъ разума жатву подавляютъ, приучая людей закоснѣвать въ своихъ немощахъ, а не освобождаться отъ оныхъ? Если бы вы погруженному въ свѣтскія забавы, и ослѣпленному мирскими суетами человѣку разставляли коварныя сѣти своихъ ласкательствъ, для низверженія его въ оные; мнѣ бы не такъ несносно было терпѣть сіе. Понеже это ни малѣйшаго бы не дѣлало подрыву моимъ усиліямъ. А сего ли просвѣщеннаго ученіемъ Зенона и Платона дерзаете къ себѣ привлечь обворожительнымъ гласомъ своимъ? Прочь отсюда удалитесь Сирены, пріятностьми умерщвляющія людей, и сего больнаго оставьте моимъ Музамъ на воскрешеніе его здравія. Таковыми выговорами, до сего бесѣдовавшія со мною Музы, будучи поражены, приклонили печальное къ землѣ чело, и обнаруживъ стыдъ чрезъ краску въ лицѣ появившуюся, въ положеніи означающемъ ихъ смущеніе, немедленно удалились изъ моего покоя. А я, котораго глаза и лице столько были омочены слезами, что никоимъ образомъ не могъ узнать женщины, имѣющей столь повелительную величественность, оцепенѣлъ весь, и глаза потупивъ въ землю, въ глубокомъ молчаніи ожидалъ, что наконецъ будетъ она дѣлать. Она же приближившись ко мнѣ, сѣла

на краѣ одра моего, и взоръ свой устремивъ на мое лице, изображающее сѣтованіе, отъ печали преклоненное долу, слѣдующими негодовала стихами на смущеніе духа моего:

Въ нещастьи человѣкъ снѣдаемый тоской,
Влача отчаянье смертельное съ собой:
Коликократно пользъ своихъ не понимаетъ,
Которы промыслъ въ злѣ премудрый сокрываетъ!
Не видя къ лучшему премѣны смутныхъ дней,
Несется въ мрачность думъ, взоръ затворивъ очей.
Въ снисканьи благъ земныхъ переступивъ предѣлы,
Коль часто свѣтъ умомъ перелетаетъ цѣлый!
Въ Еѳирномъ углубя пространствѣ разумъ свой,
Коль кратъ носился сей изъ свѣта въ свѣтъ иной!
О свойствахъ солнечныхъ судилъ безъ заблужденья,
Законы познаны имъ лунна обращенья;
Пути блудящихъ звѣздъ среди другихъ планетъ,
Обратны точно зналъ, и кажда какъ течетъ;
Хотя въ движеніи различіе ужасно,
Но просвѣщенный сей тогда все видѣлъ ясно.
Какою силою, свирѣпствуя Борей,
Колеблетъ Океанъ въ упругости своей?
Какой Вселенну духъ чудесно такъ вращаетъ,
Что мѣста двигаясь она не премѣняетъ?
Фебъ гордый отъ чего во всякой утра часъ
Съ Восточной стороны ліетъ свой свѣтъ на насъ?
Имѣющъ въ Океанъ на Западѣ сокрыться,
Чтобъ полукружію другому освѣтиться.
Откуда тишина въ весенніе часы,
Всѣ сообщающа лугамъ цвѣтовъ красы?
Что осень жатвою природа одарила:
То всѣхъ явленій сихъ была какаябъ сила;
Во всей обширности ея онъ прежде зрѣлъ,
Все ясно понималъ, во что вникать хотѣлъ.

Но се! не сходенъ самъ съ собою днесь явился,
И быстрый лучь ума мгновенно помрачился;
Лишъ страшный слышенъ стонъ, и тяжка цѣпь звучитъ,
На выѣ что его чрезъ мѣру тяготитъ;
Простеръ онъ долу взоръ, погрязши какъ въ пучину,
Въ отраду ждетъ себѣ единую кончину.

Но время, сказала она мнѣ, время теперь лѣчить болѣзнь, а не порицать тебя въ ней. И послѣ сего вскорѣ взоръ свой на меня устремивши, говоритъ: не ты ли нѣкогда млекомъ моимъ бывъ воздоенъ, и брашномъ моимъ воспитанъ, возшелъ на высоту мужественнаго духа? Принялъ ты отъ меня такое оружіе, съ которымъ никакихъ бы себѣ не нашелъ препонъ въ уничтоженіи малодушія. Узнаешъ ли ты меня? Почто языкъ, связанный молчанія узами, не разрѣшается отъ оковъ сихъ? Стыдъ ли заграждаетъ тебѣ уста, или забвеніе самаго себя? О когда бы стыдъ! но вижу, что ты пораженъ изумленіемъ. И примѣтя, что я не только ей ничего не отвѣтствую на сіе, но онѣмѣвъ, ниже двигать языкомъ могу; легкимъ образомъ приложила руку свою къ моей груди. О! нѣтъ, рекла, опасности; сонною болѣзнію страждетъ, обыкновеннымъ плодомъ попорченнаго воображенія. Онъ отчасти забылъ свое естество; но предварительное меня узнаніе есть удобнѣйшее средство возобновить оное въ мысли. Для исполненія сего самымъ дѣломъ, надлежитъ только отереть его глаза, и возвратить зрѣніе душевному оку. Сіе сказавъ,

въ тотъ же часъ воскрыліемъ своея ризы отерла очи мои, отъ плача потопленные въ слезахъ.

Тогда средь чудныя при ясномъ солнцѣ ночи,
Сверкнули мнѣ съ небесъ лучи въ померкши очи;
Оковы тяжкіе мракъ мыслей ощутилъ,
И чувство зрѣнія сей свѣтъ мнѣ возвратилъ.
Подобно, если Кавръ съ Кавказа вылетаетъ,
И долу съ облаковъ дождь мрачныхъ низтекаетъ:
То туча влажностью надута и огнемъ,
Отъемлетъ почернѣвъ у насъ свѣтъ съ самымъ днемъ.
Лишъ только хлябь Борей небесную затворитъ:
Завѣсу мрака снявъ, и Фебъ изъ тьмы изходитъ.
Чудяся люди сей премѣнѣ, солнца лучь
Живѣе чувствуютъ, слича съ грозою тучь.

По таковомъ разсыпаніи мрака печали, я узрѣлъ свѣтъ, и началъ стараться распознавать лице сея цѣлительницы. Нѣсколько пристально посмотрѣвъ на нее, тотчасъ узналъ, что сія жена была Философія, моя кормилица, подъ призрѣніемъ которой я находился съ самаго малолѣтства. Почто, я вопросилъ ея, О! учительница всѣмъ добродѣтелямъ, отъ высотъ небесъ сшедшая для истребленія слѣпоты человѣческой, благоволила посѣтить меня въ пустынѣ, удаленной отъ всѣхъ сообществъ, въ семъ заточеніи мнѣ навсегда опредѣленномъ? Уже ли и ты, обвиненная со мною вмѣстѣ, хочешъ пронзаема быть ядовитыми стрѣлами ложныхъ порицаній? На что отвѣтствовала: могу ли я, питомецъ мой! оставить тебя? могу ли не принять участія

въ понесенїи того бремени, которое ты за меня держишъ на своихъ раменахъ, возложенное отъ гонителей моего имени? Философїя всегда за беззаконное вмѣняла, не сопутствовать непорочнымъ. Стану ли я бояться оклеветанїй? Поразитъ ли меня ужасомъ что новое? Не нынѣшнїй ли только случай заставилъ тебя вѣрить, что премудрость почитаемая отъ нечестивыхъ буйствомъ, терпитъ отъ нихъ озлобленїя и гоненїя? Не случалось ли сего со мною въ умершей древности, прежде еще временъ воспитанника моего Платона, въ которой я ужасную рать вела съ слабоумїемъ и безразсудностїю людей? А при его жизни учитель его Сократъ не увѣнчался ли торжественными лаврами побѣды, при помощи моей имъ одержанной надъ несправедливою смертїю? По кончинѣ сего искуснаго мужа, когда Епикурской и Стоической Секты слѣпые послѣдователи и другїе многїе, всякъ въ защищенїе своей стороны, похитить его сочиненїе, и въ ловитву себѣ стяжать меня старались, не смотря на мои противоборствованїя и прещенїя: тогда одежду, кою собственными я ткала руками, разодрали, и отхвативши отъ нея худшее изъ всѣхъ лоскутье, въ разные пути уклонились, думая, что отъ ризы моей ничего не осталось. Взирая на нихъ малопросвѣщенные люди, поелику тѣ имѣли въ себѣ нѣкоторые слѣды образа моихъ понятїй, признали ихъ за истинныхъ моихъ воспитанниковъ, и сами пре-

клоньши ухо ко гласу лжи, завели прочихъ въ такой лавирнинѳъ противорѣчїй, гдѣ нѣтъ и нити, посредствомъ которой можно бы было выпти. Если неизвѣстно тебѣ самопроизвольное Анаксагорово заточенїе; если не слыхалъ ты о Сократѣ, котораго жизни чаша еще не упраздненная была ядомъ отведена отъ устъ его; если не знаешъ и лютыхъ Зенона мученїй: то ты удобно могъ знать Канїевъ, Сенекъ, Сорановъ, которые не очень древни, и въ умахъ многихъ людей живутъ, съ удовольствїемъ ими занимающихся. Алчная смерть покосила всѣхъ ихъ единственно по той причинѣ, что они будучи мною утверждены въ добродѣтели, поступками себя отличали отъ нечестивцовъ. И такъ не надобно удивляться, ежели въ семъ морѣ напастей грозятъ намъ смертїю, отвсюду окружающїя насъ бури; а предлежитъ намъ паче всего дѣйствїя соображать съ симъ правиломъ: разврату не нравиться. Толпа сихъ людей хотя превышаетъ числомъ наше общество; однако должно презрѣть оную. Она не имѣетъ путеводителя, но безумїемъ управляется, а иногда волнуема бываетъ и бѣшенствомъ. Когда такого рода люди крѣпчайшею силою вооружаются противу насъ; тогда военачальница наша мужественное свое воинство собираетъ въ замокъ; между тѣмъ, какъ они тщательно занимаются похищенїями ненужныхъ и безполезныхъ вещей. А мы, со стороны взирая на нихъ, посмѣваемся безумїю, по-

будившему ихъ алкать вещей ничего не стоющихъ; и будучи безопасны отъ сего бѣшенствомъ производимаго смятенія, остаемся ограждены такимъ оплотомъ, до коего буйственное безуміе никогда досящи не можетъ.

Кто жизнь въ спокойствіи провелъ,
Кичливость счастья презирая,
На участи различны зрѣлъ,
Въ душѣ премѣнъ не ощущая:
Ужъ ярость не страшитъ морей
Того, хотябъ съ землей мѣсились;
Везувій двигнуть отъ огней,
Пускай дышитъ, чтобъ дни затьмились;
Отъ молній пусть громады стонутъ:
Грозы сіи его не тронутъ.
Почто ужасенъ всѣмъ несчастнымъ
Бываетъ гнѣвъ тиранновъ злыхъ?
Старайся всякъ не быть пристрастнымъ,
Въ вѣкъ будешъ невредимъ отъ нихъ.
Но гласу внемлющій хотѣній,
Разсудку затворившій слухъ,
Невольникъ срамныхъ есть веселій,
Къ спасительнымъ внушеньямъ глухъ.
Тьма золъ цѣпьми во гробъ влечетъ,
Которы самъ себѣ куетъ.

Понялъ ли, сказала, къ чему сія рѣчь клонится? и впечатлѣешъ ли ея въ своей памяти? или ты такъ нечувствителенъ къ словамъ моимъ, какъ оселъ къ согласію музыки? О чемъ сѣтуешъ? почто потоки слезъ проливаешъ? Говори, ничего не скрывая отъ меня. Ежели желаешъ получить облегченіе отъ врача:

то сперва надлежитъ открыть ему рану. Тогда я собравшись съ духомъ, отвѣчалъ ей: жестокость злобствующаго на меня рока еще ли большаго требуетъ объясненія? Не очевидна ли она сама по себѣ? Не уже ли самой видъ сего мѣста не приведетъ тебя въ сожалѣніе обо мнѣ? Здѣсь пребывая, въ томъ ли я нахожусь книгохранилищѣ, которое тебѣ угодно было избрать для себя жилищемъ въ дому моемъ, всякому извѣстнымъ? Сходно ли съ симъ было положеніе мѣста того, въ коемъ часто засѣдая со мною, размышляла о наукахъ проницающихъ во святилище Божественныхъ таинъ, и изслѣдывающихъ причины всего творенія? Въ сію ли одежду я облеченъ былъ? и таковой ли видъ лица имѣлъ, когда сопутствуемъ тобою, входилъ въ тайные чертоги природы; когда ты описывала мнѣ коловратныя стези, движеніемъ своимъ свѣтящихся тѣлъ небесныхъ; когда въ наклонностяхъ нашихъ и въ теченіи жизни старалась соблюсти такой порядокъ, въ коемъ все неуклонно стремится къ намѣренному концу. Сія ли, гонящая меня съ толикою злобою судьба, есть возмездіемъ тому: кто во всемъ слѣдуетъ твоему мановенію? Не ты ли устами Платона рекла: что благополучны тѣ общества, которыхъ правители суть или сами Философы, или покровители оныхъ? Тобоюжъ онъ движимъ, сказалъ: что любомудры озаренные свѣтомъ твоимъ, необходимо должны на себѣ несть иго правленія,

дабы кормило онаго отдавъ въ руки нечестія и порока, не ввергнуть добродѣтель въ пропасть гибели. Сему убо, величества и важности исполненному гласу, повинуясь, восхотѣлъ я всемъ знаніемъ, въ уединеніи мнѣ даннымъ отъ тебя, пожертвовать пользѣ отечества. Свидѣтели тому ты и самъ Богъ, вложившій истинны твои въ души мудрыхъ; что засѣдая въ городовомъ правленіи, общественное благо поставлялъ я первѣйшимъ предметомъ попеченій моихъ. Отъ чего тяжчайшія и неукротимыя велъ я брани съ развратомъ; и гдѣ только могъ воспользовать человѣчество, и защитить тѣснимую невинность; тамъ отнюдъ не страшился раздражать сильнѣйшихъ себя. Коликократно я противустазъ Конигасту, останавливалъ его, стремящагося отнять имѣніе у безсильныхъ! Сколько разъ Тригвилла, царскаго двора надзирателя, отторгалъ отъ содѣянія начатой, и почти уже оконченной совсѣмъ обиды! Коль кратъ суровостію рока утѣсняемыхъ, и безчисленно озлобляемыхъ Варварами, сребролюбіемъ ослѣпленными, покрывалъ, преградою ихъ опасностямъ положивъ могущество мое? Я всегда былъ искренній любитель истинны, и непримиримый врагъ лжи. Когда имѣніе сельскихъ жителей или отъ частныхъ людей разграбляемо было, или они сами обременялись тяжелыми для нихъ даньми; тогда сердце мое сострадательностію трогалось равномѣрно, какъ и тѣхъ, кои были принуждены сносить таковое

утѣсненіе. Во время послѣдовавшаго неурожая, когда по указу, еще прежде того изданному, но въ разсужденіи тогдашнихъ обстоятельствъ не могшему имѣть дѣйствія, принуждаемъ былъ каждый изъ земледѣльцовъ, ежегодно вносить по извѣстной мѣрѣ съѣстныхъ припасовъ въ казенное слагалище за самую низкую цѣну, отъ чего приходила въ упадокъ вся Кампанская провинція, по причинѣ имѣющаго оттуда произойти голода: тогда ополчился я противъ самаго Претора, стараясь предпочесть пользу общественную частной; усильно прекословилъ, когда уже полагаемо было самимъ Царемъ рѣшеніе; наконецъ побѣдилъ упорство его, дабы въ томъ году не требовать столь тяжелыхъ податей съ изнуряемаго гладомъ народа. Павлина Консула, коего имѣніе кровопійственные палачи очень льстились было, и надѣялись пожрать; изъ самыхъ зіяющихъ челюстей смерти я исхитилъ: и дабы Албина тѣмъ же, какъ и тотъ, благородства знакомъ отъ прочихъ отличеннаго, не постигла казнь по одному предразсужденію обвиненнаго; то всѣ острыя стрѣлы ненависти Кипріана, которой его обвинялъ, на меня самаго обратилъ. Не многочисленный ли полкъ сильныхъ враговъ сими поведеніями я воззвалъ противу себя? Но я заслуживалъ по крайней мѣрѣ въ разсужденіи прочихъ быть невредимъ; потому, что изъ любви къ правосудію ни сколько не старался для большей своей безопасности подкрѣплять себя

со стороны двора. По чьимъ доносамъ принужденъ я стенать подъ тягостными игомъ злобной судьбы? Первый изъ ложно обнесшихъ меня есть Василій, который отъ Министерской должности отрѣшенъ будучи по причинѣ безмѣрныхъ его долговъ, неминуемымъ сочелъ изблевать на меня ядъ своея злости. Когда Опилія и Гавденція за безчисленныя и многообразныя злоумышленія приговоръ царскій осуждалъ на заточеніе; и когда опредѣленію онаго противясь, хотѣли они отъ сего наказанія избавиться предварительнымъ уходомъ въ священный храмъ, что и Царю самому было не безъизвѣстно: тогда повелѣно было, по наложеніи имъ клеймъ, выгнать за предѣлы отечества, ежели въ назначенный день не выберутся изъ города Равенны. Что бы, по видимому, могло обезоружить сію угрожающую имъ строгость? Но въ тотъ же самой день помянутыхъ клеветниковъ доношеніе на меня принято за благо въ судѣ. Чтожъ? Сего ли достойно мое просвѣщеніе? И возможно ли явящимъ въ лучшую часть души неповинныхъ, искать оправданія въ ихъ злодѣйствахъ чрезъ предварительное оклеветаніе? Столько ли безстыдно поступило счастіе, ежели не въ разсужденіи моея невинности; то въ разсужденіи подлости терзающихъ меня? Ежели спросишъ содержанія, за какое преступленіе осудили меня? Слухъ пронесся, отвѣтствую, будто бы хотѣлъ я спасти Сенатъ. Образъ ли дѣло-

производства узнать хочетъ? Представляютъ, что тщетными содѣлалъ покушенія доносщика, ложно порочущаго Сенатъ въ оскорбленіи царской чести. Какъ убо ты учительница мыслишъ о семъ? Отречься ли мнѣ, какъ долгъ велитъ, отъ ложно приписуемаго мнѣ злодѣянія, дабы не ввести тебя въ стыдъ? Къ сему я былъ всегда расположенъ, и желать того не престану. Сознаться ли неправедно? Но къ чему было мнѣ воспящать подыски надъ Сенатомъ? Желаніе соблюсти благосостояніе сего сословія могу ли я почесть за беззаконіе? Правда, онъ своими о мнѣ опредѣленіями заслужилъ къ себѣ презрѣніе, и холодность къ назиданію его пользъ. Но безразсудность людей, камнемъ претыканія самимъ себѣ бывающихъ, не можетъ унизить цѣны заслугъ. И я не похваляю Сократа, что онъ повелѣвалъ или умалчивать истинну, или попущать лжи брать верхъ надъ нею. Но все сіе оставляю на твое и мудрыхъ сужденіе. Дабы памятникъ сего дѣла оставить всѣмъ грядущимъ племенамъ: то рѣшился я по порядку, и ничего не скрывая, на бумагѣ сообщить свѣденіе объ ономъ позднему потомству. Говорить о подложныхъ письмахъ, которыми силятся изобличить, что будто бы я питалъ въ сердцѣ моемъ надежду, водворить вольность въ отечествѣ своемъ, почитаю за излишнее. Неосновательность оныхъ тотчасъ бы обнаружилась, когда бы сами доносщики были принуждены совѣстно сознаться

въ присутствіи моемъ, что во всѣхъ дѣлахъ великую имѣетъ силу. Ибо какой можно было намъ ожидать свободы? И О когдабъ льзя было наслаждаться плодами ея! Таковымъ наушникамъ отвѣтствовалъ бы я съ Каніемъ; который, когда Кесарь Германиковъ сынъ ему говорилъ, что онъ конечно былъ свѣдущь о предпріятомъ заговорѣ противъ него; сказалъ: *Ежели бы я это зналъ, то тебѣ не было бы извѣстно.* Прискорбность духа еще не довела меня до такого малоумія, чтобъ жаловаться на нечестивыхъ, злодѣйственная противу добродѣтели начинавшихъ. Но весьма удивляетъ меня конецъ, коего достигнуть они надѣются. Ибо хотѣть худшаго согласно съ первобытною порчею, въ естествѣ нашемъ таящеюся: а возможность поколебать невинность, что бы развращенныхъ умовъ люди ни замышляли, допустивъ премудрый промыслъ, столько же вѣроятна, сколько вѣроятно бытіе баснословныхъ чудовищъ. Почему не напрасно нѣкто изъ извѣстныхъ тебѣ вопросилъ: *Ежели,* онъ сказалъ, *Богъ существуетъ, то кого поставитъ виною золъ? Ктожъ будетъ столь великихъ благъ щедрый раздаятель, когда нѣтъ Его?* И такъ вѣрить должно, что никто, какъ нечестивцы, жаждавшіе всѣхъ добрыхъ гражданъ и всего Сената крови, погубили меня; въ которомъ предвидѣли имѣющаго быть ревностнаго оныхъ защитника. Послѣдованіемъ благотворительности моей ненависть ли Сенаторовъ быть

должна? Помнишъ, кажется мнѣ, поелику всегда ты сама втекала въ слова мои и дѣла; помнишъ, говорю, съ какою собственною опасностiю я защитилъ невинность всего Сената; когда Веронскiй Государь, неистово стремясь на истребленiе ихъ всѣхъ, намѣревался изобличить все оныхъ сословiе въ оскорбленiи своего Величества, въ чемъ виновнымъ оказался послѣ одинъ Албинъ? Извѣстно тебѣ, что сколь истинно теперь говорю; столько же, возшедъ на высоту похвальныхъ дѣянiй, я смирялся прежде. Ибо свѣдущiй о многихъ своихъ заслугахъ человѣкъ, нѣкоторымъ образомъ теряетъ свою цѣну; когда поползнувшись къ высокомѣрiю, въ возмездiе подвиговъ ищится получить славу отъ другихъ, выхваляя себя. Но мою непорочность какая участь постигла, сама ты видишъ. Ибо вмѣсто награжденiя, должнаго удѣла и слѣдствiя добродѣтели, повергаютъ меня, томима въ оковахъ, предъ лицепрiемное судилище. Сознанiе, въ какомъ бы то ни было преступленiи, подвигло ли когда всѣхъ судей на толикую жестокость, чтобъ нѣкоторые изъ нихъ не смягчились или по свойственной разуму человѣческому ошибкѣ, или отъ неизвѣстности всякаго о своемъ жребiи? Если бы обнесли меня, что я на всесожженiе огню хотѣлъ предать священные храмы; кровiю неповинныхъ служителей жертвенника обагрить мечь неправедно извлеченный; и наконецъ если бы на всѣхъ честныхъ людей умышлялъ смерть: то

и тогдабъ надлежало меня наказывать, самолично предъ судомъ признавшагося и изобличеннаго. Когда почти за 500 тысячь шаговъ отстою отъ зерцала, слѣдственно не могу оправдаться: тогда за безмѣрное доброжелательство къ Сенату, осуждаютъ меня на смерть, кою долженствую понести въ ссылкѣ. О подвижники! подобный моему поступокъ никто не вмѣнитъ въ порокъ. Самые клеветники тотчасъ усмотрѣли слабость доводовъ, коими они старались изобличить меня. Потому, дабы изящность дѣлъ моихъ обезобразить мерзостнымъ видомъ какого либо порока, уже умалчивая объ оныхъ, и двери къ себѣ затворивъ истиннѣ, судили меня, чего я ниже воображалъ, виновнымъ въ святотатствѣ. Но поелику сама ты, коея образъ, начертанный на скрижалѣхъ сердца моего, ношу всегда, не допускала въ душѣ моей гнѣздиться привязанности къ вещамъ маловременнымъ; потому святотатство мнѣ, находящемуся подъ твоимъ смотренїемъ, было несовмѣстно. Ибо ты повседневно внѣдряла въ уши и въ сердце мое сїе Пиѳагорово изреченїе: *Буди подражателемъ Богу.* Утверждаться на такихъ подпорахъ, кои основанїемъ служатъ грубыми и чувственными довольствующимся надобностями, ни мало не сходствуетъ съ наклонностями того, кого ты старалась, сколько человѣчеству сродно, уподобить Богу. Сверхъ сего честность моихъ домашнихъ, кои въ поступкахъ

своихъ открыты всѣмъ, не малое число добродѣтельнѣйшихъ моихъ друзей, и наконецъ тесть, сотрудникомъ бывшій мнѣ во всѣхъ дѣлахъ, сей сѣдинами украшенный старецъ столько же почтенный, какъ и ты, совершенно выведутъ меня изъ подозрѣнія въ семъ злодѣяніи. Но О нечестіе! вѣдь они не устыдятся и тебя признать сообщницею въ святотатствѣ; и сіе одно, что я млекомъ твоего ученія воздоенъ, и поступать согласно съ правилами честности наставленъ отъ тебя, будетъ для нихъ побужденіемъ судить о мнѣ, какъ о виновномъ въ ономъ. И такъ преимущество твое надъ другими знаніями не только не помогло мнѣ, въ отвращеніи настоящаго несчастія; но и сама ты принуждена чувствовать огорченія мнѣ чинимыя. Къ сему же усугубляетъ мое бѣдствіе и то, что многіе не столько на заслуги людей смотрятъ, сколько на удачливыя приключенія; и тѣ только за благонамѣренныя предпріятія поставляютъ, коихъ конецъ увѣнчавается земнымъ счастіемъ. Слѣдственно доброе людей мнѣніе скорѣе всего покидаетъ злощастныхъ. Какой теперь разносится въ народѣ слухъ о мнѣ; сколь разногласныя и многоразличныя осужденія, безъ смущенія не могу того привесть на мысль себѣ. О семъ только упомяну тебѣ, что нѣтъ мучительнѣе для человѣка, какъ когда несмысленная толпа вѣритъ, что безпомощные, обвиненные чрезъ ухищреніе лжи, страждутъ праведно. Въ истиннѣ сей признаться

опытъ убѣдилъ меня, который лишившись всего имѣнія, низринутъ съ великой высоты, наконецъ ставъ обезславленъ, за благодѣянія несу казнь. Кажется мнѣ, что я вижу непотребныя развратныхъ сонмища, въ радостныхъ и пріятныхъ размышленіяхъ погружающіяся. Всякой злодѣй вымышляетъ средства ложно обносить другаго: добродѣтельные лежатъ повержены ужасомъ отъ воззрѣнія на нашу участь. Каждый порочный къ продерзостному покушенію на зло поощряется надеждою быть за оное не наказану; а къ произведенію его въ дѣйство, наградами. Напротивъ того невинные не только лишены безопасности; но и возможности себя защищать. Почему не непристойно произнесть слѣдующее:

Строитель мудръ Небесъ усѣянныхъ звѣздами!
Что вѣчный тронъ себѣ поставивши надъ нами,
Кружиться вихремъ сей громадѣ повелѣлъ,
И возбранилъ звѣздамъ, свой преступать предѣлъ;
Ты рекъ Лунѣ: блистай; она насъ освѣщаетъ,
И времени всегда себя соображаетъ.
Какъ полукружїе ея Фебъ озаритъ;
Она свѣтъ звѣздъ своимъ сїяніемъ мрачитъ;
То блѣдный кажетъ видъ, мерцати начиная;
Иль ближе къ солнцу ставъ, себя въ свѣтъ погружая.
Вечерняя звѣзда влекуща мракъ ночной,
И твари хладною кропяща роcой,
За утра вѣстницей есть дня обыкновенной,
При всходѣ солнечномъ намъ представляясь блѣдной.
Коль земнородныхъ жизнь зберется вся съ полей,
Ты въ тотъ же часъ пошлешъ на землю кратко сть дней.

И лѣто знойное когда зоветъ къ работѣ,
Творишъ дни долгими, дабы трудились въ потѣ.
Твоимъ могуществомъ въ премѣнахъ самыхъ лѣтъ
Плодовъ довольствіе всегда зритъ цѣлый свѣтъ.
И если что съ полей чрезъ мразъ Борей уноситъ,
Кротчайшій Зефиръ все обратно въ оны вноситъ.
Кто поздо въ осень что посѣетъ изъ сѣменъ,
У тѣхъ сверьхъ естества классъ золотитъ согбенъ.
Далъ образъ Хаосу прекрасенъ сколько можно,
И днесь во веществѣ блюдешъ сей непреложно:
Во всемъ твореніи сутъ промысла слѣды,
Однихъ людей дѣла оставлены безъ мзды.
Всякъ честной на тебя, О дланью свѣтъ держащій!
Возропщетъ праведно мученія терпящій.
Почто бы щастію судьбу людей вручать?
Пороку свойственнымъ невинность зломъ карать?
Почто развратные на тронѣ засѣдаютъ;
И выи праведныхъ цѣпьми обременяютъ?
Въ себѣ, сіяюща покрыта честность тьмой,
Надъ нею верхъ беретъ почти всегда нравъ злой.
Клятвъ нарушеніе имъ не бываетъ вредно,
Они въ коварствахъ всю проводятъ жизнь безбѣдно.
Собравшись съ силою, страшащей тьму людей,
Не устыждаются порабощать Царей.
О зиждущій вещей союзъ, духовъ соборы!
На бѣдны обрати жилища смертныхъ взоры.
Изъ тьмы твореній всѣхъ мы не послѣдня часть,
При каждомъ ревѣ бурь, ввергаемся въ напасть.
Ты повели волнамъ утихнуть намъ грозящимъ,
Какую стройность далъ свѣтиламъ всѣмъ висящимъ
Въ безмѣрной пустотѣ, на шаръ призрѣвши сей,
Столь тверду тишину и щастіе излей.

Послѣ сихъ Богохульныхъ словъ, произшедшихъ отъ горести, она ни мало не смутившись, вѣщала: какъ скоро я тебя, сѣтующа

и рыдающа увидѣла, то тотчасъ узнала, что ты истинно бѣденъ и заточенъ. Но сколь отдаленна ссылка сїя, до толѣ не знала, доколѣ не уразумѣла изъ твоихъ словъ. Не мысли, что другїе изгнали тебя изъ отечества; но чрезъ погрѣшительныя свои умствованїя самъ ты отщетился онаго. И если желаешъ себя почитать изгнанникомъ, то ни кто, какъ ты виною сего. Ибо кто могъ сїе учинить съ тобою, когда бы не терялъ изъ памяти твоей знаменитости своего отечества, коего члены отъ безразсудной черни, какъ у Аѳинянъ бываетъ, совсѣмъ не зависятъ въ правленїи; но слѣдуютъ манїю единаго Самодержца, единаго Царя, которой удовольствїе получаетъ изъ многолюдства гражданъ, а не изъ отторженїя ихъ отъ своей державы; котораго узаконенїямъ, обуздывающимъ всѣ неистовыя сердца стремленїя, совершенно предать себя, и внимать правосудному его гласу, составляетъ благороднѣйшую свободу человѣка. Уже ли неизвѣстенъ общества, коего ты часть, законъ гласящїй: что совершенно безопасенъ тотъ отъ заточенїя, который однажды восхотѣлъ присоединиться къ оному? Ибо кто забралами и оплотомъ онаго огражденъ, того ничто не сильно въ ужасъ и опасенїе привести, дабы не заслужить изгнанїя. Но одно хотѣнїе исключиться изъ онаго, уже отъемлетъ надежду покоиться въ нѣдрахъ его. И такъ не столько сокрушаетъ меня положенїе сего мѣста, сколько

удивительная превратность твоихъ мыслей. Предметомъ моихъ попеченій суть не стѣны книгохранилища твоего, слоновой костію и зеркалами украшенныя; но жилище твоей души. Въ ней я помѣстила не книги; но то, чрезъ что оныхъ цѣна познается, т. е. мнѣнія нѣкогда начертанныя мною. И хотя безъ всякаго кичѣнія и лжи мнѣ изчислялъ ты множество услугъ явленныхъ обществу: но судя по числу твоихъ знаменитыхъ дѣлъ, еще малѣйшую часть ихъ сказалъ. Справедливо или ложно обнесли тебя, о семъ только извѣстное всѣмъ упомянулъ. Непотребства и коварства клеветниковъ хорошо что ты не много коснулся словомъ. Ибо когда объ оныхъ народъ удостовѣрится; то къ чувствительнѣйшему ихъ стыду и большему посрамленію, будутъ немолчно обноситься въ устахъ потомства. Жестоко поносилъ ты Сенатъ въ несправедливыхъ его съ тобою поступкахъ; кромѣ сего соболѣзновалъ, что отъ лживыхъ порицаній и я не могла освободиться; также оплакивалъ потерю благопріятнаго другихъ мнѣнія о тебѣ. При послѣднемъ сѣтованіи былъ воспламененъ гнѣвомъ на коловратность счастія, и исполненъ неудовольствій, роптал на тѣхъ, кои раздаютъ награды, и опредѣляютъ казни, не соображаясь съ цѣною дѣйствій. Наконецъ къ Престолу Величества Божія возсылалъ произшедшія отъ раздраженнаго сердца молитвы, о возстановленіи на земли такой ти-

шины, каковая видна въ неизмѣримомъ пространствѣ мiровъ превыспреннихъ. Но понеже страстей волны весьма сильно разсвирѣпѣли въ тебѣ; а соболѣзнованiе, печаль и сѣтованiе въ различныя стороны мысли твои развлекаютъ, въ каковомъ разстройствѣ нынѣ вижу ихъ въ тебѣ: то крѣпчайшiя лѣкарства, къ излѣченiю тебя отъ сего недуга служащiя, теперь не могутъ имѣть мѣста. И такъ начну со слабыхъ, дабы тѣ язвы, которыя отъ смущенiй, взволновавшихъ всю природу твою, въ примѣтную пришли окрѣплость и воспаленiе, къ воспрiятiю цѣлебной силы крѣпчайшихъ здѣлались способными, смягченiемъ не столь сильныхъ.

Во знакѣ рака, дни раждающаго знойны,
Кто щедрою рукой посѣялъ сѣмена,
Когда питательныхъ земля влагъ не имѣетъ:
Тотъ ставъ обманутымъ надеждой на Цереру,
Да идетъ къ древесамъ для прiисканья снѣди.
Коль мразныхъ ревъ вѣтровъ бываетъ слышенъ въ полѣ,
Тогда ты въ рощу брать фiалокъ не ходи;
Не тщися плесть пучки изъ нѣжныхъ лозъ весеннихъ,
Коль время то пришло, что виноградъ созрѣлъ.
Вѣ дары осени свои Вакхъ предоставилъ.
Вѣ года времена различны межъ собой,
Согласны съ свойствами и дѣйствiя имѣютъ,
И сей предписанный Творцомъ планъ неизмѣненъ.
Что совращается съ показанной стези:
То слѣдствiй никогда щастливыхъ не имѣетъ.

И такъ прежде всего позволишь ли мнѣ, не многими вопросами коснуться состоянiя

души твоей, и попытать, дабы я могла безпогрѣшительно судить о образѣ врачеванія? На сіе отвѣчаю: о всемъ, что тебѣ за благоразсудится, яко готовѣйшаго къ отвѣтамъ, вопрошай меня. Тогда начала: не думаешъ ли, что міръ есть твореніе случая и нечаянности? или его правителемъ признаешъ нѣкоторое разумное существо? Ни какимъ образомъ, я отвѣчалъ, помыслить не могъ, чтобъ царствующая во всей природѣ толь удивительная стройность произвелась, и двигалась роковою безсмысленностію. Я совершенно убѣжденъ въ томъ, что всевѣдущій Творецъ правитъ вселенною, и никакія перемѣны времени изъ мыслей моихъ не возмогутъ истребить сего. Правду говоришъ, сказала она. Ибо стихи, не задолго предъ симъ тобою пѣтые, доказываютъ сіе; гдѣ неутѣшно оплакивалъ то только, что промыслъ Божій за руку не водитъ однихъ людей. Сіе оттуда явствуетъ, что въ недоумѣніе ты не впадалъ, судя о Божіемъ правленіи, коковаго слѣды на прочихъ дѣлахъ рукъ его видимы суть. Тѣмъ паче и не сильна я умѣрить свое удивленіе; что опираясь на сіе толико здравое мнѣніе, весьма странно и не лѣпо мыслишъ о прочемъ. Но за нужное почитаю теперь разобрать сокровеннѣйшіе изгибы твоего сердца: усматриваю въ тебѣ недостатокъ, но не извѣстной самой мнѣ. И такъ когда не сумнѣваешься, что вселенная правится верховнѣйшимъ суще-

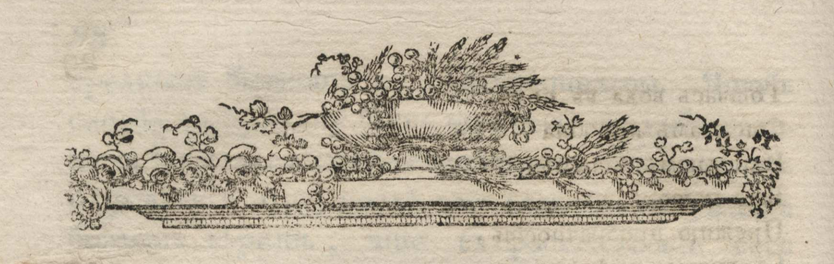
ствомъ; скажи: какой правленія образъ примѣчаешъ въ ней? Едва, говорю ей, смыслъ вопроса твоего могу кое-какъ понимать; удовольствовать же тебя собственнымъ отвѣтомъ на оной, никакъ не въ состояніи. Обмануласьли я, рекла она, въ тебѣ признавъ недостатокъ съ одной стороны, съ которой болѣзни смущающія душу твою, ворвались въ нее, какъ бы чрезъ отверстіе вала, долженствующаго больше всѣхъ служить преградою? По крайнѣй мѣрѣ на сіе отвѣтствуй: не позабылъ ли ты тотъ конецъ, для котораго самъ въ себѣ вѣчно блаженный открылся чрезъ твореніе, повелѣвъ изъ нѣдръ самаго несогласія произойти порядку? и что есть средоточіемъ бытія каждой твари? О семъ слыхалъ, говорю ей; но память моя нынѣ мутится отъ мрака печалей. Имѣешъ ли какое понятіе о томъ существѣ, которому всякая вещь должна бытіемъ своимъ? Сіе знаю, отвѣчалъ я, и признаю, что Творецъ видимыхъ и невидимыхъ есть Богъ. Возможноль, познавши вину всѣхъ тварей, оставаться въ невѣденіи о концѣ бытія оныхъ? Но обуреванія страстей обыкновенно сильны бываютъ только поколебать человѣка въ его положеніи, а не совсѣмъ поработить себѣ. Въ прочемъ скажи пожалуй что-нибудь и на сіе: помнишъ ли, что ты человѣкъ? Льзя ли, говорю, мнѣ забыть сіе? Можешъ ли опредѣлить человѣка? Ежели вопрошаешъ: знаю ли точно, что я есмь животное разумное и смертное?

то сей вопросъ будетъ для меня извѣстенъ, и сознаюсь, что отъ такого животнаго ничемъ не разнствую. Послѣ сего она: не испыталъ ли въ себѣ кромѣ сихъ еще другихъ какихъ либо свойствъ? — Никакихъ. — Вотъ теперь то, сказала она, нашла я другой главнѣйшій всѣхъ источникъ недуга твоего; ты началъ забывать превосходство естества своего. И такъ весьма довольное о болѣзни твоей свѣденіе получила, и надежнѣйшій обрѣла способъ приступить къ излѣченію оной. Погрузясь въ тлѣнное и чувственное, и забывъ величество своея души, какъ только началъ сравнивать себя съ безсловесными животными; то вдругъ ожило въ твоемъ сердцѣ сѣтованіе, что будто бы внѣ предѣловъ отечества жить ты принужденъ, и лишенъ всего имѣнія. Невѣденіе, на какой конецъ міръ сей устроенъ, довело до того; что одну только сволочь безчестныхъ людей почитаешъ могущественною и блаженною. Когда же забвенію предалъ образъ нравственнаго на земли правленія; то думаешъ, что коло судьбины каждаго течетъ, ни мало не завися отъ безпристрастнаго управителя. Сознаться надобно, что сіи закоренѣвшія въ тебѣ мысли, иногда могутъ служить острѣйшимъ орудіемъ смерти, и никакое изобрѣтеніе не притупляетъ смертоноснаго ихъ жала. Однако надлежитъ тебѣ благодарить Бога, виновника твоего спасенія; что еще не находишься близъ такой опасности, въ которой

средства бываютъ не дѣйствительны. Чтобъ скорѣе возбуждену быть отъ сего сна губительнаго, то надлежитъ безошибочное имѣть понятіе о правленіи міра; послѣ чего всякой принужденъ бываетъ вѣрить, что въ расположеніе сего огромнаго зданія несмысленность случая втекать не можетъ. И такъ не страшись ничего. Одна сія малѣйшая искра, отъ солнца правды пролетѣвъ мимо твоего разума, начинаетъ уже возстановлять въ душѣ твоей владычество смысла, и удерживать забѣги воображенія. Но поелику крѣпкихъ лѣкарствъ принимать еще не наступило время; а сверхъ того извѣстно тебѣ, что души человѣческія при всякомъ своемъ удаленіи отъ прямаго пути, впадаютъ въ ложныя умствованія, отъ коихъ раждающійся мракъ понятій ослѣпляетъ взоръ разума ихъ: то во первыхъ попытаемъ слабымъ лучемъ истинны, медленно открывая ея завѣсу, коснуться ума твоего для разогнанія мглы покрывающей его, дабы по разсыпаніи мрачныхъ мыслей, кои суть плодъ обаятельныхъ страстей, можно было тебѣ въ полномъ и совершенномъ видѣ узрѣть священнѣйшее ея сіяніе.

Въ облацѣхъ мрачныхъ
Скрывшись свѣтила,
Не освящаютъ
Землю лучами.
Если колеблетъ
Бурный вѣтръ море:

Тотчасъ вода въ немъ,
Стекламъ подобна
Или днямъ яснымъ,
Всю потеряетъ
Прежню прозрачность,
Съ грязью смѣсившись
Мутна бываетъ.
Рѣчныхъ струй чистыхъ,
Долу текущихъ
Съ горъ превысокихъ,
Часто стремленье
Остановляетъ
Камень отпадшій
Ставъ имъ преградой.
Сходно и ты съ симъ
Если желаешъ,
Въ ясности зрѣти
Сродной свѣтъ правдѣ,
Къ щастью ведущій
Путь воспріяти:
Бѣгай веселій,
Будь не боязненъ,
Не повѣряйся
Льстивымъ надеждамъ,
Скорби не чувствуй.
Мрачны бываютъ
Мысли душевны,
Связанъ есть разумъ
Въ царство страстей сихъ.



СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИГИ.

Доводами, изъ мѣстъ Риторическихъ взятыми, Философія уличаетъ Боеція въ несправедливомъ его желаніи, пользоваться прежнею благосклонностію щастія. За симъ слѣдуетъ описаніе щастія. Разговоръ его съ Боеціемъ о томъ: что онъ гораздо щасливѣе, нежели какъ онъ мыслитъ о себѣ. Человѣческое же, но ложное щастіе описывается. Блаженство человѣка не состоитъ въ случайныхъ вещахъ, какъ то въ богатствѣ, достоинствѣ, могуществѣ, славѣ и пріятномъ отзывѣ народа: или лучше сказать, самыя бѣдствія, яко достойныя святѣйшихъ творческихъ намѣреній орудія, весьма часто служатъ къ назиданію истинныхъ пользъ человѣчества.

Послѣ сего умолкла, и какъ скоро чрезъ умѣренное молчаніе уловила мое вниманіе къ ней;

симъ образомъ начала вѣщать: Ежели безпогрѣшительно могу себѣ въ похвалу сказать, что причины и качество недуга твоего совершенно вызнала; то отъ желанія быть по прежнему щастливымъ страждешъ, и сокращаешъ свою жизнь. Одна только премѣна мнимаго благополучія такъ странно преобразила тебя. Разумѣю я многообразныя личины чудовища, которое даже съ возводимыми отъ него на высоту отличій съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ послѣ низвергнуть съ оныя, соединяетъ себя дружествомъ ласкъ преисполненнымъ; и по внезапномъ своемъ удаленіи, покрываетъ ихъ несноснымъ мракомъ соболѣзнованія. Если воспомянешъ о бывшемъ твоемъ щастіи, свойствѣ онаго, обыкновеніяхъ, и о услугахъ явленныхъ тебѣ; то узнаешъ, что оно ничего тебѣ изящнаго не доставило, и ничего не похитило. Но, думаю, не многой трудъ потребенъ для возобновленія сего въ твоихъ мысляхъ. Ибо и въ то время, когда еще украшался ты всѣми его дарами, обыкновенно съ жестокостію нападалъ на него; и мнѣнія твои, служащія къ показанію его слѣпоты, доказываютъ, что ты и находясь въ своемъ книгохранилищѣ, былъ гонителемъ его. Впрочемъ всякая нечаянная перемѣна вещей бываетъ сопряжена съ нѣкіимъ, такъ сказать, волненіемъ душъ человѣческихъ. По сему возчувствовалъ и ты нѣкоторое умаленіе спокойствія душевнаго. Но уже приспѣло время почерпнуть, и вкусить нѣжнаго

нѣкоего, и чувства услаждающаго питія; которое проникши внутренность, содѣлало бы ее способною къ принятію другаго крѣпчайшаго, и въ большемъ количествѣ. Почему теперь начнемъ мы слово съ увѣщанія, пріятное оставляющаго впечатлѣніе на сердцѣ, и только тогда полезнаго, когда оно сообразно моимъ законамъ; а съ онымъ купно и музыка, служебница двора моего, по обстоятельствамъ, да услаждаетъ слухъ твой то нѣжностію, то важностію своихъ тоновъ. И такъ человѣкъ! что тебя заставило погружаться въ уныніи, и скорбѣть? Новое, думаю, нѣчто, и необыкновенное представилося очамъ твоимъ. Думаешъ, что щастіе не пребыло постояннымъ къ тебѣ? Обманываешся. Нравъ его всегда одинаковъ: тщетною надеждою вѣчно покоиться въ лонѣ его, веселивъ тебя, оно чрезъ самую къ тебѣ премѣну наилучшимъ образомъ ознаменовало постоянство свое. Въ томъ же теперь положеніи, въ каковомъ и прежде было: когда обаятельными словами ослѣпляло тебя, когда заохочивало къ любленію себя единою благовидностію вещей. Извѣстною тебѣ нынѣ здѣлалась обоюдность вида, которую лице сего, за божество отъ многихъ вмѣняемаго, слѣпаго идола пріемлетъ на себя. Хотя прочіе усмотрѣть и не могутъ онаго, однако ты во всей существенности нынѣ видишъ. Ежели оно нравится тебѣ, приспособляйся къ его обычаямъ, дабы на него не роптать послѣ. Когда же

ужасаешся его вѣроломства: то воззри на него презрительнымъ окомъ, и отщетись играющаго роли пагубныя. Ибо причина побудившая тебя такъ сильно сѣтовать, болѣе долженствовалабъ утѣшать. Престало тебѣ щастїе благопрїятствовать, о которомъ не льзя быть увѣрену, чтобъ человѣка выгодамъ когда нибудь не измѣнило. Или ты дорого цѣнишъ благополучїе, имѣющее вскорѣ изчезнуть? Уже ли покой сердцу могутъ доставить мгновенная благая, по лишенїи которыхъ мѣсто краткихъ веселостей заступаетъ вѣчное прискорбїе? Если не можно людямъ навсегда удержать за собою щастїе, и потеря онаго сопровождаетъся огорчительнымъ чувствїемъ бѣдности: то и находящимся въ призрѣнїи у него, не должно ли казаться оно предзнаменованїемъ какого-либо грядущаго бѣдствїя? Потому что судя о добротѣ вещей, не должно ограничивать себя поражающимъ токмо зрѣнїе. Благоразумїе кладетъ цѣну, смотря на конецъ ихъ, показующїй ея: та же самая въ обоихъ случаяхъ неустойность щастїя научаетъ, неболзненно смотрѣть на угрозы его, и безпристрастное имѣть сердце къ его ласкательствамъ. Напослѣдокъ ты обязанъ равнодушно сносить все происходящее вокругъ его, гдѣ почти въ непрестанномъ колебанїи находятся вѣсы; когда единожды поручилъ себя во власть его. Ежели похочешъ предписывать законы, касательно перевѣса на твою или противную сторону,

тому, кого добровольно избралъ твоимъ владыкою; не будешъ ли самъ несправедливъ? и не огорчишъ ли малодушїемъ своимъ ту судьбу, которой перемѣна отъ произволенїя твоего ни мало не зависитъ? Когда поставишъ парусы: судно, въ которомъ ты находишся, не въ ту сторону воспрїиметъ свое движенїе, куда тебѣ угодно, но куда дуновенїе вѣтровъ понесетъ оное. Ежели сѣмена ввѣришъ браздамъ полей, то недостатокъ безплоднаго лѣта будешъ вознаграждать плодородїемъ другаго года, тукомъ обогащеннаго. Отдался ты на произволъ вѣтреннаго щастїя, то и принаравливайся къ его нравамъ. Тебѣ ли стараться удержать всегдашнее стремленїе колеса вращающагося? Безумнѣйшїй всѣхъ смертныхъ! и щастїе изчезнетъ, ежели оное колесо престанетъ двигаться.

Десницей гордою судьбы располагая,
Крутитъ, какъ водное жерло, все превращая;
Ужасныхъ искони ломаетъ рогъ царей,
Свободой напротивъ плѣненныхъ льститъ людей.
Не внемлетъ немощнымъ, не чувствуетъ рыданїй,
Взираетъ осклабясь, виною ставъ стенанїй.
Весь опытъ силъ его въ игрѣ сей состоитъ,
Котора ужасомъ кого не поразитъ?
Надежды видъ его хоть лестныя раждаетъ,
Но сна мечтанїямъ подобно изчезаетъ.

Но желательно мнѣ не много поговорить съ тобою отъ лица самаго щастїя. И такъ примѣчай: согласны ли съ требованїями ис-

тинны будутъ его слова? „Что побуждаетъ тебя, человѣкъ! почитать меня виновникомъ ежедневныхъ твоихъ жалобъ? Какую обиду я тебѣ нанесло? Какихъ собственно къ тебѣ принадлежащихъ благъ лишило? Избери, кого хочешь, судіею для рѣшенія спора со мною о обладаніи имуществъ и достоинствъ; и если покажешъ, что хотя однимъ изъ сихъ благомъ кому нибудь изъ смертныхъ свойственнѣе, нежели мнѣ, владѣть; то добровольно признаю все то твоимъ собственнымъ, о чемъ, порицая меня возмутителемъ спокойствія радостныхъ минувшихъ дней твоихъ, не однократно упоминаешъ. Когда природа изъ чрева матерня произвела тебя на свѣтъ, не снабдивъ никакою одеждою, и никакими вещьми, служащими къ пропитанію и защищенію отъ наглости вѣтровъ и бурь: тогда былъ ты принятъ подъ мое покровительство, на счетъ мой воспитанъ, и, что теперь заставляетъ тебя злословныя на меня отверзать уста, я склонно будучи благодѣтельствовать людямъ, отлично благоволило къ тебѣ, довольствомъ вещей для прогнанія глада отъ тебя, и титлами благородства для защищенія отъ злости сильной, оградивъ со всѣхъ сторонъ. Нынѣ престань, подобно младенцу, держаться за меня руками; возблагодари мнѣ, яко чужимъ пользовавшійся. Не имѣешъ права на меня жаловаться, лишившись чуждаго. По что убо такъ стенать? Никакого я насилія

не здѣлало тебѣ. Богатство, чины и прочая симъ подобная мнѣ принадлежатъ. Всѣ слушаютъ гласа моего; за мною слѣдуютъ, по удаленіи моемъ отъ нихъ отходятъ сами. Дерзновенно подтвердить могу, что ежели бы тебѣ принадлежало то, о потеряніи чего жалуешся, ни какимъ образомъ не могъ бы ты лишиться того. Не уже ли мнѣ одному запретятъ, по волѣ располагать находящимся у меня во власти? Позволительно небу чрезъ проліяніе волнъ солнечныхъ по воздушнымъ долинамъ творить дни свѣтлые, и отъ облаковъ, по истощеніи свѣта лучей, не могущихъ проницать оныя, превращать дни въ мрачныя ночи. Можетъ годовое время иногда влагать въ земную утробу драгоцѣнныя сѣмена плодородія и цвѣтовъ, а иногда землю оставить безплоднымъ смѣшеніемъ песка и праха. Не оспориваетъ никто права у моря, тишиною своею веселить плавающихъ по нему; и когда згущенныя отъ порывистыхъ вѣтровъ облака составляютъ громады, полагающія препону сіянію солнца, погружать ихъ въ конечной страхъ и робость, отверзаніемъ своихъ пропастей? Ненасытное желаніе человѣческое обяжетъ ли меня къ тому постоянству, которое совсѣмъ чуждо моей природѣ? Вотъ предѣлы, за которые никогда не простирается мое могущество! вотъ въ чемъ безпрерывная моя состоитъ игра! стремительно обращаю колесо, и нечувствительно бываю ко всѣмъ

веселїямъ, изключая веселїе всегда коловращать оное. Взойди на него, ежели тебѣ угодно; но съ тѣмъ, чтобъ не считалъ ты себя обиженнымъ, когда для своей забавы тебя стоящаго на немъ поставлю главою къ низу. Уже ли до сего времени тебѣ неизвѣстны были мои нравы? Уже ли ничего не слыхалъ ты о Крезѣ Царѣ Лидїйскомъ, который до того производилъ боязнь въ самомъ Кирѣ, но вскорѣ за симъ былъ возложенъ на костеръ посредѣ палящаго огня? Уже ли не помнишъ, сколь болѣзненно стѣснялось печалїю сердце Павла Емилїя отъ участїя въ скорби Персея, со славою царствовавшаго прежде въ Македонїи, но во время сего полководца принужденнаго, наложить на себя постыдныя оковы невольничества? Что другое причиною плачевнаго вопля трагиковъ, какъ не нещастїе, однимъ ударомъ цвѣтущїя государства изпровергающее? Еще въ огненномъ юношествѣ живя, не былъ ли ты свѣдущъ о сихъ словахъ: *при прагѣ вратъ Юпитеровыхъ лежатъ двѣ бочки, изъ коихъ одна есть вмѣстилище благъ, а другая золъ?* Кромѣ сего чемъ оправдишъ свои укоризны мнѣ чинимыя, когда разстался со мною, удержавъ большую часть благъ моихъ за собою? Что скажешъ, когда призрѣнїя моего еще не совсѣмъ ты лишенъ? Что, ежели сїя превратность моя подаетъ тебѣ надежду, поправить свое состоянїе? Не взирая на нынѣшнїя приключенїя, толико тебѣ противныя, я рѣши-

тельно отозвалось въ твою пользу, что бы печалей предметами поражаемый твой разсудокъ, не вдался въ ослѣпленіе, каковому подвергаются на высотѣ честей, при избыткѣ богатствъ, въ нѣдрахъ забавъ и веселій всегдашнихъ; и чтобъ не будучи ты изключенъ изъ числа борющихся иногда съ нещастіемъ, которое есть общее для всѣхъ, возжелалъ всѣ дѣйствія свои располагать по гласу даннаго тебѣ закона.

Хотябъ толикій токъ излился въ міръ щедротъ,
Коликое число песка коловращаетъ
Съ ревущимъ воздухомъ сражающійся понтъ,
И многозвѣздну сколь одежду надѣваетъ
Престолъ превѣчнаго въ небурный часъ нощей:
Но не умолкли бы роптанія людей.
Хотя бы Божество такъ міромъ управляло,
Что человѣковъ всѣ желанья исполняло,
Обильною рукой богатство подая,
Желающихъ на верхъ достоинствъ возводя:
Однако и сіе едвалъ ихъ успокоитъ,
Желаніе еще пасть алчную разтворитъ.
Чтожъ можетъ оному предѣлы положить?
И можетъ ли когда богатымъ названъ быть?
Кто средь обилія стенаетъ, и страшится,
И жажда коего ничемъ не утолится,,.

Когда бы щастіе, симъ образомъ защищая себя, говорило съ тобою; подлинно не могъ бы ты ему противорѣчить ни въ чемъ; или если надѣешся справедливость ропота своего чемъ нибудь доказать, то объяви мнѣ; я готова

внимать твоимъ словамъ. Разсужденія сіи, отвѣчалъ я, по видимому на здравыхъ началахъ основаны, и не безъ пріятности, каковую возвышенный слогъ Риторическій производитъ въ сердцахъ слушателей. Когда оными слухъ бываетъ поражаемъ: тогда душа наполняется утѣшительнымъ восторгомъ. Но страждущіе подъ ударами, отъ злаго рока на нихъ падающими, чувствительнѣе къ своимъ мученіямъ. Въ слѣдствіе сего заматорѣвшая печаль паки понуждаетъ меня измѣнять разуму. Такъ точно, она вѣщала. Ибо нынѣшнія слова мои еще не могутъ служить врачевствомъ болѣзни твоей; но паче побуждаютъ тебя упорствовать противъ цѣлителей ея. Избравъ удобный случай, между прочимъ не премину и о томъ сказать тебѣ, что подѣйствуетъ на самое сердце. Но дабы впредь не питать тебѣ ложныхъ мыслей сихъ, что ты злополученъ нынѣ; для сего вопрошаю: уже ли позабылъ число и великость прежнихъ благопріятствъ щастія къ тебѣ? Прохожу молчаніемъ сіе, что когда отца твоего глаза сомкнулись на вѣки, принятъ былъ ты подъ покровительство самыхъ знатныхъ особъ, и будучи награжденъ за свои достоинства, рукою дщери одного изъ главныхъ градоправителей, во первыхъ, (что драгоцѣннѣйшимъ въ родствѣ почитается) любовь ихъ къ себѣ привлекъ открытіемъ даровъ разума и сердца своего, и потомъ уже возъимѣлъ право на благородство ихъ поколѣ-

нія, произходя въ чины съ самой весны дней своихъ, не по прозьбамъ или проискамъ, но по дѣйствительнымъ заслугамъ. Кто не провозгласилъ счастливцомъ тебя, узрѣвши тебя зятемъ толь знаменитыхъ людей, мужемъ цѣломудренной супруги, въ любезномъ коей лицѣ пріятности избрали себѣ жилище, наконецъ отцемъ сыновъ, къ произведенію самыхъ трудныхъ умоначертаній наилучшимъ образомъ расположенныхъ, на которыхъ природа истощила богатство всѣхъ красотъ своихъ? Не упоминаю, (ибо объ общемъ съ прочими умолчать можно,) о достоинствахъ возложенныхъ на тебя въ юношествѣ, которыми краситься рѣдкимъ возмужавшимъ дозволялось: удовольствіемъ считаю начать рѣчь мою о семъ: какими изъ особливыхъ даровъ щастія ты не наслаждался? Ежели плодъ временныхъ благъ можетъ хотя нѣсколько споспѣшествовать къ благополучію человѣчества; то возможно ли загладиться въ памяти сіянію бывшей славы твоей, подъ какоюбъ тяжестію бѣдствій ты ни былъ удручаемъ? Коль сладостное упоеніе сердца и разума, когда двухъ сыновъ своихъ учинившихся Консулами, зрѣлъ ты выѣзжающихъ со двора въ провожденіи многихъ Сенаторовъ, и въ ожиданіи народа, чрезмѣрно жаждущаго насладиться ихъ лицезрѣніемъ! Какое это торжество радости было, и сколь сильное чувство веселія оживляло тебя, когда при засѣданіи ихъ въ Сенатѣ, куда они на

великолѣпной колесницѣ возимы были, самъ ты съ преимуществами проницательнаго духа, и со способностїю все представлять въ выразительныхъ чертахъ, въ обольщающихъ красхахъ, покарялъ себѣ сердца всѣхъ, и приобрѣталъ хвалу, едва ли когда возлѣтавшую выше; и когда на площади, сидя посредѣ ихъ обоихъ, обступившему народу за ожиданїе твоего прихода торжественно платилъ дарами щедрыми! Казалось мнѣ, что былъ у тебя положенъ договоръ со щастїемъ, когда оно толико занималось назиданїемъ твоихъ выгодъ, что малѣйшимъ замѣшательствамъ не дозволяло возмутить спокойствїе, и помрачить честь твою; когда столько же внимало гласу твоихъ желанїй, сколько гласу своихъ прихотей. Благопрїятствующїй случай открылъ путь, къ тому приведшїй тебя, что на одномъ году сыновья твои правили такою должностїю, каковой никто, не носившїй въ обществѣ званїя, прежде ихъ не былъ удостоенъ. Ты ли убо хочешъ вести разчетъ со щастїемъ? Оно еще въ первой разъ, и то слегка ранило тебя. Когда бы сравнивалъ ты между собою числа радостныхъ и печальныхъ дней; языкъ твой былъ бы недвижимъ къ сознанїю несчастнымъ тебя. Если потому считаешъ себя нещастнымъ, что прекратились мнимыя твои веселости: то несправедливъ ты съ другой стороны, когда неудовольствїя томящїя духъ такъ же изчезаютъ. Ты ли одинъ сверхъ чаянїя, яко стран-

никъ и пришлецъ, изведенъ на жалостное зрѣлище сей юдоли слезной? Если изъ вещей сихъ хотя едина постоянна и тверда? когда смерть ужаснымъ серпомъ своимъ мгновенно срѣзываетъ съ корня самаго человѣка. Весьма рѣдко можно питать себя надеждою на долговременность щастiя; но послѣднiй день жизни посѣкаетъ и надежнѣйшiе цвѣты онаго. Чемъ возразить на сiе можешъ? При дверехъ ли смерти уже находясь, лучше разлучиться со щастiемъ? Или тогда, когда оно будучи желательно еще, само бѣжитъ отъ тебя?

На колесницѣ Фебъ мчась розовой съ востока,
Когда начнетъ дневный свѣтъ долу изливать:
При видѣ онаго блестащаго потока,
Блѣднѣющимъ звѣздамъ не льзя не померкать.
Тогда, какъ дышетъ вѣтръ и теплый и цѣлебный,
Какъ рощи красятся румяностiю розъ!
Пусть Южный заревет истнительный, враждебный,
Вся лѣпота спадетъ съ цвѣтовъ и съ гибкихъ лозъ.
То море тишиной и блескомъ восхищаетъ,
Коль нѣдръ его вѣтровъ не возмощаетъ споръ;
То бурный Аквилонъ покой сей прерываетъ,
Вздымая зыбь на зыбь Карпадскихъ выше горъ.
Коль рѣдко въ свѣтѣ семъ, что былобъ непремѣнно,
И постоянства нѣтъ во образѣ вещей:
Такъ ты на щастiе надѣйся несомнѣнно,
И буди жертвою прiятной лжи очей.
Узаконенiе сiе природы вѣчно,
Чтобы рожденное все было скоротечно.

Тогда говорю ей: истиненъ глаголъ твой, О питательница добродѣтели! Кто сомнѣвается,

что очень быстрое было приращенїе моего щастїя. Но воспоминанїе минувшаго благополучїя вмѣсто того, чтобъ ослабить, еще усиливаетъ во мнѣ внутреннїй ропотъ, исполненный на все негодованїя, презрѣнїя къ настоящему, и скорби о прошедшемъ. Ибо всякой бѣдствующїй человѣкъ, подъ бременемъ злощастїй больше стенаетъ и досадуетъ; когда вообразитъ, что прежде все показывало лестные для него виды. — Не вещи, а обманчивое воображенїе есть причиною твоего неудовольствїя, отъ неразмышленїя слагаемаго на нихъ. Ибо ежели пустое имя случайнаго счастїя трогаетъ тебя; то сколь многая и отличная онаго благая ты еще теперь имѣешъ у себя, приведи сїе хотя со мною на мысль себѣ. И если оно въ цѣлости блюдетъ для тебя все то, чего нѣтъ драгоцѣннѣе изъ всѣхъ даровъ онаго: то праведно можешъ ли укорять его въ похищенїи у тебя благъ, лучшее все утвердивъ за собою? Цвѣтетъ еще крѣпостїю тѣлесныхъ силъ оная неоцѣненная красота рода человѣческаго, Симмахъ, твой тесть, мужъ мудрый и добродѣтельный, и (за что охотно бы ты заплатилъ цѣною жизни) которой самъ будучи неприступенъ клеветѣ и злости человѣческой, воздыхаетъ о причиненныхъ тебѣ обидахъ. Жива еще супруга твоя, при всей остротѣ своего разума, кроткая, и въ цѣломудрїи несравненная изъ женъ, и дабы въ краткихъ словахъ помѣстить всѣ ея изящныя

качества, во всемъ подобящаяся своему родителю. Живетъ, говорю, и несноснымъ почитая сей свѣтъ, для тебя только не хочетъ разлучиться съ нимъ; но, что одно сама должен ствую признать ущербомъ твоего благополучїя, отъ желанїя видѣться съ тобою, потопляясь въ слезахъ, и наполняя воздухъ воплемъ и стенанїемъ, часъ отъ часу становится ближе ко гробу. Что сказать мнѣ о дѣтяхъ, Консульскимъ саномъ украшенныхъ, которыхъ разумъ въ отрочествѣ, (какъ будто бы одинакихъ съ ними былъ лѣтъ) имѣетъ тотъ же степень познанїя, которымъ отличались глубокїе умы родителя ихъ, и дѣда. Каждый очень дорого цѣнитъ жизнь свою; слѣдственно, (ежели только мученїя, гнѣздящїяся въ сердцѣ, позволяютъ тебѣ видѣть сїе) не щастливъ ли ты, когда по сознанїю всѣхъ дражайшее бытїя самаго не отнято у тебя. И такъ удержись отъ слезъ. Мягкосердїе щастїя никогда еще не претворялось въ толикую жестокость, что бы преставъ человѣку благотворить, все похитило у него; да и не съ лишкомъ опасная на тебя буря напастей возстала, когда судна твоего якори въ земной утробѣ такъ укрѣплены, что не отъемлютъ утѣшенїя въ настоящемъ времени, и надежды на будущее. Когда бы, изрекъ я, услышалъ Богъ безгласныя, но изходящїя отъ сердца сокрушеннаго мои мольбы о семъ! Ибо если они пребудутъ твердо заключены въ землѣ; то какъ нибудь

преплывемъ пучину несчастїй. Но зри, коликое множество цвѣтовъ щастїя, меня украшавшихъ, поблекло. За симъ, уже усугубила я, рекла она, оризонтъ зрѣнїя твоего, ежели въ твоемъ состоянїи видишъ не одни печалей предметы. Но терпѣть не могу, что ты предался нѣгѣ; что утопая въ слезахъ, и отъ скорби снѣдаясь ропщешъ, яко бы нѣчто, служащее къ блаженству, удалено отъ тебя. Самый лучшїй на земли жребїй есть тотъ: котораго услажденїя съ малымъ примѣсомъ отравы бываютъ. Ибо въ самомъ естествѣ земныхъ благъ кроется источникъ суетъ и многомятежїя; оныя или не всѣ достаются намъ въ руки, или не долговременно наслаждаемся ими. Сего нивы благословлены изобилїемъ, хранилища исполнены злата, стада паче прочихъ множатся; но предъ другими постыжденъ низкостїю поколѣнїя. О семъ трубою знатнаго произхожденїя повѣдано отдаленнѣйшимъ свѣта странамъ; однакожъ сражаясь со скудостїю, желалъ бы онъ быть вовсе невѣдомъ. Тотъ въ избыткѣ у себя то и другое имѣя, горько оплакиваетъ не сродной себѣ выборъ жизни. Другой ощастливленъ супругою; но не имѣя дѣтей, блюдетъ богатство для чужихъ наслѣдниковъ. Инаго женѣ разверзъ Богъ утробу; но поелику плоды взаимной ихъ любви сокрываются въ темную тучу пороковъ, то старость ихъ сопровождается тяжкими огорченїями. Посему никто

недоволенъ состоянїемъ своимъ. Ибо каждое въ себѣ содержитъ нѣчто такое, чего человѣкъ не испытавъ, не знаетъ; испытавши же цепенѣетъ отъ ужаса. Притомъ покоющагося въ нѣдрахъ щастїя сердце весьма чувствительно къ злоключенїямъ; и, когда не все удается по желанїю, онъ не обыкши сносить противныя событїя, впадаетъ въ унынїе отъ малѣйшаго зла. Сїе-то причиною есть, что счастливѣйшїе, по мнѣнїю плотскихъ людей, при великомъ избыткѣ не ощущаютъ онаго. Сколько сыщется подъ игомъ бѣдствїя страждущихъ, которые признали бы за верхъ своего благополучїя, получивши право на самую меньшую часть изъ твоихъ благъ. Сїе самое мѣсто, кое ссылкою ты нарицаешъ, обитателямъ его есть отечествомъ. И такъ нещастїе зависитъ только отъ нашего воображенїя: всѣхъ блаженнѣе тѣ, которые великодушїемъ вооружаются противъ злаго рока. Кто на земли есть толико щастливъ, котораго малодушїе не понудило бы изъ одного состоянїя переходить въ другое? Услажденїя, кои въ земномъ щастїи человѣкъ думаетъ находить, какими растворены горестями! Они кажутся прїятнымъ питїемъ; однако чемъ долѣе хотятъ люди пользоваться ими, тѣмъ скорѣе теряютъ ихъ изъ виду. А отсюда явствуетъ, что благополучїе временное отъ бѣдности не можетъ избавить насъ; когда равнодушный не долго наслаждается имъ,

а малодушный среди увеселеній безчисленные чувствуетъ недостатки, безъ прискорбія не бывающіе. По что убо, смертные! внѣ себя ищете щастія, которое носите внутрь васъ? Мрачной облакъ заблужденій и невѣжества препятствуетъ вамъ видѣть его. Хотя въ краткихъ словахъ, однако нынѣ же покажу тебѣ источникъ верховнаго блага. Цѣнишь ли что нибудь дороже себя? Никакъ, скажешъ. Слѣдственно ставъ обладателемъ самого себя, получишъ то, чего лишиться вѣчно не пожелаешъ; и что совсѣмъ неприступно вѣтренному щастію. Но дабы совершенно увѣриться въ семъ, что преходящія вещи никакъ не могутъ доставить покоя сердцу человѣческому; размысли симъ образомъ: Когда блаженство есть высочайшее благо природы, совмѣстное однимъ тѣмъ существамъ, кои по законамъ разума живутъ; и когда больше, нежели небо отъ земли, отстоитъ отъ того блага, которое или отъ стихій разрушается, или насильственными хищенія руками противъ воли берется у насъ; когда превосходнѣйшимъ почитается сокровище некрадомое: то не явствуетъ ли, что изъ подлежащаго тлѣнію ничто не сильно породить чувствія непресѣчныхъ и истинныхъ веселій? Сверхъ сего, ослѣпляющійся скоротечнаго щастія сіяніемъ или увѣренъ о его коловратности, или нѣтъ. Ежели не увѣренъ, то можетъ ли въ нѣдрѣ удовольствія и покоя блаженствовать, (въ какомъ бы состояніи оно ни

поставило его), слѣпотствуя въ познанїи онаго? Если увѣренъ, то должно ему опасаться, дабы не потерять того, чего лишиться о возможности не сумнѣвается. Почему щастїе никакъ не освобождаетъ человѣка отъ непресѣчной боязни. Когда оно измѣнитъ выгодамъ чьимъ; въ то время не почтетъ ли всякъ за долгъ презрѣть его? Ни малаго вниманїя не заслуживаетъ то добро, коего потерею ни сколько не огорчается иройскїй духъ. Но поелику ты изъ числа убѣжденныхъ весьма многими доводами въ безсмертїи душъ человѣческихъ, и находящихъ доказательства онаго въ собственномъ сердцѣ; то, хотя извѣстно, что прекрасныя розы случайнаго щастїя скоро увядаютъ, и оставляютъ одинъ колючїй тернъ; не льзя тебѣ мыслить, чтобъ все земнородныхъ племя по смерти ввергнулось въ пропасть злоключенїй; когда блаженство ожидаетъ его по другую гроба страну. Если многїе вкушали плоды истиннаго благополучїя не только умирая, но въ болѣзни и страданїяхъ находясь: какимъ же образомъ настоящая жизнь блаженными людей содѣлаетъ, которой лишенїе не дѣлаетъ никого бѣднымъ?

Кто бдяй надъ жизнїю, вселиться тамъ желаетъ,
Гдѣ безмятежїе и радость обитаетъ;
И что бы ревъ вѣтровъ его не досязалъ,
И всуе Понтъ ему зыбями угрожалъ:
Отнюдь да не живетъ тотъ на горахъ высокихъ,
Не зиждетъ на песцѣ стѣнъ вскрай морей глубокихъ.

Тамъ вѣтры царствуя, равняютъ все съ землей;
Не можетъ стѣнъ здержать, водой смываемъ сей.
Опасна жребія кто хощетъ удалиться,
Жилищу смежнаго, гдѣ пышность веселится:
Тотъ въ памяти своей въ вѣкъ долженъ положить,
Что безопаснѣе въ долинѣ низкой жить.
Хотя шумящій вѣтръ моря съ землей мѣшая,
Приводитъ въ трепетъ все, все долу повергая;
Но окрестъ ты себя блаженный зря покой,
Счастливъ оплотами сей низкости святой.
Въ любезной тишинѣ ты проведешъ дни красны,
И молніи тебѣ престанутъ быть ужасны.

Но поелику мои доказательства уже начинаютъ дѣйствовать на сердце твое; то для убѣжденія тебя намѣрена представить нѣсколько сильнѣйшія прежнихъ. Хотя бы дары счастія и не были уносимы быстротою времени: однако что въ нихъ найдешъ такое, что можно было бы или твоимъ собственнымъ назвать, или по безпристрастномъ разсмотреніи, мало по малу не теряло цѣны своей? Богатство принадлежитъ ли тебѣ? или по существенности своей стоитъ ли, дабы мучиться желаніемъ стяжать оное? Судя о изяществѣ его, не всего ли дороже поставляются собранныя груды обработанныхъ золотыхъ монетъ? Но и сіи достоинство свое показываютъ болѣе чрезъ благоразумную расточительность, нежели чрезъ умноженіе ихъ количества: потому что сребролюбіе всегда навлекаетъ людямъ ненависть, а щедрота зиждетъ храмъ славы. Никто не можетъ имѣть

того, что переходитъ въ руки другаго: слѣдовательно цѣна денегъ познается, когда владѣтель ихъ, щедрою рукою объемля нищету, перестаетъ зрѣть оныя въ своихъ сокровищницахъ. Пусть будетъ дозволенъ одному кому нибудь, съ изъятіемъ прочихъ людей, пользоваться извлеченными изъ нѣдръ земныхъ благами: но плавая въ изобиліи, и обитая въ чертогахъ, средоточіи всѣхъ изяществъ художества, тѣмъ болѣе выказывающихся, что все окружающее ихъ омрачается сѣнію бѣдности, онъ внутренно терзался бы, слыша стенаніе подобныхъ себѣ. Тогда многихъ вопли равномѣрно жалостные не преминутъ поражать слухъ; а имущество ваше безъ своего ущерба не успокоитъ ихъ. И потому удѣляющіе часть онаго должны чувствовать недостатокъ. Колико убо ограниченъ самой избытокъ людей, когда не можно многимъ быть владѣтелями богатства всего; и когда всякое излишество одного влечетъ за собою бѣдность другихъ. Сіяніе ли драгоцѣнныхъ камней привождаетъ взоры твои къ себѣ? Но если что особенное въ блескѣ оныхъ и находится, то не иное что составляетъ, какъ свѣтъ сродной тлѣнному и гибнущему, а не благородство людей. И потому довольно надивиться не могу, что человѣкъ смотря на нихъ, не рѣдко восхищается даже до изумленія. Ибо неодушевленное, и стройности въ членахъ лишенное, можетъ ли въ оживленномъ и разумномъ существѣ породить чувство

истинныя лѣпоты? Камни, понеже суть произведенїе строителя чудеснаго, коему угодно было для различїя повелѣть возникнуть изъ Хаоса однимъ свѣтящимъ, а другимъ прозрачнымъ и темнымъ тѣламъ; хотя одарены красотою совершенною въ своемъ родѣ: однако относительно къ превосходству естества человѣческаго стоя цѣны низкой, отнюдъ не заслуживаютъ вниманїя вашего. Внутренно не радуешся ли ты, при воззрѣнїи на поля, красящїяся позлащенными классами? Чтожъ? Надобно признаться, что они прекраснаго творенїя Божескаго есть часть изящная; тако веселитъ нѣкогда сердце наше лице моря покоящагося; тако простираемъ удивленный и почтительный взоръ на градъ небесный, на очи его, стрегущїя смертныхъ во время сна, на вождя планетъ и земнаго спутника. Но изъ сихъ хотя нѣчто служитъ ли къ усовершенствованїю тебя? Дерзнешъ ли величаться лучезарностїю какого либо изъ свѣтилъ? Покрываешся ли ты самъ пестротою цвѣтовъ весеннихъ? Или вмѣстѣ со зрѣлостїю лѣтнихъ плодовъ тучнѣетъ тѣло твое? Почто предаешся увеселенїямъ толико тщетнымъ? Почто простираешъ жаждущїя твои руки къ принятїю благъ чуждыхъ, пренебрегая собственныя? Щастїе никогда не присвоитъ тебѣ того, на что права не дала природа. Плодовъ земныхъ существованїя цѣль конечно состоитъ въ томъ, чтобъ поддерживать бытїе животныхъ. Но если

при ощущенїи природы въ самой себѣ довольства, мнимые недостатки ея похочешь дополнять извнѣ: трудъ, предметомъ имѣющїй избытокъ во всемъ, будетъ тщетенъ. Ибо не многимъ, или лучше, весьма малымъ довольствуется природа, коея сытость, когда начнетъ заохочивать къ невоздержности излишнимъ, то вливаемое въ нея или потеряетъ способность услаждать вкусъ ея, или еще во вредъ послужитъ. Любуешся ты златотканными и червленными одеждами? Если видъ ихъ прелестенъ, то буду я удивляться или добротѣ матерїи, составляющей оныя, или искусству художника. Или наконецъ множество рабовъ дѣлаетъ тебя щастливымъ? Они, ежели коварной и злой души, суть для дома твоего тяжесть къ конечному упадку нудящая оной, слѣдственно и самому господину ихъ ненавистны: когда же къ малѣйшимъ обвиненїямъ совѣсти чувствительны, то доброта сердца чуждаго составитъ ли твои личныя совершенства? Все сїе непосредственно несетъ съ собою увѣренїе, что благая, кои считаешъ собственными твоими, въ одномъ токмо воображенїи существуютъ. Если они не имѣютъ красоты, разумъ и сердце плѣняющей: то почто лишившись оныхъ, болѣзненно воздыхать, или имѣя, восхищаться? Когда бы намъ надлежало сознаться и въ изящности естества ихъ; то она будетъ ли втекать въ твое достоинство? Ибо по исключенїи ихъ изъ числа сокровищь твоихъ,

равно всѣ будутъ уязвляться ихъ лѣпотою. Не потому вещь драгоцѣнна, что принадлежитъ къ твоимъ сокровищамъ: но потому ты восхотѣлъ причислить ее къ онымъ, что есть драгоцѣнна сама въ себѣ. И такъ, какая неблагопріязненная причина ослѣпляетъ васъ, что вы жаждете оныхъ и въ то время, когда щастіе отъемлетъ возможность наслаждаться ими? Притяжаніемъ даровъ его, думаю, ищете средствъ отженуть скудость отъ себя. Но въ семъ случаѣ ни сколько не согласно событіе съ намѣреніемъ вашимъ. Отъ великихъ имуществъ еще больше нуждъ раждается; и часто лучшее средство возвеличить жребій, состоитъ въ лишеніи себя тѣхъ благъ, кои человѣкъ имѣетъ. Притомъ справедливѣе сего ничто быть не можетъ, что источники богатствъ чемъ болѣе запружаются плотинами корыстолюбія, тѣмъ больше въ нихъ усматривается недостатковъ, меньше чувствительныхъ, когда довольство ограничивается необходимымъ въ природѣ, а неизлишествомъ желанія. Уже ли роднаго вамъ блага не находится во всемъ мірѣ, что вы на гладкую поверхность вещей низшей доброты заглядываетесь? Такой ли образъ устроенія міра сего, что бы животное, хотя обезображенное, однако по разуму всегда Божественное, не иначе могло сіять на земли, какъ чрезъ обладаніе сокровищъ тлѣнныхъ? Прочія твари всегда довольствуются тѣмъ, что природа имъ назначила: но вы по душѣ

будучи Богу сообразны, тщитеся украшать себя вещьми совершенно маловажными; и къ тому не понимаете, колико оскорбляете симъ Творца своего. Ему угодно было, дабы родъ человѣческїй отличался отъ всѣхъ земныхъ созданїй: а вы на развалинахъ высокихъ совершенствъ вашихъ воздвизаете мерзость слабостей. Ибо ежели это будетъ истина, что каждое благо достоинствомъ превышаетъ владѣтеля своего: то самую гнусную вещь за добро вмѣняя, понуждаете другихъ о васъ судить ниже, нежели о ней. И заслуживаете таковой отзывъ о васъ. Превосходство естества человѣческаго есть условное; т. е. основанїемъ себѣ имѣетъ самознанїе: когда люди, погрузясь въ тлѣнныхъ и чувственныхъ вещахъ, не вперяютъ ока умнаго въ страну, коя превыше чувствъ; тогда не только лишаютъ себя правъ человѣчества, но и приходятъ въ состоянїе низшее безсловесныхъ. Ибо не познавать себя естественно прочимъ животнымъ, а людямъ поносъ и уничиженїе. Сколь много ужасныхъ и печальныхъ слѣдствїй влечетъ за собою заблужденїе сїе, что украшенїемъ человѣку будто бы могли служить вещи чуждыя его природѣ. Ежели внѣшность блистательна; то она одна и имѣетъ право на дань хвалы; а кроющихся подъ нею пороковъ зловонїе не уничтожается. Съ моей стороны я не почитаю благомъ то; что владѣтеля приближая ко брегу опасности, наконецъ низвергаетъ

въ самую пропасть гибели. Уже ли сїе ложъ? Никакъ, самъ ты скажешъ. Богатство тѣмъ, въ коихъ сердцѣ ему воздвигнутъ олтарь любви, многократно послужило веществомъ золъ: всякїй развратный, и по сему больше другихъ томимый жаждою чуждаго добра, почитаетъ одного себя достойнѣйшимъ обладателемъ злата и драгихъ камней, коликое ихъ множество ни повстрѣчалось бы очамъ въ царствѣ природы. Ты, который теперь ужасаешся копїй грабительства, и меча убїйцъ, когда бы въ поприще жизни сея вступилъ, ничего съ собою не взявъ въ напутїе: нашедъ на разбойника, безпечно воспѣлъ бы предъ нимъ свои пѣсни. Изрядное блаженство, почерпаемое изъ источника благъ временныхъ! которымъ коль скоро человѣкъ начнетъ наслаждаться, тотчасъ и видитъ себя опасностямъ подвержена.

Кто жившихъ прежде насъ не ублажитъ людей!
Довольны были что плодомъ своихъ полей,
Роскошествъ сладостью отнюдь не упоялись;
Они всѣ жизнїю должайшей наслаждались.
Волну не напаялъ багряный Тирскїй цвѣтъ,
Что къ сладострастїю и суетѣ влечетъ.
Различными снѣдьми желудокъ не тягчили,
Ни подслаславъ дары тамъ Бахусовы пили;
Живительный былъ сонъ питавшихся травой,
И умѣрявшихъ жаръ внутри рѣчной водой;
Прохладу каждой зрѣлъ въ тѣни высокой сосны,
Ни моря разсѣкалъ кто волны бѣдоносны;
Купеческїй корабль не плавалъ по волнамъ,
И тайною еще былъ къ новымъ путь брегамъ.

Тогда воинскихъ трубъ не слышно было звуку,
Ни въ злобѣ яростной творящей сердцу муку,
Кровь человѣческу мечь бранный истočалъ.
И для чегобъ войны неистовъ врагъ жаждалъ,
Когда за токъ кровей, за наложенны раны,
Совсѣмъ не чаяли быть лавромъ увѣнчаны?
Чудовищемъ тогда развратный каждый слылъ.
Когда бы и сей вѣкъ такихъ же нравовъ былъ!
Но пламень алчности во всѣхъ сердцахъ пылаетъ
Жарчѣе, нежель огнь, кой Этна изрыгаетъ.
Увы! ты первой кто изобрѣтатель былъ
Блестяща злата, Богъ земли внутрь кое скрылъ,
И камней дорогихъ желавшихъ не являться?
Отъ коихъ гибнущій всякъ мнитъ обогащаться.

Какимъ же образомъ разсуждать мнѣ о чинахъ и могуществѣ, которыя сравниваете съ небомъ, не имѣя понятія ни объ истинной чести, ни власти? Они, ежели каждый изъ злонамѣренныхъ людей возимѣетъ право на нихъ, не произведутъ ли толикаго опустошенія въ человѣческомъ родѣ, коликое производитъ изрыгаемый изъ Этны пламень, или наводненіе всеобщее? Въ самомъ дѣлѣ ты самъ, думаю я, помнишъ, что Консульскую власть, на которой чаяли утвердить вольность народа, предки ваши восхотѣли уничтожить по причинѣ надменности Консуловъ; предки, говорю, за ту же гордость нѣкогда упразднившіе самодержавіе въ отечествѣ своемъ. Но если, что случается очень рѣдко, на степень благородства поставляются добродѣтельные; то взирая на нихъ, ощущаемъ удовольствіе токмо отъ ихъ

честности. Слѣдуетъ убо подтвердить, что не добродѣтель чрезъ достоинства, но достоинства чрезъ добродѣтель снискиваютъ уваженіе себѣ. Могущество, котораго толико жаждете, и которое цѣните столь высоко, не есть ли токмо призракъ истиннаго? Преклонные къ чувственности животные! Уже ли не разумѣете, что однѣ презрѣннѣйшія вещи могутъ быть покорены вамъ? Узрѣвъ изъ мышей одну, власть и право на первенство себѣ оспоривающую у прочихъ; колико бы ты смѣяться началъ? Но когда въ сложеніе тѣла вникнешъ, ничего не возможешъ найти слабѣе человѣка, который часто умираетъ отъ мышей и отъ пресмыкающихся. До чего еще простираться можетъ власть, надъ кѣмъ бы то ни было, изключая одно тѣло человѣка, и что сего низшее есть, разумѣю, блага земныя? Уже ли когда будешъ повелѣвать душею, которой естественно быть свободною? Уже ли разумъ, когда онъ на неоспоримыя истины начала опираясь, что либо подтверждаетъ или отрицаетъ, въ противолежащую соврашишъ страну? Когда тиранъ нѣкоего мужа, который влача иго, владѣлъ всею силою своей природы, думалъ истязаніями понудить къ тому, чтобъ онъ показалъ ему свѣдущихъ о умышленномъ противъ его заговорѣ: тогда сей надкусивъ себѣ языкъ, отрѣзалъ и бросилъ его въ лице дышущаго гнѣвомъ тирана. Такимъ образомъ мученія, помощію коихъ тиранъ чаялъ узнать

о предметѣ любопытства своего, мудраго мужа ознаменовали неустрашимою и великою душею. Къ опроверженію мнѣнія, которое власти Князей земныхъ полагаетъ толь великую цѣну, не служитъ ли и сїе, что кто какое насилїе дѣлать другимъ можетъ, тогожде самъ избѣжать не въ состоянїи? Повѣствуетъ намъ Исторїя очень древнихъ временъ, что Бузиридъ, обыкшїй всегда убивать пришельцовъ, наконецъ въ крови своей потопленъ былъ Геркулесомъ, прибывшимъ къ нему. Регулъ во время войны Пунической многихъ плѣнниковъ заключилъ въ темницу: но скоро и самъ простеръ руки побѣдителямъ своимъ, для возложенія веригъ на себя. И такъ можно ли признать могущественнымъ человѣка, которой, какимъ злодѣйства жаломъ уязвляетъ другихъ, здѣлать не можетъ, дабы тѣмъ же самъ уязвленъ не былъ? Кромѣ сего, если бы въ чинахъ и власти заключалось существенное и собственное людей благо; никогда бы не могли имѣть ихъ порочные. Ибо противныхъ свойствъ вещи не бываютъ совмѣстны. Природа не терпитъ соединенія спорящихся существъ. А когда нѣтъ сомнѣнія, что по большой части тѣ бываютъ возводимы на высоту честей, которые правиломъ дѣйствїй поставляютъ развращенную волю; то за отрицанїе разума почтется непризнанїе сей истины, что бывающее удѣломъ разврата, ничего собственнаго и хорошаго не имѣетъ въ себѣ. Таковыя понятїя достойно

могутъ быть производимы о каждомъ дарѣ щастія, котораго щедроты въ большемъ количествѣ обыкновенно лїются на сердца разврату служащія. Никто не сомнѣвается о мужествѣ того, въ которомъ кто усмотрѣлъ оное: и кто одаренъ способностїю легко и въ краткомъ времени преноситъ тѣло свое въ отдаленнѣйшія мѣста: о таковомъ всѣ увѣрены, что скоръ есть въ шествїи. Тако, по сознанїю всѣхъ, Музыка музыкантами, Медицина врачами, Риторика Ораторами дѣлаетъ людей. Ибо порода всякой вещи дѣйствуетъ на сродное ей; не вмѣшивается въ произведенїе дѣлъ, свойственныхъ вещамъ ей противнымъ, и несходное съ нею добровольно удаляетъ отъ себя. Какимъ образомъ богатство несильно утолитъ алчбы ненасытнаго корыстолюбїя; такъ и власть не содѣлаетъ того обладателемъ самаго себя, которымъ чувственность овладѣла и взошла на престолъ, наложивъ мрачные оковы на его разумъ. Чести никакъ не дѣлаютъ порочныхъ достойными отличїя того, которое рука владыки, неправосудїемъ движимая, пишетъ имъ; но паче опредѣляютъ безславїе, тщетно мечтающимъ о себѣ, показуя дѣлъ несоотвѣтственность титламъ, украшающимъ ихъ. Отъ чего происходитъ сїе? Отъ того, что удовольствїемъ считаете вещамъ, коихъ сущность противорѣчитъ вашимъ мыслямъ о нихъ, давать несвойственныя имена, о чемъ гласятъ самыя событїя вещей. Посему ни

богатство, ни могущество, ниже знаменитость не могутъ по праву имѣть сихъ названій. Напослѣдокъ подтвердительно можно сказать сіе о всякомъ земномъ щастіи, которое ничего въ себѣ не содержитъ привлекательнаго; и какъ оно не всегда добрыхъ ущедряетъ, такъ и добрыми не творитъ пользующихся его сокровищами.

Извѣстно, золъ какихъ виновникомъ тотъ былъ;
Которой градъ сожегъ, Сенаторовъ казнилъ;
И брата своего путь сократилъ ко гробу;
Убилъ и мать свою, чтобъ вскрыть ея утробу.
На хладну плоть воззрѣлъ лежащую у ногъ
Не съ тѣмъ, чтобъ ей воздать послѣдній сына долгъ;
Но красоты хотѣлъ померкшей быть цѣнитель,
Правъ человѣчества предерзскій нарушитель.
Однакъ какою онъ страной не обладалъ?
Съ востока, запада, подданства дань збиралъ,
И сѣвера предъ нимъ колѣна преклонялись,
Народы южные емужъ повиновались.
При сихъ достоинствахъ, при власти таковой,
Бичь человѣчества, Неронъ всѣхъ паче злой,
Возмогъ ли бѣшенства хотя на часъ избѣгнуть?
Ахъ сколько зла судьба! коль врагъ спѣшитъ прибѣгнуть
Ко наглому мечу, для прекращенья дней,
Не могши прекратить отравы злой струей.

Тогда, знаешъ, говорю, сама, что властолюбіе надъ моимъ сердцемъ весьма мало господствовало; оно потолику занимало меня, поколику подаетъ обильную матерію для дѣятельности, дабы добродѣтель молча не состарѣлась. На что она отвѣтствовала мнѣ: Сей только одинъ и есть источникъ, изъ коего

почерпаютъ побужденія дѣяніямъ своимъ люди благородныхъ чувствій, но еще не совершенно понимающіе цѣну добродѣтели; я разумѣю славолюбіе и слухъ, носящійся о великихъ услугахъ обществу. Но дабы удостовѣриться, что жилищемъ славы не можетъ быть земля, на которой заблужденіе и сомнительство почти всемѣстны, такимъ образомъ размысли въ умѣ своемъ: Астрологія доказываетъ, что земная окружность, въ отношеніи къ небесной, составляетъ величину одной точки; т. е. когда бы шаръ земный сличенъ былъ съ безмѣрностію небесъ, показался бы онъ не заключающимъ въ себѣ никакого пространства. Но сей, толико тѣсными предѣлами ограничивающейся части свѣта, почти четвертая доля, что самъ ты знаешъ изъ доказательствъ Птоломея, населена животными, намъ извѣстными. Отъ четверти сея ежели умственно отнимемъ окружность морей и озеръ, тяготѣющихъ къ землѣ; и ту ужасную пустоту, которая есть разстояніе однихъ селеній отъ другихъ: едва останется самая малая площадь для обитанія людямъ. Въ сей убо безконечно малой точкѣ точки заключеннымъ, прилично ли помышлять о распространеніи слуха о себѣ, и о прославленіи имени? Что величественнаго имѣетъ слава, толико стѣсненная въ предѣлахъ? Сверхъ того, въ оградѣ сей не большой хижины многіе помѣщены народы, языкомъ, нравами и всемъ поведеніемъ жизни очень отличные другъ отъ

друга; до коихъ свѣденія, иногда по причинѣ неудобства пути, иногда несходства языка, и наконецъ отъ недостатка въ сообщеніи, не можетъ доходить слухъ не токмо о частныхъ людяхъ, но и о цѣлыхъ Государствахъ. При жизни уже Марка Туллія, что самъ онъ въ нѣкоторомъ мѣстѣ означаетъ, сколь ни громокъ былъ гласъ славы Римскаго общества, но не досязалъ еще до людей, жившихъ за Кавказомъ: хотя оно въ то время находилось въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, и страшно было для Парѳянъ, и для прочихъ жителей окрестности. И такъ видишъ ли, сколь маловажна, сколь ограниченна та слава, для распространенія и разширенія которой столько труда подъемлете? До которыхъ странъ слухъ вообще о Римской Республикѣ не доходитъ: возвѣститъ ли тѣмъ слава о Римскомъ частномъ человѣкѣ? Прохожу молчаніемъ, что разныхъ людей нравы и узаконенія толико несходны суть между собою; что у однихъ заслуживающее похвалу, считаютъ другіе достойнымъ казни. Слѣдственно ежели кому пріятно извѣщеніе славы: тому отнюдъ неполезно разглашать о себѣ народамъ внѣшнимъ. Каждому убо надлежитъ довольствоваться хвалою однихъ соотчичей, и за предѣлы людей, наложившихъ на себя узы одинакихъ законовъ, пресловутое оное славы безсмертіе отнюдъ не выступитъ. Притомъ сколь именитѣйшихъ во время свое мужей память потребилъ недостатокъ въ писателяхъ!

Но можно ли ожидать успѣха и отъ бытописаній, когда ихъ также, какъ сочинителей, поглощаетъ древность ѣдкая и мрачная? Надежду вашу, обезсмертить себя, питаетъ сія мысль, что права и преимущества ваши будутъ предметомъ разговора грядущихъ племенъ. Ежели вообразишъ себѣ безконечную цѣпь вѣчности: то ничего такого не узришъ, чемъ бы веселить тебя могло имя, памятуемое отдаленнѣйшими потомками. Продолженіе одной минуты и десяти тысячь лѣтъ, хотя очень малое, но имѣютъ отношеніе одно къ другому. Ибо оба ограничены суть. Но сіе самое число, сколькобъ ни было еще увеличено, вовсе не можетъ имѣть сношенія съ продолженіемъ безконечнаго бытія. Поелику все, допущающее предѣлы, можетъ сличаться; но не льзя сему быть въ безпредѣльномъ и ограниченномъ. А посему многовѣчный звукъ славы, если съ неизчерпаемою вмѣстѣ вѣчностію будетъ принятъ въ размышленіе; не токмо малостію, но почти ничтожностію явится. Не смотря на сіе, кромѣ народныхъ отзывовъ и тщетнаго о васъ разглашенія, вы не знаете чистѣйшихъ побужденій къ праводѣтельности; и пренебрегши одобренія совѣсти и добродѣтели, требуете наградъ, состоящихъ изъ разговоровъ о васъ. Послушай, сколь забавно осмѣялъ нѣкто развлекаемаго исканіемъ славы незаконнымъ. Онъ для искушенія жестоко злословивши одного человѣка, присвоившаго себѣ имя Философа,

не потому, чтобъ онъ жизнію соотвѣтствовалъ ему, но что кичится симъ пышнымъ наименованіемъ предъ всѣми, кои не знаютъ его; наконецъ сказалъ, что онъ узнаетъ, точно ли онъ Философъ, по одному незлобивому его духу и терпѣнію обидъ нанесенныхъ ему: тогда сей съ начала тщился ознаменовать себя великою душею; но по выслушаніи всѣхъ ругательствъ, съ разъяренным видомъ приступилъ къ нему, говоря: уже ли признаешь меня Философомъ истиннымъ? На что оный отвѣтствовалъ чрезмѣрно колкими словами: призналъ бы я, когдабъ уста твои не разрѣшились отъ узъ безмолвія. Но сомнительно кажется, чтобъ пламенѣющихъ огнемъ той любви къ Богу и ближнему, на основаніи которой приведенъ въ совершенство всякой родъ жизни, (ибо у меня нынѣ рѣчь уже о избирающихъ едину добродѣтель средствомъ къ полученію славы;) сомнительно, говорю, чтобъ съ похвалами память и сихъ мужей по смерти была существенною ихъ принадлежностію. Ежели, чему вѣрить возбраняетъ понятіе о величествѣ природы человѣческой, человѣкъ весь съ тѣломъ умираетъ, то и слава его кончается съ жизнію; ибо перестаетъ существовать тотъ, къ кому она принадлежать должна. Если душа съ умаленіемъ теплоты жизненной въ тѣлѣ, извлекаетъ изъ онаго, подобно вечернему лучу свѣта, оживляющую силу свою, и избывши темницы мрачной, неудержно спѣшитъ къ на-

чалу своему: то не гнушается ли она всяческимъ къ свѣту привязывающимъ ея долгомъ, такъ какъ уже вкушающая выспреннія сладости? И не ликуетъ ли, восхищаясь отъ земныхъ съ отравою смѣшанныхъ?

Единой славою свой разумъ занимая,
Кто мыслитъ, что въ томъ цѣль верховная прямая:
Тотъ пусть взоръ въ небеса пространны устремитъ,
И малость съ оными земли да соравнитъ.
Въ великой ясности онъ самъ себя откроетъ,
И студъ чувствительный лице его покроетъ;
Что части не займетъ самомалѣйшей тамъ,
Хотябъ здѣсь не было о немъ числа хваламъ.
О гордые! почто вамъ тщетно суетиться,
Отъ ига смертности дабы освободиться?
Хоть слава въ дальнѣйшихъ округахъ воспаритъ,
И стами языковъ о васъ всѣмъ возвѣститъ;
Хоть титлами вашъ домъ высокими гордится:
Но смертной сѣнію на вѣкъ сей блескъ затмится.
Какъ низкаго сія, такъ знатнаго тѣснитъ,
И славой дышущихъ ни мало не щадитъ.
Фабрицій вѣрный гдѣ? гдѣ Брутъ? уже ихъ нѣтъ;
Катоновъ ихъ добротъ померкъ на вѣки свѣтъ.
Днесь эхо лишь объ нихъ намъ слабое вѣщаетъ,
И книга имена безгласна соблюдаетъ.
Такъ если титла ихъ дано лишь только знать,
Возможноль знать самихъ? гдѣ нынѣ описать?
Какъ только роковой покроетеся тьмою;
То слава тщетно ужъ начнетъ гремѣть трубою.
Коль эхомъ имени желая долѣ жить,
Вы мыслите свое здѣсь бытие продлить:
То въ поздный онаго день надобножъ лишиться,
Отъ смерти вамъ второй не льзя освободиться.

Но дабы не думалъ ты, что у меня вѣчная вражда со щастïемъ; не отрицаю выгодъ, коими люди иногда бываютъ обязаны ему, при всей его обманчивости: т. е. тогда, когда оно откровенно, когда извѣстенъ всѣмъ образъ его и нравы. Можетъ быть неудобопонятнымъ кажется тебѣ говоримое мною. Чудесное хочу я рещи тебѣ; и потому выраженïя мои едва ли будутъ соотвѣтствовать мыслямъ. По моему мнѣнïю, больше пользуетъ людей злополучïе, нежели благополучïе. Потому что сïе есть токмо призракъ прямаго щастïя; оное же показываетъ себя въ видѣ существенномъ, различными перемѣнами извѣщая о коловратности своей. Сего прïятности суть уловляющïя сѣти и Сирены; онаго горести укрѣпляютъ въ прехожденïи поприща жизни. Сïе приманчивыми своими лучами ослѣпляетъ очи разума; оное научаетъ судить о щастïи земномъ не иначе, какъ о изчезающемъ. Почему сïе представится тебѣ вѣтреннымъ, потоки изобилïя лïющимъ на одинъ часъ, и глубоко погруженнымъ во觉 мракѣ, облежащемъ его; оное трезвеннымъ и готовымъ къ перенесенïю всего, даже подъ бременемъ величайшихъ золъ и неустройствъ покорствующимъ внушенïю смысла. Напослѣдокъ обворожительная поверхность благъ земныхъ налагаетъ покрывало на душевныя очи, отъ котораго человѣкъ, не видя ни малѣйшей свѣтлости, совершенно слѣпотствуетъ, въ разсужденïи лѣпоты истиннаго

добра: но болѣзненные для него опыты, по большой части противъ воли, открываютъ ему оныя. Не считаешъ ли маловажностїю сїе, что чрезъ ожесточенїя щастїя на тебя, и ужасающїя обстоятельства, ты испыталъ вѣрность друзей своихъ; искреннїй и не принужденный видъ сотрудниковъ отличилъ отъ обоюднаго и притворнаго; и что оно оставляя тебя, похитило своихъ, а не твоихъ друзей? Сколь дорого заплатилъ бы ты за все сїе, не бывъ еще подверженъ бѣдствїямъ, и находясь въ благополучїи, обожаемомъ тобою. Отнынѣ престани сѣтовать, и не мысли о собиранїи расхищенныхъ сокровищъ. Ибо обрѣлъ ты друзей себѣ, съ которыми никакое сокровище сравниться не можетъ.

Мїровъ безчисленныхъ машина,
Вселенной чуднѣйшїй составъ,
Въ какомъ союзѣ стройность чина
Блюдетъ, природы чтя уставъ!
Тѣла различныя во свойствахъ
Суть чужды всякаго растройства,
И мирно движутся они;
Съ небесна трона Фебъ взирая,
И взоромъ тварь всю оживляя,
Раждаетъ злачнѣйшїе дни.
Когда же вечеръ появится,
По всей землѣ разсѣявъ мракъ:
Луна въ то время воцарится,
И Фебовъ изчезаетъ зракъ.
Морскїя волны свирѣпѣютъ,
Вѣтровъ дхновеньемъ возродясь;

Но брань съ собою лишъ имѣютъ,
Морей однихъ внутри ярясь.
Врата межъ сими и землями
Творецъ природы сорудилъ,
Когда святѣйшими правами
Сіи стихіи раздѣлилъ;
Дабы ни воды дерзски, смѣлы,
Ниже земля свои предѣлы
Не смѣя вѣчно преступать,
И бывши купно раздѣленны
И вопреки соединенны,
Имѣли въ чинѣ пребывать.
Вотъ какъ любовь въ союзѣ ставитъ
Земли и моря широту!
Вотъ какъ она премудро правитъ
Небесъ пространну высоту!
Когдабъ естественны уставы
Согласны съ нею не были:
Тобъ міра частныя составы
Войну съ собою повели;
Что нынь взаимно подкрѣпляясь,
И въ дѣйствіяхъ соображаясь,
Шаръ свѣта въ цѣлости хранятъ.
Тогда какой бы быть премѣнѣ?
При толь общественной измѣнѣ
Міръ въ прежній Хаосъ превратятъ.
Она къ народамъ преклоненна,
Раститъ плодъ мира вожделѣнна,
Спрягая ихъ въ святой союзъ;
Нескверно ложе содѣваетъ,
Гдѣ мужъ съ женою почиваетъ;
Блюдя сама сихъ нѣжность узъ.
Она слѣды гдѣ оставляетъ,
Тамъ вѣренъ дружества залогъ;
Свои права гдѣ сообщаетъ,
Пріятныхъ чувствій тамъ восторгъ.

Какогобъ щастья не достигла
Ты умная, словесна тварь!
Когда бы не враждѣ воздвигла,
А въ честь сея любви олтарь;
Что правитъ высотой небесной,
Какой порядокъ тамъ чудесной!

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ.

Уже съ сильнѣйшихъ доказательствъ Философія дѣйствуетъ на сердце Боеція. Она говоритъ, что всѣ смертные желаютъ быть блаженными, но въ достиженіи сего крайне заблуждаютъ. Одни благополучіе полагаютъ въ умноженіи богатства; другіе въ чинахъ, въ полученіи довѣренности и дружбы Царской; сіи въ славѣ звучныхъ дѣлъ, въ благородствѣ; тѣ въ плотскихъ услажденіяхъ. Въ опровержені сего она предлагаетъ ему, что реченные дары щастія не сутъ истинное добро человѣка, паче же вліяніямъ многихъ золъ подвержены; его обитель въ Богѣ, который есть совершенно благъ и единъ; и коего мудрая дѣятельность есть источникъ всѣхъ явленій въ мірѣ.

Пріятность стиховъ еще привлекала мою внимательность, и сладкое нѣкое очарованіе

вливала въ ушеса мои; но пѣснь ея уже оканчивалась. Не много помедливъ, я возопилъ къ ней: о несравненная утѣшительница душъ разслабленныхъ отъ унынія! Колико ты меня оживотворила теперь высокостію мыслей твоихъ и сладостію пѣнія! Съ сего времени надѣюсь устоять подъ ударами щастія. И такъ чаша, къ уврачеванію недуга моего служащая, коея горесть ты предвозвѣстила, не токмо не ужасаетъ меня; но жаждая послушать о разтвореніяхъ ея, отъ всего сердца прошу тебя открыть мнѣ оныя. Чувствовала я, она рекла, какимъ образомъ къ словесамъ моимъ, молча, и какъ бы похищая ихъ, ты приклонялъ внимательное ухо; сего расположенія души я и ожидала; или, что ближе къ истиннѣ, оно то было цѣлію моихъ усилій. Остается еще дать тебѣ такія лѣкарства, кои при пріемѣ кажутся противными; но послѣ чувствительно услаждаютъ вкусъ Открылъ ты желаніе свое послушать меня; О коликимъ бы огнемъ онаго пламенѣлъ, ежели бы зналъ цѣль ту, къ коей стараюсь привести тебя! Къ какой вопрошаю ее? Къ истинному, вѣщала, благополучію, на котораго образъ уже сквозь тонкую завѣсу мрака смотритъ разумъ твой; но занявшись разсматриваніемъ вещей, имѣющихъ одно изображеніе блаженства, всіо еще не можетъ узрѣть его существа. Прошу, сказалъ я, скорѣе довершить свое предпріятіе, и на здравыхъ истинны началахъ утверждаясь, показать,

въ чемъ оно состоитъ. — Съ охотою моею, рекла она. Но что паче всего побуждаетъ тебя несчастнымъ признавать себя, о томъ мысли мои потщусь изъяснить словесно; дабы ты возъимѣвъ ясное и раздѣльное о томъ понятіе, не почелъ за существенное и сродное тебѣ блаженство призракъ онаго, когда обратишъ вниманіе въ противную сторону.

Хотящій угобзить свои не всуе нивы,
Срываетъ прежде съ нихъ излишнее растѣнье,
Косою плевелы и терніе сѣкаетъ;
Чтобъ рогъ обилія полнѣе наливался.
Пріятность большую раждаетъ пчельный трудъ,
Тогда, какъ раздраженъ вкусъ горькимъ чемъ бываетъ;
Всѣ звѣзды и самъ Фебъ взоръ лучше веселятъ,
Какъ вѣтръ уже умолкъ, и мракъ съ дождемъ изчезъ:
И ты тли узникъ! сбрось теперь съ себя оковы,
То свѣтомъ истинныхъ благъ умъ твой озарится.

За симъ нѣсколько долу устремивши взоръ свой, и, такъ сказать, напрягшись въ силахъ разумѣтельныхъ, начала слѣдующее: всѣхъ человѣческихъ попеченій, при всемъ различіи путей, одинъ есть конецъ; а именно блаженство. Оно есть такое благо, по полученіи коего не льзя больше ничего желать. Посему надлежитъ ему превышать всѣ другія блага, и всѣхъ ихъ вмѣщать въ себѣ. Ибо будучи недостаточно въ чемъ нибудь, не могло бы превосходить всѣ прочія; когда внѣ его всегда бы оставалось нѣчто, сильное возбудить къ себѣ наклонность человѣка. Явствуетъ убо,

что блаженство есть такое состоянїе, въ которомъ находится стеченїе всякихъ благъ. Къ сему предмету, какъ сказала я, разными путями текутъ всѣ смертные. Ибо душамъ человѣческимъ врождено желанїе блага истиннаго. Но слѣдуя они ослѣпленному разуму, гоняются токмо за мечтою и призраками его. Здѣсь одни въ изобилїи тлѣнныхъ сокровищъ земныхъ надѣясь крайнее обрѣсти благо, занимають мысли свои собиранїемъ богатства; а другїе отличительными знаками достоинствъ силятся вперить въ согражданъ своихъ уваженїе къ себѣ, которое, по разсужденїю ихъ, есть добро обожанїя достойное. Иные верховное благо въ верховной власти надъ другими поставляютъ; сїи или желаютъ сами царствовать, или стараются безотлучно быть при Государяхъ. А которыхъ знаменитость плѣняетъ, тѣ спѣшатъ прославиться искусствомъ или побѣждать, или пользовать отечество плодами мира. Многїе считаютъ себя прямыми щастливцами, предаясь всякимъ веселостямъ; сїи благополучнѣйшимъ изъ всѣхъ жребїемъ почитаютъ житїе безпечное и разпутное. Находятся еще, которые какое нибудь одно изъ сихъ мнимыхъ благъ избираютъ средствомъ къ полученїю другаго. На примѣръ, одни желаютъ богатства, чтобъ быть сильными, и погружаться въ забавахъ свѣтскихъ; другїе напротивъ того могущество избираютъ орудїемъ обогащенїя себя, или расширенїя о себѣ

славы. Вотъ что есть предметомъ дѣйствій и желаній человѣческихъ! Сюдажъ включаются знаменитость, благоволеніе народное, супруга, дѣти. Одно только дружество, которое есть святѣйшій союзъ сердецъ, не изъ даровъ щастія, но принадлежитъ къ лику добродѣтелей. Прочее же бываетъ цѣлію человѣческихъ трудовъ или любоначалія ради, или веселостей. Но доводъ не далекъ, почему и тѣлесныя совершенства долженствуютъ отнесены быть къ вышереченнымъ ложнымъ благамъ. Крѣпость силъ и величина тѣла кажется способствуютъ токмо къ содѣланію человѣка мощнымъ; красота и скорость въ движеніи изключаетъ изъ числа людей, не имѣющихъ правильнаго разположенія чертъ лица, и въ смѣшеніи стихій соразмѣрности; здравіе служитъ къ наслажденію безопасностію отъ болѣзней. Всѣхъ сихъ исканіе есть не сумнительный признакъ желанія блаженствовать. Ибо кто что старается получить, предпочитая прочему; то за верховное благо признаетъ. Но мы опредѣленіе здѣлали, что верховное благо есть само блаженство. Слѣдовательно всякому блаженнымъ кажется то состояніе, которое для себя избираетъ онъ, пренебрегши другія. И такъ тебѣ почти предъ глаза представлена картина щастія человѣческаго, гдѣ изображены богатство, почести, могущество, слава, услажденія тѣлесныя. Епикуръ порознь разсмотрѣвши каждую изъ сихъ частей, рѣшительно заключилъ,

что верховное благо находится въ плотскихъ пріятностяхъ. Поелику всѣхъ прочихъ благъ конецъ, казалось ему, есть произведеніе того же чувствія въ душѣ. Но обращу слово мое къ желаніямъ людей; которыхъ душа хотя засыпаетъ гибельнымъ сномъ безпамятства, однако всегда стремится къ верховному добру; очарованная же обольщеніемъ чувствъ единожды вышедъ изъ того мѣста, въ коемъ могла узрѣть оное, уже не знаетъ возвратиться туда. Ибо можно ли, кажется, думать, что бы погрѣшали тѣ, которые хотѣнія свои останавливаютъ на избыткѣ всего. Что есть блаженство, какъ не состояніе, изобилующее всякимъ добромъ, въ постороннемъ ничемъ нужды не имѣющее и само-довольное? Уже ли мысли ошибочны людей, самое лучшее признающихъ достойнымъ уваженія? Никакъ. Потому что не есть то маловажно, и не должно быть презираемо; чемъ обладать почти всѣ смертные желаютъ. Могущество такъ же не благо ли? Уже ли то существо слабо и безсильно, которое добротою паче всѣхъ прочихъ? Знаменитость ли кто за ничто вмѣнитъ? Но превосходство и отличіе суть не раздѣлимы. Когда убо самую малую часть блаженства составляющія блага привлекаютъ къ себѣ, и плода оныхъ сладость есть чувствительна: то не излишно ли будетъ вторично упоминать здѣсь, что блаженство есть такое состояніе, въ которомъ никакое зло не прес-

каетъ утѣхъ человѣка. Оно то есть цѣлїю всѣхъ усилїй человѣческихъ; достоинствъ, самодержавїя, славы желаютъ, и не отрицаются отъ понесенїя срамнаго ига страстей, единственно въ надеждѣ, чрезъ то наслаждаться самодовольствїемъ, быть въ уваженїи, получить кормило правленїя, на чредѣ отличившихся величїемъ дѣянїй поставить себя, и предохранить духъ свой отъ всего, препинающаго прїятность жизни. Слѣдственно надлежитъ благомъ то почитать, для полученїя чего люди, не одни имѣя желанїя, толико покушенїй дѣлаютъ. Естества же его сила очевидна, когда при разности мыслей, въ чемъ оно состоитъ, до одного согласны въ избиранїи его концемъ всѣхъ предпрїятїй своихъ.

Я матерь нѣжную всему творенїй роду,
И всѣмъ вещамъ вождя спасительна, природу
На лирѣ нынѣ моей желаю воспѣвать,
Чтобъ дѣйствїя ея хоть вкратцѣ описать;
Которыми она мїровъ кругъ сохраняетъ,
И вѣчнымъ суще въ нихъ союзомъ сопрягаетъ.
Искуствомъ человѣкъ доходитъ до того,
Чтобъ звѣрь покорствовалъ желанїямъ его,
И Африканскїя надменны выи львовы
Не рѣдко на себѣ влачатъ его оковы;
Онъ пищу имъ рукой, какъ агнцамъ, подаетъ,
Трепещутъ всѣ его, лишь взглядъ суровъ взведетъ;
Страшась бича его, жестокой нравъ, нравъ звѣрской,
Смягчаетъ, кажется, предъ нимъ и самой дерзской.
Но лишъ кровавый токъ тотъ образъ ороситъ,
Что ужасы въ сердцахъ не трепетныхъ родитъ;

То видъ покорный вдругъ на ярость премѣняютъ,
И съ страшнымъ ревомъ цѣпь мгновенно сокрушаютъ;
Тотъ первой жертвою бываетъ гнѣва ихъ,
Кто не страшася, клалъ на нихъ яремъ веригъ.
Пернатаго пѣвца, во клѣтку заключенна,
Снѣдь какъ бы ни была со вкусомъ соглашенна:
Но на пріятныя воззрѣвъ онъ тѣни рощи,
Гдѣ радостно встрѣчалъ приходъ и дня и нощи,
Предложенное все онъ поперетъ ногой,
Весьма болѣзнуя о вольности драгой;
Чертоги пышные темницею считаетъ,
Нигдѣ, кромѣ лѣсовъ, быть столько не желаетъ.
Накривленна лоза искривившись растетъ;
Избывъ насильствія, природный видъ беретъ.
Хотя лучи свои отъ насъ Фебъ сокрываетъ,
Какъ быстрый конь его на западъ прибѣгаетъ;
Но послѣ странствія сокрытою стезей,
Чтобъ даровать покой въ странѣ живущимъ сей,
Опять къ намъ на златой въѣжжаетъ колесницѣ,
Предвозвѣщающей его восходъ зарницѣ.
На небѣ и землѣ всѣхъ зримыхъ перемѣнъ
Возвратъ сей видимъ есть отъ первѣйшихъ временъ:
Что скроется отъ глазъ, то предстаетъ имъ паки,
И склонности къ сему во всемъ примѣтны знаки.
Природы сей законъ тамъ только соблюденъ,
Гдѣ есть всего конецъ началомъ награжденъ.

Земныя животныя! хотя въ мрачномъ понятіи, и какъ бы во снѣ; однако видите образъ начала своего, и истинный конецъ блаженства, какъ нибудь постигаете умомъ своимъ. Почему естественная наклонность ведетъ человѣка прямо къ добру; но совращаютъ его съ сей спасительной стези многоразличныя умствованія ложныя. Разсуди самъ, могутъ ли люди

достичь цѣли намѣреній помощію того, въ чемъ они поставляютъ благополучіе свое. Еслибъ избытокъ, чины и прочія земныя блага доставляли человѣку такую вещь, которая есть вмѣстилищемъ всякаго совершенства и добра: то и я бы созналась, что владѣтели оныя истинно блаженны. А какъ они всегда измѣняютъ надеждѣ своихъ любителей, и многаго не имѣютъ въ себѣ; то не очевидна ли личина истиннаго блага, кою они на себя пріемлютъ, для сокрытія тлѣнности отъ глазъ человѣческихъ? Всего первѣе вопрошу самаго тебя, который не давно пресыщался богатствомъ: Покоясь въ нѣдрахъ неизмѣримаго обилія, уже ли ты никогда не чувствовалъ самомалѣйшихъ огорченій? Не могу, отвѣтствую ей, воспомянуть такой минуты времени, въ которую духъ мой былъ бы совершенно свободенъ отъ заботъ и скуки. Не потому ли, что льстящее твоимъ желаніямъ не было во власти твоей? и что надлежало тебѣ противъ воли имѣть то, къ чему ты ощущалъ внутреннее омерзѣніе? Подлинно такъ, отвѣчаю ей. Слѣдственно ты желалъ перваго, а послѣдняго отвращался? Сознаюсь, сказую. Кто, продолжала, мучится желаніемъ какой бы то ни было вещи; у того нѣтъ ее? Конечно, отвѣчаю ей. Недостаточный въ чемъ нибудь ощущаетъ ли въ сердцѣ своемъ совершенный покой и довольство? — Никакъ нѣтъ. — И такъ множество имѣнія не учинило и тебя

самовольнымъ? — Признаюсь. Слѣдственно богатство дополнитъ всѣхъ недостатковъ человѣческихъ, и успокоить желанiй отнюдъ не можетъ, хотя оно тебѣ и обѣщало сiе. Но весьма нужно въ размышленiе принять и то, что сокровища не суть такая вещь по естеству своему, которая не могла бы похищена быть у имущихъ ее. Такъ точно, говорю ей. Могъ ли ты отрицать сiе, когда оныя ежедневно дѣлаются добычею насильства? Ибо отъ чего слышимы бываютъ по стогнамъ града жалобные вопли, если не отъ того; что хищенiе, пользуясь всѣми непозволительными средствами, простираетъ руку на имущество безсилiя? — Все истинна. — Симъ доказывается неминуемая нужда избирать нѣчто постороннее средствомъ къ сбереженiю сокровищъ своихъ. Кто, отвѣтствую, станетъ оспоривать сiе? — Но былъ бы человѣкъ совершенно самодоволенъ: когда бы стяжалъ блага, не подлежащiя потерѣ. — Безъ сомнѣнiя. — И такъ событiя совсѣмъ противны намѣренiямъ людей. Ибо чего стяжанiе, по мнѣнiю ихъ, доставляетъ самодовольство; то дѣлается причиною нужды во внѣшнемъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы могло богатство отвратить всѣ недостатки отъ человѣка? Ибо богачамъ льзя ли не имѣть алчбы и жажды? Уже ли они неприступны мразу? Но скажешь мнѣ: они имѣютъ способъ утолить гладъ и жажду, и защититься отъ мраза. Слѣдственно богатство

можетъ токмо утѣшить скудость, а не освободить ее отъ нуждъ. Если убо алчный зѣвъ ея всегда отверстый, и чего то непрестанно требующій, не затворяется богатствомъ: то и навсегда пребудетъ въ семъ положеніи. Я уже не упоминаю о семъ, что природа довольствуется весьма малымъ; а корыстолюбіе ни въ чемъ не успокоевается. Когда богатствомъ не льзя не только отъ другихъ отдалить убожество, но и самому здѣлаться самодовольну: то для чего присвоивать ему возможность ощастливливать людей?

Пусть злато богачу лилось всегдабъ рѣкою,
И не усталою онъ черпалъ бы рукою;
Пусть выя бы его была вся въ жемчугахъ,
Которые ростутъ на чермныхъ водъ брегахъ;
Пускай бы сто воловъ воздѣлывали поле,
И лучшаго плода не льзя желать болѣ:
Но скуки и тогда не можно избѣжать;
Не можно мертвому съ собой богатства взять.

Но чины дѣлаютъ человѣка почтеннымъ и достойнымъ всякаго уваженія, озаряя его выгоды лучами своими. Уже ли подлинно Градоправительства имѣютъ даръ добрымъ дѣлать человѣка, и возбранять порокамъ гнѣздиться въ его сердцѣ? Обыкновенное ихъ дѣло давать злодѣйству преимущество предъ добродѣтелію, а не искоренять его. Не мы ли часто негодуемъ и ропщемъ, что чины по большой части бываютъ удѣломъ самыхъ порочныхъ людей. Катуллъ Нонія не называетъ ли желѣзою,

хотя сей на Едильскомъ сидитъ стулѣ? Слѣдовательно достоинства не уменьшаютъ, а увеличиваютъ безобразiе порока. Меньшая молва о несовершенствахъ того, кто не озаренъ блестящими лучами славы. Какiя грозящiя опасности могли бы побудить тебя, вмѣстѣ съ Декоратомъ годъ править Республикою въ то время, какъ въ немъ уже усмотрѣлъ ты душу непотребнаго клеветника и шута? Не льзя по однимъ знакамъ благородства признавать достопочтеннымъ того, кто не заслуживаетъ оныхъ. При видѣ благоразумiемъ украшеннаго мужа, не воспрянуло ли бы въ душѣ твоей чувствiе уваженiя къ нему? Сiе слѣдствiе неминуемо. Ибо добродѣтель имѣетъ отличное, и токмо одной ей свойственное достоинство; которое она неудержно сообщаетъ своимъ любителямъ. Когда не льзя ожидать сего отъ приписуемыхъ народомъ честей: то очевидно, что онѣ ничего привлекательнаго не заключаютъ въ себѣ. Всего нужнѣе замѣтить слѣдующее: если человѣкъ тѣмъ подлѣйшiй почитается, чемъ у множайшихъ людей въ презрѣнiи; то достоинство, не въ состоянiи будучи уважить того, кого учинило извѣстнымъ свѣту, еще презрительнѣйшими творитъ развращенныхъ. Достойно и праведно сiе. Нечестивцы сами равно соотвѣтствуютъ честямъ, потемняя ихъ сiянiе тучею своихъ пороковъ. Но дабы удостовѣрить тебя въ семъ, что прямое уваженiе не можетъ быть плодомъ

знаковъ отличительныхъ; разсудимъ такимъ образомъ: Ежели многократно бывшій Консуломъ, по случаю пріидетъ въ страны Варварами обитаемыя; то отличія его вперятъ ли тамъ почтеніе къ нему? Когда бы почести были существенною наградою тому, кто украшенъ знаками благородства: то всякой народъ ему воздавалъ бы оныя. На примѣръ огонь всегда и вездѣ оказываетъ свою силу. Чины отъ произволенія людей, неосновательно различающихъ одну вещь отъ другой, зависятъ: и потому лишаются свѣта своего, явившись туда; гдѣ люди не однихъ законовъ и воспитанія узы нося на себѣ, громкія титлы не признаютъ за истинныя достоинства человѣка. Но сіе касается иноплеменниковъ. Не премѣнчиво ли уваженіе къ честямъ и у самыхъ соотчичей? Преторство, нѣкогда бывшее сильнымъ, теперь есть пустое токмо названіе; и вмѣсто того, чтобъ служить подпорою Сенату, оно еще затрудняетъ и бременитъ его. Въ древнія времена за велико почитался содержатель съѣстныхъ годовыхъ припасовъ. Нынѣ же сыщется ли состояніе подлѣе должности сея? И такъ разсужденія сіи разрѣшаются на сказанное мною; то есть, что лишенные природныхъ красотъ, примѣняясь къ умораспoложенію народа, скоро просіяваютъ, но скоро и изчезаютъ. Если знаменитость не сильна уважить человѣка; если съ лучами добродѣтели и ея лучи погасаютъ; если съ перемѣ-

нами времени она совершенно измѣняется; если по соизволенію народному не рѣдко теряетъ всю цѣну свою: то какому быть въ честяхъ качеству привлекательному, не говоря уже о томъ, могутъ ли онѣ другимъ сообщить оное?

Хоть дорогимъ Неронъ каменьемъ украшался,
Хотя и въ Тирскую порфиру облачался:
Но ненависти онъ всеобщей подлежалъ,
Что съ звѣрской лютостью народомъ управлялъ;
Что злостію дыша, мужей достойныхъ чести
Вмѣнялъ съ достойными презрѣнія и мести.
Ктожъ таковыхъ, какъ сей, блаженными почтетъ,
Когда имъ честь народъ отъ страха воздаетъ?

Вѣнецъ ли Царскій, и дружеское со владыками земными обхожденіе содѣлаютъ человѣка мощнымъ? Частію льзя бы ожидать сего, когда бы не измѣнялось самихъ Царей благополучіе. Но наполнена примѣрами древность, и настоящаго времени многія событія гласятъ, колико сильныхъ Государей щастіе превращалось въ горестныя послѣдствія. Изрядное могущество, которое не въ силахъ предохранить себя само отъ золъ! Положимъ, что верховная власть ощастливливаетъ человѣка; но когда стѣсняются предѣлы ея, то не бываетъ ли ощутительно уменьшеніе щастія, влекущее за собою недостатокъ, о которомъ понятіе помрачитъ яснѣйшіе дни жизни. И сколь бы ни далеко разливалась ея сила: однако еще множайшимъ странамъ оставаться

должно, на коихъ она ни сколько не подѣйствуетъ. Но откуда могущество, возвышающее жребій человѣка, подрывается; оттуда слабосиліе намѣщаетъ его, пріобыкшія къ скипетру руки, не рѣдко принуждая взяться за пастушій посохъ. Посему Государей еще больше, нежели другаго кого, бѣдность преслѣдуетъ. Въ истиннѣ сей Діонисій, бичь рода человѣческаго, прежде самъ испытавъ опасность жребія своего, наконецъ увѣрилъ и друга, почитавшаго блаженными однихъ Царей: когда чрезъ шпагу тайно повѣшенную надъ главою его, сидящаго за однимъ столомъ съ собою, которая держалась на одномъ волоскѣ, довольно ясно доказалъ; что и покоющіеся въ нѣдрахъ изобилія и славы, подлежатъ опасностямъ. Можно ли убо назвать прямымъ могуществомъ то, что имѣющіе ни отъ заботъ жизнь снѣдающихъ избавиться, ни сокрушаться прежде-временнымъ золъ предчувствіемъ отнюдъ не могутъ? Не льзя сказать, чтобъ безопасность не была желательна для нихъ. При всемъ томъ кажется инымъ, что есть довольная причина величаться онымъ. Почтешь ли ты сильнымъ человѣка, котораго желанія остановляются препятствіями? Уже ли думаешь, что тотъ есть довольно мощенъ, которой провождаемъ слугами, ходитъ надменно; который страшащихся его самъ больше ужасается; и котораго величіе дабы другимъ примѣтно было, сіе зависитъ отъ воли ува-

жившихъ его? Нужно ли мнѣ здѣсь принять въ разсужденіе дружескія обращенія съ Царями, когда доказываю, что сильные надъ животомъ и смертію преисполнены слабости? Государи часто не измѣняясь въ щастіи, и часто сами упадая, колико друзей своихъ поражаютъ ударомъ, въ отчаяніе приводящимъ? Неронъ Сенеку, друга и учителя своего, принудилъ умереть насильственною смертію, коея одинъ родъ зависѣлъ отъ воли сего нещастнаго. Папиніана, долгое время щитавшагося между сильными при дворѣ, наконецъ Антонинъ предалъ воинамъ на заколеніе. Въ то время всякъ изъ нихъ желалъ отрещись отъ отличій своихъ. Сенека отдать все имѣніе свое Нерону, и въ безъизвѣстное мѣсто удалить себя старался; но коль скоро тяжесть ожесточеннаго на нихъ рока повлекла ихъ въ пропасти гибели: ни одинъ изъ нихъ не могъ успѣть въ своихъ желаніяхъ. И такъ что сіе за могущество, если трепещутъ онаго тѣ самые, къ коимъ принадлежитъ; и если оно какъ не дѣлаетъ безопасными въ то время, когда имѣть его желаютъ; такъ и отказаться отъ него не льзя, ежели кому послужило въ пагубу? Слаба защита дружество, которое не на добродѣтели, но на благахъ земныхъ основано. Съ кѣмъ соединяетъ васъ союзомъ любви щастіе ваше: того же самаго послѣ вооружаетъ противу васъ нещастіе. Но какая язва смертоноснѣе врага, подъ именемъ друга, яко змій въ травѣ, кроющагося?

Могущественнымъ быть и громкимъ кто желаетъ;
Пусть страсти буйныя свои тотъ укрощаетъ.
Въ разставленну грѣхомъ когда увязнетъ сѣть;
Не радость долженъ онъ, а скорбь тогда имѣть.
Хотябъ Индійскій весь народъ тебя боялся,
И Ѳуленъ дальнѣйшій во всемъ повиновался:
Но немощь отъ себя скорбей мракъ удалить,
И вопли жалобны нещастныхъ прекратить,
Неложный признакъ есть ничтожнѣйшія власти;
Коль всё не престаютъ тебя смущать напасти.

А слава коль часто обманчива, колико постыдна бываетъ! Нѣкоторый Трагикъ справедливо восклицаетъ такъ: О слава, слава! тьму людей, ничего не значущихъ, содѣлала великими въ очахъ современниковъ и потомства. Ибо многіе присвоивши себѣ званіе, рѣдкіе дарованія знаменующее, хищнымъ образомъ исторгали единодушную о себѣ хвалу изъ устъ народа. Ненавистнѣе сего можетъ ли что быть? Лестнѣйшихъ похвалъ, но ложно приписуемыхъ, конечно должны стыдиться тѣ, коимъ оныя воздаются. Хотя бы кто заслугами пріобрѣталъ ихъ: но симъ подкрѣпится ли свидѣтельство совѣсти разумнаго человѣка, который доброту сердца своего цѣнитъ не по народной молвѣ, но по здравымъ сужденіямъ о нравственности? Если похвально возвѣщать свѣту о себѣ; то постыдно будетъ находиться въ безъизвѣстности. Но поелику (сіе мы не давно видѣли) надлежитъ быть многочисленнымъ народамъ, до которыхъ слухъ о единомъ человѣкѣ дойти отнюдь не можетъ

то должно сознаться, что тотъ, кого ты почитаешь знаменитымъ человѣкомъ, есть безславенъ у живущихъ очень въ близкой части свѣта. Начать рѣчь о благоволенiи народномъ не токмо излишнимъ почитаю, но за недостойное вмѣняю и упоминать о немъ; которое (ибо не предшествуютъ ему здравыя сужденiя,) никогда не бываетъ твердо и продолжительно. Отсюда кто не видитъ, сколь тщетно и маловажно имя благородства? На него ежели посмотрѣть со стороны поколѣнiя; есть чужое. Ибо тогда не иное что означаетъ, какъ хвалу приписуемую ради заслугъ предковъ. Когда знаменитость прiемлетъ силу отъ названiя: то тѣмъ токмо и слѣдуетъ знаменитыми быть, кои заслужили сiи названiя. Слѣдовательно благородство поколѣнiя не сообщитъ знатности тому, кто внутренняго благородства не имѣетъ. Ежели есть какое добро носить на себѣ прежде бывшихъ родственниковъ пышные титлы; то сiе по моему мнѣнiю: что на потомковъ налагаютъ они долгъ, быть подражателями добродѣтели и мужества предковъ своихъ.

Щастливо или нѣтъ жизнь люди провождаютъ,
Ея теченiе равно всѣ начинаютъ.
Единый всѣмъ Творецъ, кой правитъ тварей тьмой,
Онъ роги далъ лунѣ, а солнцу свѣтъ златой;
Животными земли Онъ населилъ поверхность,
И бытiемъ Ему должна свѣтилъ нещетность.
Онъ души заключилъ безсмертныя въ тѣлахъ,
Отечество въ однихъ которымъ небесахъ.

И такъ всѣ смертные должны быть благородны;
Хотя по внѣшности они весьма несходны.
Почтожъ ссылаться вамъ на знатный предковъ родъ?
Коль всякъ языкъ Отца единаго есть плодъ;
Не можно никому быть выродкомъ въ природѣ,
Всякъ можетъ знатенъ быть, и въ равной жить свободѣ.
Что многи равенствомъ не пользуются правъ,
Причиною тому ихъ развращенный нравъ.

Что сказать мнѣ о услажденїяхъ тѣлесныхъ, которыхъ достиженїе есть многомятежно, за насыщенїемъ же оныхъ послѣдуетъ горькое раскаянїе? Колико болѣзней, колико нестерпимыхъ скорбей, истый плодъ нечестїя, обыкновенно производятъ они въ людяхъ пресыщенныхъ ими? При вкушенїи оныхъ чувствуютъ ли какую нибудь прїятность, сего не знаю. Но кто только захочетъ безпристрастно воспомянуть о своихъ бывшихъ веселостяхъ: тотъ уразумѣетъ, что послѣдствїя ихъ суть токмо одна печаль и соболѣзнованїе. Ежели они сильны содѣлать людей блаженными; то нѣтъ причины, почему бы не можно было назвать блаженными и безсловесныхъ животныхъ, которыхъ всѣ наклонности имѣютъ цѣлїю только наполненїе желудка. Въ невинныхъ прїятностяхъ и утѣхахъ протекала бы вся жизнь четы брачной: но весьма странное и ужасающее самую природу, сказано нѣгдѣ; т. е. не знаю кто то мучителей и тиранновъ обрѣлъ въ своихъ сынахъ, которыхъ жребїй колико втекаетъ въ чувствованїя родителей,

не нужно сказывать тебѣ, опытомъ сїе извѣдавшему, и теперь о томъ же сокрушающемуся. Въ такомъ случаѣ не могу я не одобрить мыслей Еврипида моего, по мнѣнїю котораго самая неудача въ избранїи себѣ жены дѣтородной, щастливымъ дѣлаетъ человѣка.

Таковъ всѣхъ сластолюбцовъ жребій!
Таковъ плодъ чувственныхъ веселій!
Они не могутъ услаждать,
Что бы тогдажъ не уязвлять;
Прїятности гдѣ изливали,
Оттоль какъ пчелы улетали,
Въ тоску ввергая сердце всѣхъ,
Лишеньемъ чувствїя утѣхъ.

И такъ очевидная есть истинна, что стези, по которымъ человѣкъ идя, надѣется достигнуть блаженства, вовсе не туда ведутъ его, и никого, къ чему обѣщаютъ, не могутъ привести. Но во время шествїя его по онымъ, сколько встрѣчается опасностей и стремнинъ; сїе нынѣ же покажу тебѣ въ весьма краткихъ словахъ. Что? деньги ли собирать намѣренъ ты? отнимешъ у имущаго оныя. Или съ высоты величїя блистать хочешъ? Предъ имѣющимъ власть возводить на оную, уничижишъ себя: и желая честїю отличиться отъ прочихъ, чрезъ рабολѣпныя прозьбы, прежде самъ учинишся жертвою безславїя. Могущество желательно тебѣ? Но подлежа вѣроломнымъ и тайнымъ умышленїямъ подданныхъ, всегда будешъ принужденъ терзаться чувствованїемъ страха и боязни. Лучами ли славы озариться желаешъ?

Но развлекаясь дѣлъ неудобствомъ, и долженствуя часто жертвовать ей жизнїю, не узришъ спокойныхъ дней. Въ сластолюбїи ли и распутности иждиваешъ время бытїя своего? Но кто безъ презрѣнїя и отвращенїя помыслитъ о рабѣ тѣла, подлѣйшей и самой неустойчивой вещи? Не маловажнымъ ли, и скоро изчезающимъ благомъ, хотѣнїя свои успокоиваютъ и тѣ, кои хвалятся тѣлесными совершенствами? Уже ли человѣкъ больше слона, а вола сильнѣе? Уже ли тигры уступятъ тебѣ въ скорости движенїя? Воззрите лучше на пространства небесныя, на незыблемую твердость; гдѣ ужасныя громады движутся съ непонятною скоростїю, плѣнительнѣйшимъ образомъ; и перестаньте удивляться вещамъ, почти ничего не значущимъ. Небо заслуживаетъ вниманїе наипаче по образу правленїя вселенною; на которой взирая не льзя не удивляться, не льзя не благоговѣть къ виновнику онаго. Самая красота лица не маловременна ли и скоротечна? и неудобь-измѣняемѣе ли цвѣтовъ сельныхъ? Если бы, какъ говоритъ Аристотель, люди посмотрѣли на нея глазами рысей, взоромъ проницающихъ темныя тѣла: то по узрѣнїи внутреннихъ частей, самое тѣло Алкивїадово, жилище заразъ и прелестей, не содѣлалось ли бы предметомъ крайняго омерзѣнїя? Слѣдовательно, когда ты почитаешся лѣпообразнымъ; то мнѣнїя сего начало не природа твоя, а слабость очей взирающихъ на тебя. Помы-

слите: не излишно ли желать имѣть совершенства тѣлесныя; когда то, чему платите дань удивленія, истребляется слабымъ огнемъ тридневной горячки. По взаимномъ сличеніи всего сказаннаго, должно будетъ вообще заключить такъ: не могущее исполнить того, что обѣщаетъ людямъ, и въ себѣ не имущее всѣхъ благъ, ни къ блаженству не ведетъ, ни само по себѣ не дѣлаетъ ихъ блаженными.

Какой мракъ слѣпоты нещастныхъ покрываетъ,
Коль кто изъ васъ стезю изъ виду потеряетъ!
Вы злата на цвѣтныхъ не ищете древахъ,
И на высокихъ сѣть не ставите горахъ,
Для рыбъ, существовать въ водѣ опредѣленныхъ;
Въ лѣсахъ не ищете вы камней драгоцѣнныхъ;
Козъ въ Тирскихъ никогда не ловите мѣляхъ.
Познали хитрецы: какихъ морей на днахъ,
Скрываются отъ глазъ каменья дорогія?
Гдѣ краски лучшія и самыя цвѣтныя?
И нѣжною брега чьи рыбой превосходятъ?
(*) Ехиновъ множество колючихъ гдѣ находятъ?
Но мѣсто знать, добро гдѣ истое живетъ,
За нужное никто изъ васъ не признаетъ.
Того, что внѣ еще странъ звѣздныхъ превысокихъ,
Въ пещерахъ ищете, въ разсѣлинахъ глубокихъ!
Чегобъ такого мнѣ безумцамъ симъ желать?
Дабы имъ щастія дотолѣ не видать,
Доколѣ опыты ихъ скорбны не научатъ,
Что здѣсь его ища себя лишь только мучатъ.

До сего мѣста образъ щастія мнимаго довольно кажется обнаруженъ; если ясно видишь

(*) Сія рыба, прикрытая колючимъ веществомъ, ловится близъ приморскаго города, *Мизенъ*, именуемаго.

Ж

его, порядокъ требуетъ показать, въ чемъ состоитъ прямое благополучїе. Вижу, говорю ей, что ни довольства чрезъ богатство, ни могущества чрезъ власть, ни уваженїя чрезъ чины, ни знаменитости чрезъ славу, ниже на конецъ чувствїя чистѣйшихъ веселїй чрезъ погруженїе себя въ мїрскїя забавы имѣть отнюдъ не можно. — Узналъ ли ты причину невозможности сея? — Кажется мнѣ, что какъ бы чрезъ скважину, въ кою проникаетъ очень слабый свѣтъ истинны, смотрю на оную: но отъ тебя желалъ бы получить яснѣйшее свѣденїе о ней? — Способъ къ сему весьма близокъ. Ибо что просто и нераздѣльно по естеству, то, заблуждая люди, дѣлятъ на части, и понятїя объ истинномъ и совершенномъ смѣшиваютъ съ понятїями о ложномъ и несовершенномъ. Во всемъ достаточное можетъ ли быть безсильно? Никакъ, говорю ей. Правильно отвѣтствуешъ; ибо въ чемъ что слабосильнѣе есть другаго, въ томъ защиты себѣ требуетъ со стороны. — Такъ подлинно. — Посему довольство и могущество суть одно и тоже по существу. — Не иначе и мнѣ кажется. — Но вмѣщающее въ себѣ оба сїи совершенства, презираемо ли быть должно? или напротивъ заслуживаетъ всякое почтенїе? О послѣднемъ предложенїи и сомнѣваться, говорю, не можно. — И такъ къ довольству и могуществу надлежитъ и уваженїе присоединить, и о всѣхъ трехъ, какъ бы объ одной вещи, судить. — Конечно. Ибо цѣлїю

имѣемъ истинну. — О существѣ заключающемъ въ себѣ сїи три блага, продолжаетъ она, такъ ли, какъ о маловажномъ и не благородномъ, мыслишъ? или яко о имѣющемъ право на всякую знаменитость? Понеже ты уступилъ, что недостатка ни въ чемъ не имѣть, значитъ тоже, что быть поставлену на высочайшемъ степени могущества, и предостойну уваженїя всѣхъ: то смотри, чтобъ не казалось оно лишеннымъ знатности, и потому съ нѣкоторой стороны уничиженїя достойнымъ больше, нежели какое нибудь существо другое. Производя, отвѣчаю ей, понятїя согласныя съ его природою, не льзя не почесть оное знаменитымъ въ высочайшемъ степени. Слѣдуетъ убо согласиться на сїе, что знаменитость существенно не различествуетъ отъ трехъ вышшихъ свойствъ блаженства. — Конечно. — И такъ самодовольное, силами своими все получить могущее, почтенное, благородное, не во всегдашнемъ ли веселїи находится? — Отъ чего бы родилось въ немъ какое нибудь неудовольствїе и скука, не льзя того вообразить. — Почему нужно сознаться, что человѣкъ погруженъ бываетъ въ потокахъ радостей; ежели дѣйствительно одаренъ всѣми совершенствами вышереченными. Отсюда же непосредственно слѣдуетъ, что хотя довольства, могущества, знаменитости, уваженїя, услажденїя не одни суть названїя: однако оныя сущностїю своею. отнюдъ не разнствуютъ между собою. — Сїе заключенїе

есть самое естественное. — Слѣдовательно что одно и просто по естеству, то поврежденный человѣческій разумъ раздѣляетъ, и въ непричастномъ сложенія стараясь обрѣсти части, ни части, которая не существуетъ, ниже вещи самой, о бытіи коей безпогрѣшителью мыслитъ, не постигаетъ. — Какимъ это образомъ? Кто, отвѣтствовала она, обогатить себя старается, тотъ для избѣжанія скудости, нерадитъ о могуществѣ: любитъ находиться въ низкомъ состояніи, не многимъ быть извѣстенъ, и даже естественныя требованія ограничиваетъ, дабы не расточить богатства имъ собраннаго. Но можно ли быть довольнымъ тому: кто не силенъ, кого сокрушаютъ досады; кого низкость состоянія приводитъ въ презрѣніе у другихъ; котораго наконецъ мракомъ неизвѣстности покрываетъ низкость породы. А кто одного токмо могущества желаетъ; тотъ небрежетъ о имуществѣ, затворяетъ входъ въ сердце каждому сладостному для чувствъ вліянію; честь и слава, которыхъ права суть очень драгоцѣнны, безъ онаго производятъ одни токмо безсильные звуки въ ушахъ его. Сколь же во многомъ и сей недостаточенъ есть, самъ ты видишъ. Ибо иногда случается, что нужнаго не имѣетъ, и такъ же подлежитъ болѣзненнымъ чувствованіямъ; а когда сіи невыгоды не избѣжны для него, то и предметъ хотѣній его перестаетъ быть силенъ. О честяхъ, славѣ и тѣлесныхъ

услажденїяхъ такимъ же образомъ надлежитъ судить. Ибо когда каждое изъ сихъ частное благо есть то же, что вообще взятыя; то избирающїй для себя одно только изъ нихъ, а о прочихъ небрегущїй, не получаетъ и того, чего хочетъ. Что произойдетъ, вопрошаю ее, если кто нибудь пожелаетъ всѣ оныя имѣть? Таковаго воля дѣйствительно устремилась бы прямо къ блаженству; но достигнетъ ли она его посредствомъ тѣхъ благъ, кои, въ силу бывшихъ доказательствъ моихъ, никогда не могутъ устоять въ обѣщанїяхъ своихъ? Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ я? Слѣдственно въ сихъ вещахъ, о которыхъ думаютъ нѣкоторые, какъ о могущихъ удовлетворить каждому желанїю, отнюдъ не надлежитъ искать прямаго благополучїя. Признаюсь, говорю, и справедливѣе сего ничто не можетъ быть сказано. Отвѣтъ сей доказываетъ, продолжала она, что ты на мнимое щастїе, какъ на представленную мысленнымъ очамъ твоимъ картину, смотришъ теперь, и видишъ причины, по коимъ оно не сильно успокоить сердца человѣческаго; обрати же умственный свой взоръ въ противную сторону. Ибо тамъ въ мигъ узришъ изображенїе истиннаго щастїя. Но и слѣпой, сказую ей, видитъ оное; потому что не за долго предъ симъ ты сама мнѣ показала его, описывая свойства мнимаго. Ибо, ежели не обманываюсь я, истинное и совершенное щастїе есть то, которое въ одно и то же время самодовольнымъ, могу-

щественнымъ, почтеннымъ, знаменитымъ дѣлаетъ человѣка, и веселитъ его. Но дабы извѣстно было тебѣ, что я еще больше приближился ко святилищу истинны, открою тебѣ мысли вотъ какія: Ежели какая вещь едино изъ сихъ добро, (понеже всѣ оныя суть то же, что и каждое въ особенности) доставить можетъ: то не колеблясь признаю ее за совершенное блаженство. Коликое для тебя, О питомецъ! щастіе, сказала она, что сію истинну соединилъ съ прежнею? Можно ли мнѣ поступить иначе, отвѣчалъ я? Но стяжаніе временныхъ и скоротечныхъ вещей признаешь ли за средство учиниться блаженнымъ? — Никакъ нѣтъ, и невозможность сего столько мнѣ доказана тобою, что больше желать не льзя. — Отсюда слѣдуетъ заключить, что земныя вещи суть или токмо изображенія истиннаго блага, или хотя надѣляютъ смертныхъ нѣкоторыми благами, но несовершенными. — Сходствуютъ съ твоими и мои мысли о семъ. — И такъ замѣтилъ разность между прямымъ щастіемъ и между имѣющимъ одну личину онаго. Остается тебѣ еще узнать: съ которой стороны, и какимъ путемъ достигать истиннаго? Сего то, сказалъ я ей, уже давно и нетерпѣливо ожидаю отъ тебя. Но когда, продолжала она, предпринимая и маловажныя дѣла, какъ угодно было Платону нашему поступить въ Тимеѣ, сперва надлежитъ просить Божіей помощи:

то какъ ты думаешъ приуготовить себя; чтобъ удостоиться сего важнаго открытія: гдѣ существуетъ обитель верховнаго блага? Должно, отвѣтствовалъ я, возсылать молитвенныя гласы къ тому, который есть Отецъ всѣхъ твореній; сіе правило пренебрегшіе, никогда успѣшно не начинаютъ и не оканчиваютъ своихъ дѣйствій. Точно такъ, рекла; и въ тужъ минуту воспѣла слѣдующіе стихи.

(*) О Ты, что разума вліяньемъ не пресѣчнымъ
Міръ правишъ, небесе Зиждитель и земли!
Кругамъ временъ идти, отъ вѣка равнотечнымъ,
Велишъ, и движешъ все, недвижимъ николи.
Не внѣшни коего причины побудили,
Устроить грубаго громаду вещества;
Но крайняго добра тѣ свойства преклонили,
Что гнусной зависти не знаютъ естества.
Верховнѣйшихъ красотъ лучами самъ сіяешъ,
И сообразенъ видъ тебѣ природы всей;
Ты по примѣру все верховну устрояешъ,
Отъ вѣка обнося въ умѣ міръ красный сей;
Дабы онъ волею Твоей осуществленный,
Былъ выну совершенъ собою и въ частяхъ.
Стихіи мѣрою Тобою сопряженны,
Чтобъ острый мразъ леталъ на пламенныхъ вихряхъ,
И сухость съ влагою жестокой при не знали,
Чтобъ легкій огнь никакъ горѣ не воспарилъ,
И тяжкія земель твердыни не ниспали.
Ты душу среднюю, что тройственныхъ есть силъ,
Міръ оживляющу чудесно сопрягая,
На члены раздѣлилъ приличнѣйшіе ей.

(*) Вся молитва сія основана на невразумительномъ Платона ученіи о мірѣ.

Въ вращеньи вихрь она двоякій изъявляя,
Кругolинейною всегда течетъ стезей;
Превѣчному уму себя уподобляетъ
И движетъ сходно съ нимъ небесныхъ сонмы тѣлъ.
Однимъ тобой творимъ изъ ничего бываетъ
Безплотный всякій духъ, всѣ жители земель;
Возницу коимъ давъ легчайшую Ѳѳирну,
Иныхъ вселяешъ здѣсь, а инныхъ въ небесахъ:
И внемлющихъ людей закона гласу мирну,
Вчиняешъ паки въ ликъ, что въ выспреннихъ кругахъ.
Даждь вознестись душѣ въ обители небесны,
Свѣтъ славы своея благоволи явить;
Даждь зрѣть источникъ благъ, ни въ чемъ злу не примѣсный,
Не помраченный взоръ души въ тебя вперить.
Отъ узъ умъ разрѣши, нощь прожени глубоку,
И самосущнѣйшимъ мнѣ свѣтомъ возсіяй;
Ты праведныхъ покой, ты цѣль разумну оку,
Всѣхъ Творче, вождь, животъ, вся словомъ содержай.

Образъ несовершеннаго и совершеннаго блага уже извѣстенъ тебѣ: намѣрена я еще показать, въ чемъ состоитъ сущность послѣдняго. При томъ за нужное почитаю прежде всего разсудить о томъ: можетъ ли таковое добро находиться въ природѣ вещей, дабы намъ, изключая истинное понятіе о подлежащей вещи, не подвергнуться суесловію, представляя въ умѣ одинъ ея призракъ. Что верховное благо существуетъ, и что изъ него яко изъ источника изтекаютъ всѣ блага, сего не признавать значитъ отрицаться разума. Ибо всего недостаточнаго несовершенство открывается чрезъ раздробленіе совершеннаго.

А посему ежели что кажется съ какой нибудь стороны несовершеннымъ: то съ той же самой нужно быть совершеннымъ существу другому. Не допустивъ прямаго совершенства, даже вообразить не можно причины бытія несовершенствъ. Естество вещей начало существованія получило не отъ разрушенія и нецѣлости; но совершенно и цѣльно создано будучи, съ высоты изяществъ низпадаетъ въ сіи крайности, изтощеваясь по мѣрѣ приближенія его къ своему концу. Если убо, (что не давно показано было) находится на земли щастіе бренное и недостаточное: не сумнительно и то, что существуетъ другое твердое и совершенное. Очень основательно, отвѣтствую ей, и твердо заключено. О мѣстѣ жилища его, продолжала она, разсуждай такимъ образомъ: благость Бога, который имѣетъ безпредѣльную власть надъ всѣми тварями, доказывается всеобщимъ душъ человѣческихъ понятіемъ о немъ. Ибо если разумъ ничего Бога лучшаго вообразить не можетъ; то изящнѣйшее всего кто усумнится почесть благимъ? Разумъ присвояя Богу благость, купно убѣждаетъ допустить въ немъ бытіе добра всесовершеннаго. Если онъ не будетъ имѣть его, то не будетъ и Владыка вселенной. Ибо въ случаѣ семъ, слѣдуетъ находиться существу другому Бога превосходнѣйшему, которое въ себѣ заключало бы верховное добро, и древнѣе бы его казалося: потому что существованіе совершен-

наго всегда предшествовало бытїю недостаточнаго. И такъ, дабы въ безконечность не простирать умствованїй, надобно признаться, что всевысочайшїй Богъ есть преисполненъ верховнаго и совершеннѣйшаго блага. Но мы опредѣлили, что совершенное благо есть блаженство истинное. Слѣдственно обитель блаженства нигдѣ, какъ въ Богѣ. — Согласенъ я, и никакъ не могу противорѣчить тебѣ. Прошу, настоитъ она, внимательнымъ окомъ разума посмотрѣть, сколь свято, и не отъемля правъ у истинны, можно иначе доказать; что Богъ есть, какъ мы сказали, преисполненъ блага верховнаго. Какой бы, вопрошаю ее, былъ еще способъ къ сему? — Не думать, что сей общїй всѣхъ Творецъ извнѣ получилъ крайнее благо, которое въ немъ находится; или отвергать предубѣжденїе сїе: что хотя оно и естественно ему; но какъ Бога, такъ и блаженства, сроднаго ему, сущности различны между собою. Ибо если начнешъ мыслить, что Богъ извнѣ получилъ оное благо; то дающее можешъ признать превосходнѣйшимъ прїемлющаго отъ него. Но согласїемъ жертвуемъ изъ всѣхъ вѣрнѣйшей истиннѣ, допущая, что Богъ безконечно превышаетъ всѣ существа. Ежели предположить, что благо нераздѣльно съ Богомъ, но съ сущностїю его не сходствуетъ: то говоря о немъ, яко всеобщемъ началѣ вещей, пускай кто нибудь откроетъ, кто сїи различныя существа соединилъ между собою?

Напослѣдокъ ни съ чемъ несходствующее не есть одно и то же съ тѣмъ, отъ чего отличается. Слѣдственно различное отъ верховнаго блага, не есть благо верховное. Не лѣпо мыслить такъ о Богѣ, о коемъ извѣстно, что превзойти его никто не можетъ. Ибо никакой вещи не льзя природою быть лучше начала бытія своего. И такъ начало всего сущаго я свойственно нарицаю благомъ верховнымъ? Очень свойственно, отвѣтствую ей. — Уступилъ же ты, что верховное благо есть то же, что блаженство? — Такъ точно. Слѣдовательно, продолжала она, что и Богъ есть блаженство, не льзя тебя не допустить. — Какъ не оспориваю прежнихъ предложеній, такъ вижу, что и нанесеніе сіе слѣдуетъ изъ оныхъ. Посмотри еще, рекла она, съ другой точки зрѣнія; та же самая истинна не тверже ли доказывается отсюда: два верховныя блага различныя между собою совсѣмъ не возможны суть. Одно изъ оныхъ не есть то, что другое: слѣдственно совершеннымъ быть ни которому не можно, когда у одного не находится того, что другое имѣетъ. О недостаточномъ же никто не скажетъ, что оно превосходитъ все. Убо верховныя блага противныхъ свойствъ быть никакъ не могутъ. Между прочимъ доказано уже, что блаженство и Богъ то же суть, что всевысочайшее благо. И такъ верховное блаженство ничемъ не разнствуетъ отъ верховнаго Божества. Ничего, говорю ей, ни вѣрнѣе

истинны сей, ни основательнѣе твоего умствованія, ни Бога достойнѣе не льзя заключить другаго. Сверхъ сего, прервала рѣчь мою, по примѣру Геометровъ, кои предварительно доказавши нужныя положенія, наносятъ частное что либо, теперь и я выведу нѣкоторое заключенїе изъ прежнихъ разсужденій. Ежели люди не прежде дѣлаются блаженными, какъ достигнувъ блаженства, которое есть то же, что Божество: то изъ сего слѣдуетъ, что надлежитъ быть Божествомъ тому, кто блаженъ. Наблюденїе законовъ образуетъ правосудныхъ, достиженїе мудрости мудрыхъ людей; такимъ же образомъ по полученїи свойствъ Божескихъ, надлежитъ людямъ сдѣлаться богами. Почему каждый блаженный есть Богъ; въ прямомъ смыслѣ взятое Божество только одно существуетъ, чрезъ сопричастїе же ничто не препятствуетъ быть богами очень многимъ существамъ. Прекрасна, говорю ей, и купно драгоцѣннѣйшая мысль сїя, которую ты называй хоть заключенїемъ, хоть послѣдствїемъ. — Ничто также не сильно красотою и твердостїю своею превзойти слѣдующую истинну, которую соединить съ вышшими здравой разумъ велитъ. Какую именно, вопрошаю ея? Когда блаженство, отвѣчала она, по видимому многое содержитъ въ себѣ: то сїе множество на подобїе ли разнородныхъ частей составляетъ, такъ сказать, весь составъ его? Или въ количествѣ семъ заклю-

чается одно нѣчто такое, изъ чего состоитъ вся блаженства сущность; а прочія блага отъ него зависятъ, и суть не иное что, какъ его принадлежности? Желательно мнѣ, сказалъ я, дабы ты объяснила сіе примѣромъ. На что она: почитаемъ ли мы добромъ блаженство? — Не просто добромъ, но еще верховнымъ, отвѣтствую ей. — Присоедини къ сему, что оно для всѣхъ возможно. Ибо есть то же, что довольство и могущество въ высочайшемъ степени. Уваженіе, знаменитость, и услажденія тѣлесныя также блаженствомъ считаются? — Чтожъ отсюда? — Всѣ блага сіи: довольство, могущество и проч. члены ли суть блаженства? или каждое изъ оныхъ ко благу верховному относится такъ, какъ ко своей главѣ? Теперь разумѣю, отвѣтствую ей, вопросъ твой; но рѣшеніе онаго отъ тебя слышать желаю. Узелъ его вотъ какъ развязывается: если бы сіи блага были члены блаженства, то между собою бы различествовали. Ибо изъ соединенія частей хотя происходитъ одинъ составъ; но во взятыхъ порознь находится не малое различіе. Но уже показано было, что каждое изъ оныхъ благъ имѣетъ одинаковыя свойства съ прочими. Слѣдственно не можно имъ быть членами; иначе изъ оного члена блаженство состоять будетъ, что есть не возможно. О семъ, говорю я, ни сколько не сомнѣваюсь; прочее желаю слышать. — Другихъ благъ зависимость отъ блага верховнаго есть

не меньше очевидна. Ибо потому лестно всякому довольство, что признают его добромъ для себя; потому сильными быть желаютъ, что могущество также благомъ считаютъ. То же самое побуждаетъ людей домогаться чиновъ, знаменитости и всѣхъ прїятностей чувственныхъ. Всего убо привлекательнаго основанїе и корень есть благо. Ибо въ чѣмъ ни благо само, ни образъ его не находится; того желать не свойственно природѣ человѣческой. Напротивъ того къ вещамъ, одну только благовидность имѣющимъ, многїе прилѣпляютъ свое сердце. Сїе доказываетъ, что доброта вещей есть первая движительница воли. Но главная цѣль желанїй человѣка есть то, для чего онъ желаетъ какой нибудь вещи. На примѣръ, верхомъ ѣздящїй для подкрѣпленїя силъ тѣлесныхъ, предметомъ имѣетъ не столько движенїе, сколько свое здоровье; слѣдовательно предположивъ, что желанїе какой бы то ни было вещи, произходитъ отъ мнѣнїя, что она есть добро; каждому не столько сама вещь, сколько добро, въ ней заключающееся, желательно. Но мы признали за блаженство то, для полученїя чего устремляемся за прочимъ. Слѣдственно всѣхъ дѣйствїй человѣческихъ конецъ есть ни что другое, какъ блаженство. Изъ сего слѣдуетъ подтвердить, что сущность блага и блаженства есть одна и та же. — Не знаю, кто могъ бы противорѣчить тебѣ. — Впрочемъ я показала, что

Богъ и истинное блаженство ни чѣмъ не различествуютъ между собою. Справедливо, говорю ей. — И такъ надежно заключить можемъ, что и Бога сущность состоитъ во благѣ, а не въ другомъ чѣмъ.

Сюда стремися всякъ страстямъ порабощенный,
И въ бѣдственныя ихъ оковы заключенный,
Отъ коихъ тупится вся острота умовъ;
Здѣсь вы почтете отъ всѣхъ своихъ трудовъ.
Удары волнъ отнюдь здѣсь пристань не колеблютъ,
Въ сіи убѣжища нещастныхъ всѣхъ пріемлютъ.
Хотя обогатитъ пескомъ *Тагъ* золотымъ;
Въ владѣньи ль будетъ чьемъ *Ермъ* съ берегомъ своимъ;
Хоть драгоцѣнные *Индъ* камни доставляетъ,
Близъ жарка пояса которой протекаетъ:
Однако чрезъ сіе души не просвѣтитъ,
Но окрестъ сущу мглу тѣмъ болѣе сгуститъ.
Чѣмъ разумъ льстится вашъ, и сердцемъ что владѣетъ:
Во мрачныхъ нѣдрахъ то земля своихъ имѣетъ.
Святыя славы свѣтъ, сый прежде всѣхъ временъ,
Міръ силой коего стоитъ и оживленъ,
Единъ лишъ сохранитъ отъ гибельныхъ паденій
Людей борющихся со мракомъ чувствъ, сужденій.
Его сіяніе возмогшій испытать,
И Фебовъ будетъ свѣтъ ничтожествомъ считать.

Согласенъ съ тобою, сказалъ я. Ибо все, что ни говорила, укрѣплено самыми твердыми и убѣдительнѣйшими доводами. — Колико обязанъ мнѣ будешъ, узнавши самую сущность блага? Безконечно, отвѣчалъ ей: ибо тогда возъимѣю ясное понятіе о Богѣ, который есть то же, что благо. — Открою тебѣ всѣ красоты

ея, на крѣпчайшихъ разума началахъ основываясь; только смотри, чтобъ не изчезло изъ твоей памяти заключенїе, не давно выведенное. Положись на меня, говорю ей. Не было ли показано тебѣ, вопросила она, что вещи, возбуждающїя желанїе многихъ, не суть истинныя и совершенныя блага, по причинѣ взаимнаго ихъ несходствїя; и что, когда каждая изъ нихъ всегда имѣетъ нѣчто несвойственное другимъ; отнюдъ не сильны онѣ доставить щастїе цѣльное и всесовершенное? И не говорила ли я, что прямое благополучїе онѣ тогда образуютъ, когда видъ ихъ и дѣйствїя суть совершенно подобны между собою, такъ, что если кто богатъ, тотъ долженъ быть и мощенъ, и почтенъ, и знаменитъ, и всегда веселъ? Предположивъ, что не всѣ блага суть одно и то же, нѣтъ причины включать оныя въ число предметовъ желанныхъ. — Сїе доказано было, и ни съ которой стороны не сумнительно. — Когда вещи между собую различныя не суть блага, и перемѣняются во блага, преставъ имѣть разность въ ихъ свойствахъ: то не на единствѣ ли утверждается доброта всякой вещи? И мнѣ такъ кажется, отвѣчалъ я. — Но уступаешъ, или нѣтъ, что каждая вещь потому хороша, что участвуетъ въ добрѣ? — Какъ не уступить сего. — И такъ для той же причины надобно тебѣ допустить, что единство и доброта суть одно и то же. Ибо совершенно подобна существенность вещей тѣхъ, коихъ произве-

денія имѣютъ одинакія свойства. — Противорѣчить тебѣ ни сколько не могу. — Извѣстно ли тебѣ, вопросила меня, что все сущее дотолѣ имѣетъ бытіе и дѣйствуетъ, доколѣ пребываетъ единособіемъ; (unum metaph.) но разрушается и изчезаетъ, когда сего единства не будетъ въ немъ? — Какимъ образомъ? — На примѣръ, продолжала она, когда душа, сопряженная съ тѣломъ, пребываетъ въ семъ союзѣ; тогда состоящее изъ оныхъ существо называется животнымъ. Пусть сіе единособіе уничтожится разрывомъ, то есть, разлученіемъ духа съ плотію; тотчасъ изчезнетъ вещь прежде-бывшая, и извѣстно, что она тогда уже не есть животное. Тѣло даже самое, доколѣ въ связи членовъ его видна единообразность, представляетъ видъ человѣка; но ежели тогожъ тѣла части потеряютъ единообразіе, то оно престанетъ быть, чѣмъ прежде было. Такимъ же образомъ обозрѣвая все прочее, еще больше утвердимся въ истиннѣ сей, что всякая вещь дотолѣ ипостасно существуетъ, доколѣ составляетъ единособіе (unum metaph.) — Въ подробнѣйшее о семъ разсужденіе входя, вездѣ усматриваю истинну словъ твоихъ. — Находится ли такое существо, въ какомъ бы округѣ дѣятельности оно ни поставлено было отъ природы, которое желало бы себѣ уничтоженія? Касательно животныхъ, отвѣтствовалъ я, въ коихъ видны знаки желанія и отвращенія нѣкотораго, кажется, нѣтъ ни одного

изъ нихъ такого, (если не будетъ къ тому нудимо отъ внѣшнихъ причинъ) которое было бы не животолюбиво, и ускоряло смерть свою. Ибо каждое животное любитъ свое бытїе, а отъ смерти и пагубы бѣгаетъ. Но какое надлежитъ мнѣ имѣть понятїе о злакѣ, о древахъ и вещахъ вовсе бездушныхъ, крайне колеблюсь въ семъ. — Почто колебаться, когда вопервыхъ видишъ, что травы и древа родятся на мѣстахъ имъ приличныхъ; и доколѣ имъ опредѣлено расти и усиливаться, дотолѣ не могутъ они лишиться соковъ своихъ, и тлѣть. Однѣ травы въ поляхъ, другїя въ горахъ возникаютъ на лице земли. Однѣ въ болотахъ, другїе на камняхъ растутъ; для иныхъ плодородною землею бываютъ пески безплодные; такъ, что ставъ перенесены на другое мѣсто, тотчасъ увядаютъ и сохнутъ. Всему пристойное даруетъ природа; и печется, едва ли не нѣжнѣе всѣхъ матерей, о соблюденїи бытїя вещей, могущихъ еще продолжать оное. Что значитъ, что всякое растѣнїе, какъ бы уста свои углубивши въ землю, извлекаетъ оттуда пищу себѣ посредствомъ корней, и чрезъ сердечко и кору сообщаетъ крѣпость всему тѣлу? Къ чему клонится, что нѣжнѣйшая часть тѣла его всегда сокрыта во внутренности, и извнѣ ограждена твердымъ деревомъ; наружная же, корою называемая, бываетъ противуположена перемѣнамъ воздушнымъ, такъ, какъ оборонитель способный къ пренесенїю зла? Не льзя

надивиться тому пщанію природы, каковое доказывается разпложеніемъ вещей всякаго рода, и умноженіемъ сѣменъ. Кто не знаетъ, что всѣ существа произведены со способностію не только временное бытіе имѣть; но, такъ сказать, въ безконечные вѣки простирать свой родъ, по примѣру машинъ заведенныхъ? Что касается до неодушевленныхъ, то не подобнымъ ли образомъ и изъ нихъ каждое требуетъ сроднаго себѣ? Ибо почто пламень огненный несется въ горняя, а земля долу бываетъ нудима тяжестію своею: ежели таковыя мѣста и движенія имъ несвойственны? Части твердыхъ тѣлъ, каковы суть камни, между собою соединены весьма тѣсно и плотно, и силѣ разсоединяющей ихъ противоборствуютъ всею упругостію своею. Жидкія же, какъ то, вода и воздухъ, хотя внѣшнимъ силамъ, раздѣляющимъ оныя, уступаютъ удобно; но пресѣченной ихъ взаимной союзъ скоро возстановляютъ. А огонь не допущаетъ никакой дѣлимости. Надлежитъ памятовать, что теперь разсуждаемъ мы не о произвольныхъ движеніяхъ души познающей; но о естественномъ побужденіи, общемъ всякой вещи. Оно въ насъ дѣйствуетъ, когда пищу принятую глотаемъ, не помышляя о ней; или когда дышемъ, будучи погружены въ глубокомъ снѣ. Ибо самыхъ животныхъ любовь къ бытію не есть плодъ вольныхъ дѣйствій душевныхъ; но началомъ себѣ имѣетъ неизмѣнные законы природы.

Воля часто избираетъ смерть насильственную, отъ которой содрогаетъ естество: а средство, коему животные обязаны продолженіемъ своимъ, то есть, произведеніе подобныхъ себѣ, она возбраняетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ; хотя естество всегда требуетъ онаго. И такъ источникъ бытолюбія есть не душа самая, но побужденіе каждой вещи врожденное. Первѣйшая пружина существованія тварей, которую промыслъ міромъ управляющаго вложилъ въ нихъ, состоитъ въ естественномъ желаніи продолжать бытіе дотолѣ, доколѣ оно возможно для нихъ. Почему нѣтъ причины сомнѣваться о животолюбіи каждой твари. Признаюсь, говорю, что положенія, до сего бывшія мнѣ неизвѣстными, теперь кажутся и ясны и неоспоримы. Животолюбивому, продолжала она, и единство желательно. Ибо безъ сего никакая вещь не можетъ существовать въ сродномъ ей видѣ. Конечно, отвѣчаю ей. — Убо единства всѣ желаютъ существа. — И въ семъ согласенъ я. — Между прочимъ было показано тебѣ, что единство ничѣмъ не разнствуетъ отъ блага. — Такъ точно. — Слѣдовательно всякая вещь стремится ко благу, которое описать можно такимъ образомъ: *Верховное благо есть то, что для всѣхъ желательно.* Ничего, говорю ей, не можно вообразить справедливѣе сего. Ибо всеобщая тварей бытія цѣль или есть ничтожество, и каждая изъ нихъ, будучи лишена, такъ сказать, главы

общей имъ всѣмъ, безъ кормчаго носится по бурному Океану мïра сего; или, если назначенъ какой конецъ, къ которому все поспѣшать обязано, то ничто, какъ верховное благо. — Чрезмѣрно радуюсь сему, питомецъ мой! ибо уже средней истины лучь теперь освѣтилъ душу твою. Напослѣдокъ само собою открылось то, въ чѣмъ ты прежде признавалъ свое невѣденïе. Въ чѣмъ именно, спросилъ я у нее. — Вотъ въ чѣмъ: какой конецъ есть всего сущаго? Составляющее оной должно быть нѣчто такое, что всѣмъ желательно. Но поелику изъ истиннъ, подкрѣпляемыхъ истиннами же, заключили мы, что то, къ чему вообще всѣ стремятся, должно быть благо: слѣдственно и цѣль бытïя всякой вещи есть ничто, какъ благо.

Чтобъ неизвѣстности во тьмѣ не пресмыкаться,
Исканьемъ истинны рѣшившися заняться,
Пускай на самаго себя взоръ обратитъ,
И сердца тщательно углы всѣ обозритъ.
Въ его сокровищахъ искать да научится,
Что получить отвнѣ, вотще, безумно льстится.
Что заблужденiя скрывалось въ черной мракъ:
То свѣтлостью своей превзойдетъ Фебовъ зракъ.
Хоть съ грубымъ веществомъ суть души сопряженны;
Но прежнихъ не совсѣмъ онѣ идей лишенны; (*)
И сѣмя истинны посѣяно во всѣхъ.
Иначе отъ чегобъ въ наукахъ былъ успѣхъ?
Что ставъ вопрошены, готовы вы къ отвѣту;
Сей должно отнести даръ не къ тому ли свѣту,

(*) Г. Сочинитель допущаетъ прежде-бытие душъ.

Которой внутрь души не престаетъ сiять?
Всякъ неизвѣстное начавшiй узнавать,
Когда вамъ истинну кто нову открываетъ,
Забвенны мысли лишь въ умѣ возобновляетъ.

Послѣ сего весьма, говорю, согласенъ я съ Платономъ: потому что о семъ уже вторично напоминаешъ мнѣ. Въ первый разъ сказанное тобою забылъ я по причинѣ болѣзни, разстроившей не одно тѣло, но и душу. На что отвѣтъ ея былъ таковъ: обозрѣвши прежнiя истинны, весьма легко и скоро возобновишъ въ своихъ мысляхъ то, въ незнанiи чего ты давно сознался мнѣ. Что такое? спрашиваю у ней. — Планъ правленiя мiромъ. — Помню, что въ разсужденiи сего былъ я совершенной невѣжда. Хотя и предвижу теперь твое объ ономъ сужденiе; однако для большей ясности очень желаю послушать тебя. — Не за долго предъ симъ оттюдъ не колебался ты, признать Бога правителемъ свѣта. Единожды, говорю ей, навсегда я увѣренъ въ семъ, и вкратцѣ изложу причины тому. Мiръ сей, составленный изъ толико различныхъ и между собою противныхъ частей, не былъ бы единообразенъ; когдабъ не было существа, могущаго взаимно согласить и соединить ихъ. Различiе и вражда уже соединенныхъ тѣлъ разрушили бы мiръ; ежели бы не находилось одного, въ рукахъ у себя держащаго узелъ ихъ связи, отъ цѣлости коего зависитъ союзъ всѣхъ прочихъ. Притомъ не узрѣли бы мы ни порядка такъ

постояннаго, ни законовъ движенія толико совершенныхъ относительно къ мѣсту, времени, дѣйствіямъ ихъ, пространству, качествамъ; если бы не существовалъ одинъ, которой самъ будучи недвижимъ, располагаетъ сими различіями премѣнъ. Существо сіе, о немъ же живутъ и дѣйствуютъ всѣ прочія, не касаясь его сущности, нарицаю употребительнымъ у всѣхъ словомъ: Богъ. Выслушавъ сіе, она начала рѣчь слѣдующую: Когда такимъ образомъ мыслишъ, то уже очень близокъ къ тому, чтобъ участвовать въ блаженствѣ, и щастливо паки узрѣть отечество свое; но наше предложеніе разсмотримъ. Не правда ли, что къ блаженству причислили мы довольство? и не уступилиль, что Богъ есть самое блаженство? — Такъ точно. — Слѣдовательно онъ и въ правленіи міромъ не требуетъ никакихъ внѣшнихъ вспоможеній; ибо предположивъ въ немъ недостатокъ, не льзя будетъ признать его самодовольнымъ. — Сему не минуемо должно быть такъ. — Убо никто, какъ онъ единъ располагаетъ вселенною. — Неоспоримо сіе. — Но было показано, что Богъ есть то же, что благо. — Помню. — И такъ повсемственному надлежитъ быть благоустройству въ мірѣ: когда въ міроправленіе втекаетъ токмо одинъ Богъ, ничѣмъ не различествующій отъ блага; и когда благость, сіе утѣшительное для тварей свойство его, есть, такъ сказать, кормило, посредствомъ коего громада свѣта

стоитъ неизмѣнна и цѣла. — Твои разсужденія съ моими понятіями очень сходны; и хотя на догадкахъ основываясь, однако предвидѣлъ я, что ты говорить хотѣла. — Вѣрю сему. Ибо, кажется мнѣ, что теперь внимательнѣе смотришъ на свѣтъ истинны: но что намѣрена еще сказать тебѣ, не меньше прежняго очевидно есть. Что такое, вопрошаю ее? — Когда міроправленіе основаніемъ себѣ имѣетъ благость Бога; и всякая вещь, (что доказано уже) отъ природы стремится къ добру, распространяющемуся по мѣрѣ ихъ силъ: то можно ли сумнѣваться, что оно есть свободное, а не рабское. — Такъ сему быть надлежитъ; иначе для чего бы Владыку свѣта признавать благимъ и правосуднымъ существомъ? Ибо спасеніе было бы участью жестоковыйныхъ, а не послушныхъ. — Посему нѣтъ ничего такого, что держась порядка природы, предпринимало бы Богу противное. Нѣтъ точно говорю. — Успѣетъ ли въ чемъ нибудь силящійся итти противъ того, котораго право на блаженство мы признали неограниченнымъ? — Ни въ чемъ. — И такъ ничто не желаетъ, и не можетъ противиться верховному благу. — Точно такъ. — Слѣдовательно верховное благо есть то, что полномочно правитъ природою, и однимъ веселіемъ покаряетъ ея власти своей. Содержаніе здѣланныхъ заключеній, а паче всего твой образъ выраженія мыслей только утѣшительны для сердца; что не льзя не стыдиться мнѣ безумія

своего, шумный ропотъ подъемлющаго. Читалъ ты, рекла она, баснословное повѣствованїе о Гигантахъ, возставшихъ противу неба: хотя они повинны были всей ярости мщенїя, однако низложила ихъ кроткая и милостивая десница. Не желательно ли тебѣ сличить доводы? При взаимномъ ударенїи лучей ихъ другъ о друга, можетъ быть, возникнетъ искра неизвѣстной истинны. Сїе зависитъ, говорю, отъ твоей воли. — О всемогуществѣ Бога никто не сомнѣвается. — Никто изъ здравомыслящихъ. Для Всемогущаго же, продолжала, нѣтъ ничего невозможнаго? — Конечно нѣтъ. Отсюду можно ли заключить, что и зло творить силенъ онъ? Допустить сїе, значитъ утвердить нелѣпость, отвѣтствую ей. И такъ зло, сказала, есть ничто, когда оно невозможно для того, коего силѣ все покорено. — Не посмѣваешся ли слабости моей, изъ множества истиннъ составляя Лавиринѳъ, въ коемъ изумленны разумъ мой совершенно теряется; путь вхожденїя твоего въ оной кажется мнѣ тотъ же, которымъ исходишъ оттуда; и обратно. Чрезъ сїе не хочешъ ли изобразить чудесный кругъ простоты Божеской? Ибо не за долго предъ симъ начавъ со блаженства, нарицала его верховнымъ благомъ; и утверждала, что обитель онаго въ самомъ Богѣ; что высочайшее благо и совершеннѣйшее блаженство есть самъ Богъ: а чрезъ сїе людей какъ бы подарила чемъ, сказавъ, что не будучи Богомъ, не льзя

быть блаженну. Кромѣ сего говорила, что благо составляетъ существо Бога и блаженства; что единство ничемъ не различествуетъ отъ блага, для всѣхъ желательнаго; что Богъ вселенною правитъ, вмѣсто кормила употребляя благость свою; что всѣ твари повинуются своему Творцу, принося однѣ вольныя жертвы; и что зло есть одна мечта. И сїе доказывала ты причинами не со стороны взятыми; но врожденными людямъ, и къ сердцу ближайшими. — Разговоровъ моихъ съ тобою цѣль есть отнюдъ не шутки, а самое важное дѣло, которое Богъ уже помогъ мнѣ окончить, внявъ молитвамъ моимъ. Точно таковъ существа Божїя образъ, что оно ни отъ себя ни на едину черту не отступаетъ; ниже само заимствуетъ чтолибо извнѣ. Шаръ Сферической, по словамъ Парменида, есть точное изображенїе Его. Если доказательства, не извнѣ взятыя, но въ сущности вещи, о которой мы разсуждали, кроющїяся, здѣсь предложены были: то нѣтъ причины удивляться сему правилу Платонову: что сказуемыя вещи свойственными имъ и выраженїями должны объясняемы быть.

Щастливъ, кто могъ узрѣть источникъ благъ прозрачный;
Щастливъ, кто разорвалъ узилища чувствъ мрачны.
Супруги милой смерть оплакивавъ Орфей,
Толико трогающъ далъ лирѣ тонъ своей,
Что даже естества онъ побѣдилъ уставы:
Привелъ въ движенїе недвижимы дубравы;

Казалось, что лѣса со мѣстъ своихъ бѣгутъ;
И рѣки, восхитясь игрою, не текутъ.
Оставивши боязнь, въ томъ мѣстѣ лань тѣснилась,
Гдѣ страшныхъ львовъ толпа могуществомъ гордилась;
И заецъ робка тварь, что видя пса дрожитъ,
Но трепетно тогда съ нимъ вмѣстѣ возлежитъ.
Когда же сердцемъ онъ такъ сильно уязвился,
Что облакъ горестей съ часу на часъ густился;
Звукъ струнъ, который могъ собою всѣхъ плѣнить,
Когда не сталъ его ни сколько веселить:
Тогда онъ съ жалобой туда свой ходъ направилъ,
Гдѣ вѣчнымъ мукамъ быть предвѣчный предуставилъ.
Витійство здѣсь то всю Поэзіи излилъ,
Здѣсь знаніе свое въ музыкѣ онъ открылъ,
Которымъ мать его родная просвѣтила,
Все то, что сильная печаль ему внушила;
Чтобъ въ жалость жителей Тенарскихъ привести,
И за собой жену изъ ада возвести.
Треглавый стражъ стоялъ совсѣмъ какъ изумленный,
Симъ новымъ пѣніемъ до крайности плѣненный.
Уже и грозные къ виновнымъ Божества,
Отмстители злодѣйствъ безсмертны существа;
Видъ строгій премѣнивъ, на жалость преклонились,
И слезъ своихъ струей печальной окропились.
Не чувствовалъ уже тѣхъ мщеній Иксіонъ,
Которыя себѣ навлекъ за дерзость онъ;
Танталъ, что при рѣкахъ водъ жаждою томился,
Отъ нестерпимыхъ узъ сей казни разрѣшился;
И коршунъ пѣніемъ тогда доволенъ былъ;
Рвать печень Тиція на части позабылъ;
Не могъ и судія самъ тѣней не смягчиться;
Нещастному сему доколѣ, рекъ, томиться?
Быть такъ; Орфея мы любезной наградимъ,
И лирой куплену супругу отдадимъ.
Но сей столь рѣдкій даръ умѣримъ мы закономъ,
Кой презря, никакимъ не тронетъ насъ струнъ тономъ.

,,Изъ нашихъ выходя онъ тартарскихъ темницъ,
,,Не долженъ обращать назадъ своихъ зѣницъ,,.
Кто страстно любящимъ законы полагаетъ!
Всѣхъ паче правъ любовь собой располагаетъ.
Почти ужъ оставлялъ онъ преисподній мракъ,
И вскорѣ бы жены былъ безпрепятственъ зракъ;
Но не стерпя увы! назадъ онъ обратился,
Узрѣлъ жену; ельжъ убійцей въ мигъ явился.
Вы! точно должны быть предметомъ басни сей,
Имущїе другой свѣтъ цѣлїю своей.
Смотрящій, какъ Орфей, на дольная со страстью,
Такомужъ, какъ и онъ, подвергнется нещастью;
Себя лишитъ всего, что лучшее влечетъ,
Коль областью себя лишь чувственной займетъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ.

Боецію удивляющемуся, отъ чего добродѣтельные по пути терніемъ, а порочные цвѣтами устланному, шествуютъ, старается доказать; что первые всегда были и будутъ сильны, какоебы ни постигло ихъ зло; послѣдніе же, пользуясь всѣми дарами щастія, подлежатъ крайнимъ слабостямъ; тѣмъ награды; симъ казни опредѣлены. Порочные еще нещастнѣе бываютъ; когда намъ кажется, что они остаются не наказаны, а наипаче, когда преступленія ихъ соединены съ обидою ближняго. Послѣ сего опредѣляетъ: что такое есть промыслъ? что судьба? Напослѣдокъ увѣряетъ, что всякой случай пріятный или противный людямъ, есть хорошъ самъ въ себѣ.

Когда Философія со всею важностію, ея особѣ свойственною, пропѣла сіи стихи, занимающіе умъ и услаждающіе сердце; тогда,

я еще не совсѣмъ забывъ душевную скорбь, глубоко пустившую корень свой, прервалъ напряженіе голоса ея, еще нѣчто говорить желавшей. Предвозвѣстница солнца истинны! я возопилъ къ ней; всѣ слова доселѣ слышанныя, въ отношеніи и къ понятіямъ о Богѣ и къ основательности твоихъ умствованій, мнѣ кажутся непреоборимыми. Хотя чувствіе обидъ мнѣ причиненныхъ, давно истребило оныя изъ памяти; однако заключающагося въ нихъ смысла я не совсѣмъ не зналъ прежде сего. Самою главною причиною моей скорьби есть то, что зло существуетъ, или проходитъ безъ наказанія въ мірѣ, котораго правитель есть существо благое. Вникни сама, колико страненъ одинъ сей случай. Но къ сему неустройству въ свѣтѣ присоединено другое большее. Въ царствованіе нечестія добродѣтель не только награды лишается, но повержена, и безжалостно попираема, лежитъ у ногъ порока, пія горькую чашу казней, злодѣямъ должную. Когда происходитъ сіе въ царствѣ всевѣдущаго, всемогущаго, притомъ одно благо предметомъ своея воли имѣющаго Бога: то никто какъ надивиться довольно, такъ и жалобъ соразмѣрныхъ несправедливости такой, произнести не можетъ. — Явленіе сіе безконечнаго бы достойно было изумленія, и смотрѣть на оное показалось бы ужаснѣе всякихъ чудовищъ; ежели бы, соотвѣтственно твоимъ мыслямъ, въ домѣ толь великаго, такъ

сказать, хозяина, весьма порядочно расположенномъ, уважались скудельные сосуды, а златые и сребряные оставались въ небреженіи: но сего не бываетъ. Если заключеній, не давно выведенныхъ, не оспориваешъ теперь: то изъ свойствъ Творца, о царствѣ коего простираемъ нашу рѣчь, тотчасъ познаешъ; что честные люди всегда находятся въ силѣ, злые же отвержены отъ Бога, и подлежатъ всякимъ слабостямъ; что порокъ отнюдъ не можетъ остаться безъ наказанія, равно какъ добродѣтель безъ награды. Добродѣтельные спокойно и благополучно живутъ, имѣя внутренняго свидѣтеля ихъ честности; а нечестивые вѣчно имѣютъ пасмурное чело, по причинѣ совѣсти напоминающей имъ, что съ приращеніемъ грѣхопаденій возрастаютъ и казни. Подобныхъ симъ множество причинъ, кои по усыпленіи жалобъ, заставятъ тебя крѣпко держаться утверждаемаго мною. А какъ образъ истиннаго блаженства и сущность его уже давно извѣстны тебѣ: то умственно протекши все, что за нужное почитаю предварительно объяснить тебѣ, напослѣдокъ покажу путь въ отечество ведущій; сверьхъ сего прикрѣплю къ душѣ твоей сродныя ей крилѣ, дабы смущенные помыслы проженувъ далече отъ себя, невредимъ ты возлетѣлъ въ отечество свое, и почилъ тамо, подъ моимъ предводительствомъ, моею стезею и въ моей возницѣ.

Подобно птицамъ я одарена крилами,
Чрезъ кои смежною бываю съ небесами.
Пусть только быстрый умъ къ себѣ ихъ прикрѣпитъ,
То съ омерзѣнїемъ на шаръ земный воззритъ,
Безмѣрно воздуха пространство прелетая,
И мрачны за собой всѣ тучи оставляя.
Кого движенїе Еѳирное живитъ:
Куда не можетъ огнь, въ тѣ страны тотъ паритъ;
Тогда, какъ въ звѣздные онъ краи устремится,
И по одной стезѣ съ свѣтиломъ гордымъ мчится;
Иль Марса въ слѣдъ несясь, которой изъ Планетъ,
Краснѣйшїе лучи и большїй свѣтъ лїетъ;
Или къ Сатурну быстръ полетъ свой направляя,
Гдѣ мразность царствуетъ жестокая, сѣдая;
Иль обтекая кругъ тьмочисленныхъ Мїровъ,
Которыми красясь, нощный сїяетъ кровъ.
Когдажъ симъ образомъ вездѣ перебываетъ;
Тогда на обонъ-полъ вселенной поспѣшаетъ,
Чтобъ на Еѳирные взлетѣть ему хребты,
Гдѣ будетъ зрителемъ предвѣчной красоты.
Здѣсь Скипетры земнымъ Владыкамъ раздающїй!
Здѣсь созданно уже творить непрестающїй!
Что движетъ вихрями Мїровъ, покоясь самъ;
Разполагаетъ всемъ, сообразясь вещамъ.
Какъ только во страну сїю ты возвратишся,
О коей позабывъ, всечастно суетишся:
Нынь помню, скажешъ, здѣсь отечество мое!
Отсюда получилъ я бытїе свое!
Когда воззришъ оттоль на сѣнь земныя ночи;
Тираннъ всякъ ссылочнымъ представится предъ очи:
Количихъ бы судьбу въ рукѣ онъ ни держалъ,
И сколько бы народъ его ни трепеталъ.

По выслушанїи сея пѣсни, сказалъ я: очень пышны обѣщанїя твои; однако надѣюсь, что ты въ состоянїи исполнить ихъ. Стоитъ

только уловленное вниманіе мое не прерывать медленностію. Съ самаго начала удостовѣрься въ томъ, что добродѣтельныхъ всюду сопровождаетъ могущество, а порочныхъ крайняя слабость. Истинны сіи одна другую доказываютъ. Ибо когда благо и зло противны между собою; то по допущеніи силы перваго, откроется безсиліе втораго: если ломкость зла будетъ извѣстна; не льзя сумнѣваться о твердости блага. Но дабы тебя совершенно склонить на мое мнѣніе; для сего двумя способами буду доказывать оное, утверждая предложеніе наше то съ той, то съ другой стороны. Два суть начала, отъ коихъ зависитъ каждый плодъ дѣяній человѣческихъ: воля и могущество. Пускай человѣкъ хотя одного изъ сихъ началъ лишится, то ничего произвесть не возможетъ. Никто не предпріемлетъ того, чего не желаетъ: а совершенно безсильнаго воля остается безуспѣшною. Въ слѣдствіе чего, видя стремящагося къ какой нибудь цѣли, и не достигающаго оной, конечно заключишь ты, что въ немъ не достаетъ силы. Это очень ясно, говорю ей, и не оспоримо со всѣхъ сторонъ. Если же кто здѣлалъ то, что хотѣлъ; то уже ли усумнишся, что онъ и могъ? — Ни мало. — Но всякой въ томъ, что въ состояніи учинить, сильнымъ; а чего не можетъ, безсильнымъ считаться долженъ. — Признаюсь. — Помнишъ ли послѣдствіе доводовъ прежнихъ, коего

смыслъ такой: каждое намѣренїе воли человѣческой, которою движутъ тысяща желанїй, имѣетъ одну цѣль, т. е. блаженство? Помню, отвѣтствую ей, и сїе было мнѣ доказано. Приводишъ ли на мысль себѣ, что блаженство есть тоже, что благо; а по сему желанїе блаженства всегда бываетъ сопряжено съ желанїемъ блага? Нѣтъ нужды, говорю, приводить, когда оно живо изображено въ памяти. — Можно ли заключить отсюду, что вообще всѣ люди, какъ добрые, такъ и злые стремятся ко благу? — Какъ не можно? — Въ прочемъ извѣстно, что чрезъ полученїе добра дѣлаются добрыми. — Правда. — Слѣдственно въ добродѣтельныхъ не существуетъ ли совершенная соразмѣрность силъ и желанїй? — Такъ и мнѣ кажется. — Но ежели бы злые получали желаемое ими; не могли бы оставаться злыми. — Такъ точно. — А когда для тѣхъ и другихъ желательно добро; но одни оное получаютъ, а другїе всю жизнь проводятъ въ прехожденїи отъ одного призрака къ другому: то никакого нѣтъ сомнѣнїя, что честные люди суть сильны, злые же немощны. Кто, говорю ей, о семъ сумнѣвается: тотъ ни сущности вещей, ни послѣдствїя доказательствъ разумѣть не можетъ. Положимъ, продолжала она, два человѣка, которымъ было бы предложено одно и тоже производить естественнымъ образомъ; но одинъ изъ нихъ началъ бы отправлять, слѣдуя порядку

природы; другой же такъ поступать не могъ, и свойственнымъ природѣ образомъ не исполнилъ предложеннаго ему дѣла, а только подражалъ исполняющему: то котораго изъ нихъ почелъ бы ты мощнѣйшимъ? Хотя угадываю, говорю ей, что ты чрезъ сїе хочешъ внушить мнѣ; однако желаю, чтобъ ты пространнѣе о семъ сказала. — Допущаетъ ли, что движенїе ходящаго есть естественно людямъ? — Какъ не допустить? — Не сомнѣваешся ли въ томъ, что ногъ должность приводить въ дѣйство движенїе сїе? — Ни мало. — И такъ если кто въ состоянїи будучи ходить на ногахъ, начнетъ посредствомъ ихъ переносить себя съ мѣста на мѣсто; а другой, котораго ноги къ исполненїю сего долга не способны отъ природы, будетъ двигаться, опираясь на руки: кого изъ нихъ сильнѣйшимъ признать надлежитъ? Продолжай, говорю ей, далѣе рѣчь свою; ибо никто не сумнѣвается, что могущїй въ дѣйство производить естественныя дѣла сообразно естества законамъ, есть крѣпльшїй того, кто не въ состоянїи здѣлать сїе. — Верховнаго блага, которое для избиранїя добрымъ и злымъ людямъ равно предложено, первые тщатся достичь дѣйствїями, природою предписанными; т. е. благими дѣлами: а послѣднїе силятся получить его разными не позволенными прихотями, для успѣха въ намѣренїи употребляя средства, совсѣмъ противныя оному. Уже ли ты иначе

мыслишъ о семъ? — Никакъ нѣтъ; не токмо то, что ты сказала теперь, но и послѣдствїе очевидно есть. Уступленное мною увѣрительно доказываетъ добродѣтельныхъ крѣпость, а порочныхъ безсилїе. — Правильными сужденїями предваряешь меня, и это (какъ обыкновенно врачи питаются надеждою) есть хорошїй знакъ; видно, что природа твоя очень хорошо сопротивляется болѣзни. А какъ нынѣ усматриваю въ тебѣ великую охоту и способность распространить округъ душевнаго зрѣнїя: то изъ причинъ цѣлую цѣпь составлю, и предложу тебѣ. Посмотри самъ, не слабосильны ли развратные люди, когда не могутъ достичь того, къ чему ведетъ, и почти нудитъ ихъ естественная склонность? Что съ ними послѣдуетъ, ежели лишатся толико сильныхъ и не преодолимыхъ побужденїй? Что, ежели яснѣйшїй лучь, коимъ природа озаряетъ путь къ блаженству, угаснетъ? Но подробнѣе разсуди о ихъ слабости. Предметъ подвиговъ ихъ не маловажныя и смѣха достойныя награды, которыхъ они достигнуть и получить не могутъ: но высочайшее и совершеннѣйшее добро; и не успѣваютъ въ томъ, для чего развлекаются дневными и нощными суетами. Съ сей точки зрѣнїя могущество добродѣтельныхъ весьма примѣтно. Ибо самъ ты сознался бы, что очень легокъ тотъ, кто, кромѣ ногъ собственныхъ ничего не прїемля въ помощь себѣ, мо-

жетъ протечь всѣ удобопроходимыя части поверхности земной: для чего же не признать сильнымъ обладателя вещи, полагающей предѣлъ всѣмъ желаніямъ? Отсюду паки видна противулежащая страна; т. е. что безсиліе есть вѣчный спутникъ злонравія. Ибо почто люди, не радя о добродѣтели, предаются пороку? Отъ невѣденія ли: что полезно, что вредно для нихъ? Если такъ, то льзя ли быть слабѣе слѣпоты невѣжества? Или понимаютъ то, чему они слѣдуютъ? Но мы видимъ, что мятежныя прихоти дѣлаютъ ихъ безсмысленными и опромѣтчивыми при всякомъ шагѣ, такъ, что они суть совершенные плѣнники невоздержности, отъ коей изсякаетъ весь источникъ крѣпости. Или на конецъ зная свойства добра, и желая его, отверзаютъ сердце впечатлѣніямъ всякой грѣховной мерзости? Въ семъ случаѣ не только сильными быть, но и существовать перестаютъ. Ибо уничтожается то, что измѣняетъ концу всеобщему. Иному можетъ показаться странно, что о злыхъ, (коихъ большая часть находится въ свѣтѣ,) говорю такъ, какъ о не сущихъ: однако сіе есть не оспоримая истинна. Я не отрицаю, что злые, яко злые, суть въ мірѣ: но не допущаю того, чтобъ они существовали въ чистомъ и прямомъ смыслѣ слова сего. Человѣческій трупъ не зовешъ ты человѣкомъ мертвымъ; но просто человѣкомъ нарещи не можешъ: такимъ же образомъ порочные, яко

порочные, неизключены изъ союза вещей сущихъ; но колеблюсь сказать, что существуютъ они во всей силѣ слова сего. Ибо существуетъ то, что держится порядка, и природѣ слѣдуетъ: а измѣняющее ей, измѣняется и въ своемъ существѣ. Но возразишъ мнѣ: злые всё еще со способностію дѣйствовать. И я не отрицала бы сего; еслибы способность ихъ вела начало свое отъ силъ, а не отъ слабости. Они способны ко злу, которое было бы не возможно для нихъ, какъ скоро утвердилися бы во благѣ. Таковая возможность яснѣе всего доказываетъ ничтожность ихъ могущества. Ибо ежели зло (какъ мы не давно заключили) есть прямое ничто; то они, будучи способны ко одному злу, ни къ чему суть не способны. Сіе довольно вразумительно. Но дабы зналъ ты степень могущества добрыхъ: для сего предварительно сказала я, что блага верховнаго ничто не превосходитъ силою. — Справедливо сіе. — Но не можетъ оно зла творить. — Это правда. — Отсюда можетъ ли кто заключить, что люди всесильны суть? — Никто, изключивъ безумнаго. Мощность ихъ, возразила она, простирается даже до зла. — О ежели бы она не простиралась! — Когда убо всесиленъ есть способный токмо къ добру, а не тѣ существа, коихъ бытіе кромѣ добра еще зломъ ознаменяется: то самая возможность творить зло есть несумнительный знакъ безсилія.

Сверхъ сего было показано, что могущество полагается въ числѣ вещей, достойныхъ быть цѣлію воли человѣческой; и все желательное относится ко благу такъ, какъ ко главѣ своей. А возможность грѣшить не можетъ отнестися ко благу; слѣдственно не надобно желать ея. Въ прочемъ сама природа внушаетъ желаніе быть сильнымъ. И такъ возможность творить злое, не доказываетъ могущества. Все сіе подтверждаетъ добродѣтельныхъ крѣпость, а строптивыхъ крайнюю слабость. Отсюда явствуетъ истинна Платонова мнѣнія сего: что одни мудрые могутъ дѣлать то, что хотятъ; порочные же занимаются не тѣмъ, что удовлетворяетъ ихъ волѣ, но что льститъ одной чувственности, увлекающей волю за собою. Ибо въ забавахъ ища края желаній своихъ, подъемлютъ всякія тяжести; но тщетны бываютъ труды ихъ, суетны усилія. Законный блаженства наслѣдникъ есть человѣкъ честный, а не развратный.

Подъяты отъ земли на вознесенной тронъ,
Въ порфиру и драгой одѣянны виссонъ,
Отвсюду воиновъ ограждены толпою:
Но злополучнѣе всѣхъ кажутся судьбою,
Не различаяся въ дѣяніяхъ отъ злыхъ.
Лишъ титловъ не мѣшать въ сужденія о нихъ;
Увидишъ, что всякъ часъ ихъ бременятъ оковы,
Минулъ ли плѣнъ какой? они впадаютъ въ новый.
Здѣсь гнѣвъ надъ разумомъ верхъ завсегда беретъ,
Когда волненіе въ крови произведетъ;

Они снѣдаются тоской, то въ плѣнъ попавши,
То ложною себя надеждою ласкавши.
Одинъ служа стольки тираннамъ человѣкъ,
Свободы сладостной во весь не вкуситъ вѣкъ;
Желаній края онъ отнюдъ не достигаетъ,
Коль пагубнымъ страстямъ себя порабощаетъ.

И такъ видишъ ли, колико презрителенъ жребій безчувственныхъ къ добродѣтели? какой свѣтъ озаряетъ любящихъ ея! Сіе ясно доказываетъ необходимость наградъ добрымъ людямъ, а злымъ казней. Предпріятій человѣческихъ конецъ, для котораго производится какое дѣло, есть возмездіе, а не обида. Тако чрезъ поприще текущему предлежитъ въ награду вѣнецъ, которой побудилъ его яться бѣгу. Но я показала, что блаженство есть то самое благо, куда цѣлятъ всѣхъ предпріятія. Слѣдовательно можно назвать его возмездіемъ дѣйствій человѣческихъ, простирающимся до всѣхъ людей. Притомъ благо сіе есть нераздѣлимо отъ честныхъ; ибо отнюдъ не назовутъ честнымъ того, кто въ себѣ не имѣетъ онаго. Посему благонравіе не остается безъ наградъ, ему принадлежащихъ. Слѣдовательно, злые сколькобъ ни ополчались противу добрыхъ; вѣнецъ славы вѣчно не спадетъ со главы мудраго мужа, и вѣчно не изсхнетъ. Ибо красота, добросердечнымъ сродная, отнюдъ несовмѣстна нечестію. Если бы добродѣтельной человѣкъ увеселялся добромъ, извнѣ полученнымъ: то или другой кто могъ

бы у него изхитить оное; или самой тотъ, кто его надѣлилъ имъ. Веселящая совѣсть есть слѣдствіе благонравія; и посему она никакъ не можетъ быть въ развратившемся. Напослѣдокъ, ежели награда потому желательна, что нарицается благомъ; то участвуя въ послѣднемъ, льзя ли не имѣть перваго? Какая же награда? Всѣхъ прочихъ изящнѣйшая и большая. Воспомяни о послѣдствіи отличномъ отъ прочихъ, которое не давно я вывела, и послѣ заключай такъ: когда самое благо есть блаженство; то для чего благонравіе не признать за средство учиниться блаженнымъ? Блаженнымъ же свойственно быть богами. Слѣдовательно награда честныхъ людей, которую ни время изтребить, ни власть уменьшить, и ни нечестіе другихъ затмить не можетъ, состоитъ въ томъ, что они дѣлаются божествами. Если сіе истинно, то о наказаніи, всюду преслѣдующемъ злыхъ, никто здравомыслящій не усумнится такъ же. Благо и зло, равно какъ наказаніе и награда, совершенно различны между собою: то сущему при награжденіи добрыхъ людей должно такъ же противное быть, въ случаѣ наказанія злыхъ. И такъ какимъ образомъ наградою служитъ честнымъ людямъ ихъ благонравіе; равно порочнымъ злонравіе казнію. Но всякій истязуемый не колеблясь, скажетъ; что истязывая его, даютъ ему чувствовать зло, а не благо. Слѣдственно порочные, (если только безъ пристрастія по-

судятъ о себѣ самихъ) могутъ ли считать себя свободными отъ казней, когда мерзостїю золъ всякихъ не токмо мучимы, но и заражены бываютъ? Съ противолежащей стороны добрыхъ посмотри теперь на наказанїе, сопровождающее злыхъ. Не за долго предъ симъ я показала тебѣ, что всякое существо содержитъ въ себѣ единство, и сїе единство есть благо. Откуду слѣдовало заключить, что каждая вещь, по видимому, должна быть блага въ существѣ своемъ; что уклоненїе отъ блага уничтожаетъ ее; что злые перестаютъ быть тѣмъ, чемъ были прежде. Впрочемъ наружность ихъ еще показуетъ, что они нѣкогда были люди; но предавшись увеселенїямъ чувствъ, а не разума, и человѣчества лишились. Когда едино благонравїе возноситъ человѣка выше человѣчества, и имя смертнаго безсмертнымъ дѣлаетъ; то злонравїе низвергая людей съ высоты, на коей они поставлены, понижаетъ, а не возвышаетъ ихъ цѣну. Слѣдственно преображеннаго пороками никакъ не можешъ ты почитать человѣкомъ. Томится ли жаждою корысти наглый грабитель? Уподобишъ его волку. Лютый и безпокойной занимаетъ ли языкъ свой клеветою и злословїемъ? Соравнитъ съ собакою. Внутренно не радуется ли умысливщїй неправду, которой не льзя другимъ примѣтить? Равенъ будетъ лисицамъ. Скрежещетъ ли зубами, и возмущаетъ воздухъ своимъ крикомъ запальчивый? По-

чтутъ его носящимъ въ себѣ львиное сердце. Одержимый робостію, и къ бѣгу склонный, не трепещетъ ли того, что совсѣмъ не опасно? О таковомъ заключать, какъ о еленѣ. Въ праздности ли кто, и макѣ невѣжества иждиваетъ время свое? Сей живетъ, какъ оселъ. Легкомысленъ и превратенъ будучи въ своихъ мысляхъ, ежечастно не перемѣняетъ ли кто свои желанія? Тотъ ни чемъ неразличенъ отъ пернатныхъ и вѣтра. Погружается ли кто во блатѣ мирскихъ и нечистыхъ похотей? Тотъ наслаждается удовольствіемъ, свиніѣ сроднымъ. И такъ, (поелику прехожденіе изъ состоянія человѣческаго въ божеское не совмѣстно людямъ управляемымъ чувственностію) нечестіе лишая людей человѣчества, превращаетъ ихъ во звѣрей.

По долгомъ плаваньи, Улисса вѣтръ пригналъ
Ко острову, гдѣ градъ сооруженъ стоялъ,
Жилище красоты отъ многихъ отличенной,
Богини сѣменемъ вождя планетъ рожденной;
Къ которой новый гость какъ скоро приплыветъ,
Очарованное тому питье даетъ.
Волшебница сія во что) не премѣняетъ?
Инаго странника въ кабана превращаетъ;
Въ льва Мармарицкаго преобразившись сей,
Пріемлетъ крѣпость всю его зубовъ, ногтей,
Тотъ въ волка претворенъ, коль плакать начинаетъ;
Тотъ голосомъ, звѣрямъ симъ свойственнымъ, рыдаетъ.
Облекся тигра въ плоть Индійскаго другой;
Но царствуетъ его въ душѣ глубокъ покой.
Не могъ Аркадскій богъ на жалость не склониться,
Заразѣ не далъ сей на ихъ вождя излиться;

Которой множествомъ иныхъ бѣдъ отягченъ.
Но изъ гребцовъ никто отъ яду не спасенъ:
Его испивши, весь видъ прежній потеряли,
Звѣрями ставъ, себя позвѣрски и питали.
Едина ихъ душа избѣгнула премѣнъ,
Оплакивающа себѣ несродной плѣнъ.
Какъ руку слабою волшебную не счесть?
И сколь ничтожно зло трава сильна нанесть!
Видъ внѣшній измѣнить конечно имъ возможно;
Но естество людей есть вѣчно, непреложно.
Такой духъ крѣпости въ ихъ лонѣ сокровенъ;
Которой веществу отнюдь не подчиненъ.
Тотъ человѣчества скорѣе ядъ лишаетъ,
Что душу самую смертельно уязвляетъ;
Своею ѣдкостью насквозь все проходя,
А тѣлу слабому ни сколько не вредя.

За симъ, признаюсь, сказалъ я, что порокъ дѣйствительно преобразуетъ людей въ дикихъ звѣрей; хотя внѣшній образъ человѣчества и остается при нихъ. Но что касается до злодѣйства, со всею лютостію устремляющагося на честность; то мнѣ не желательно, чтобъ оно было успѣшно. — Тщету и суетность его не премину доказать тебѣ въ приличномъ мѣстѣ. Если отнимется мнимое сіе злодѣевъ могущество, то весьма симъ облегчится ихъ наказаніе. Ибо (что можетъ быть не вѣроятно покажется иному) надлежитъ съ ними послѣдовать большему нещастію, когда совершатся желанія ихъ; нежели тогда, когда не могутъ они удовлетворить своей волѣ. Если хотѣнія простирать къ беззаконному, есть бѣдственно; то способность

произвести ихъ въ дѣйство, еще бѣдственнѣе; безъ которой плодъ воли нещастной оставался бы въ предѣлахъ чистой возможности. Почему, (ибо каждое подвержено своей крайности) тройственное нещастіе преслѣдуетъ тѣхъ; которые желаютъ, могутъ творить и содѣваютъ злое. — Здраво заключаешъ: однако очень бы я доволенъ былъ, еслибъ они поскорѣе избавились злополучія сего, лишась возможности грѣшить. Избавятся, отвѣчала, еще скорѣе, нежели какъ ты хочешъ; или нежели какъ сами они помыслятъ о своемъ спасеніи. Толико въ тѣсныхъ предѣлахъ жизни сея нѣтъ ничего такого, чего бы ожиданіе душа, будучи безсмертна, почла долговременнымъ: великая злыхъ надежда, огромная и высокая беззаконій машина часто здѣсь обрушивается, сверхъ всакаго чаянія; что поистиннѣ умѣряетъ ихъ бѣдность. Ибо ежели нечестіе бѣдными дѣлаетъ; то по мѣрѣ времени, въ кое человѣкъ служитъ ему, нужно увеличиваться и самой бѣдности. Изъ всѣхъ тварей подъ солнцемъ злополучнѣйшими людей бы я сочла: если бы злости ихъ не прекращала смерть, послѣдняя черта вещей. Изъ неоспоримаго заключенія о жалостной участи развратныхъ явствуетъ, что безпредѣльна ихъ бѣдность, вѣчности коея мы совершенно вѣримъ. — Нанесеніе сіе для меня странно, и хотя трудно допустить его; однако вижу, что оно крайне сходствуетъ съ принятымъ

прежде за истинну. — Здраво ты мыслитъ: кто не соглашается на заключенїе; тотъ долженъ или доказать, что нѣкоторая ложь таится въ предъидущемъ; или дать знать, что изъ сличенїя предложенїй не слѣдуетъ такъ заключать. Иначе уступивъ предъидущее, безумно спорить о нанесенїи. Ибо и сїе, о чемъ намѣрена предложить нынѣ, покажется не меньше удивительнымъ; но оно есть необходимое слѣдствїе прежнихъ истинъ. Что такое, спрашиваю у ней? Порочные наказуемые, отвѣчала, суть щастливѣе, нежели когдабъ правосудїе не удерживало ихъ отъ злодѣйствъ. Не намѣрена я здѣсь доказывать общими мыслями; т. е. что мщенїе за законъ и страхъ мученїй исправляютъ злые нравы, и выводятъ ихъ на прямый путь; что страданїя ихъ бываютъ для прочихъ побужденїемъ удаляться предосудительнаго: другую покажу тебѣ причину сего, почему больше бѣдствуютъ не наказанныя нечестивцы, не прїемля въ разсужденїе ни исправленїя ихъ, ниже влїянїя казней на нравственность другихъ. — Прошу открыть. — Прежде признали, или нѣтъ, мы добрыхъ щастливыми, а злыхъ не щастными? Признали, отвѣчаю ей. Если убо, продолжаетъ она, провождающїй жизнь въ смутныхъ часахъ, въ утѣшенїе себѣ получитъ какое нибудь благо; бѣдность его не будетъ ли сноснѣе бѣдности того, для котораго едино зло живо? — Такъ и мнѣ ка-

жется. — Къ сему нещастному, лишеному всѣхъ благъ, пусть еще зло новое присоединится; тогда участь его не будетъ ли еще горестнѣе прежней? и не гораздо ли она тягостнѣе той судьбы, которая облегчается сопричастїемъ въ добрѣ нѣкоемъ? — Какъ же не такъ? — Слѣдовательно съ истязуемыми злодѣями всегда сопряжено бываетъ нѣкоторое добро; я разумѣю, самое наказанїе, которое, въ отношенїи къ правосудїю, есть благо. Они избѣгая мученїй, навлекаютъ на себя нѣчто большее содѣяннаго ими зла, а именно наказанность, которую праведно ты почелъ зломъ нечестїя? — Не могу отрицать. — И такъ злодѣи не законно освобожденные отъ наказанїя, гораздо злополучнѣе тѣхъ, которые вкусили отъ чаши мщенїя за законъ. Впрочемъ извѣстно, что воздержанїе прочихъ отъ подобныхъ преступленїй, и не поколебимость ихъ во благомъ, совершенно оправдываютъ законъ, карающїй злодѣевъ; и что грѣшатъ тѣ судїи, кои не даютъ имъ чувствовать мукъ достодолжныхъ. — Кто сїе оспоритъ. — Никто также и сего не будетъ оспоривать, что всякая справедливость есть добро, и всякая неправда, зло. — Все сїе есть послѣдствїе заключенїй вышшихъ; но мнѣ желательно знать: допущаешъ ли какїя казни, смерти совозслѣдствующїя? — Величайшїя; онѣ состоятъ въ болѣзненномъ чувствїи, никогда непрестающемъ. Нынѣ же на намѣрена я разсуждать о семъ.

Все сказанное къ тому клонится, дабы зналъ ты, что могущество злыхъ, котораго вовсе не заслуживающими они казались тебѣ, есть одна мечта; что должныя казни неизбѣжны для нихъ и въ сей жизни; что возможность, о скоромъ коей прекращенїи ты просилъ Бога, есть не долговременна: что съ продолженїемъ ея увеличивается и бѣдствїе человѣка; которой былъ бы нещастнѣйшїй изъ смертныхъ, ежели бы она вѣчно оставалась при немъ. Напослѣдокъ, дабы увѣрился ты, что гораздо тягостнѣе жребїй преступниковъ несправедливо освобожденныхъ отъ наказанїя, нежели пострадавшихъ отъ руки правосудной. Слѣдовательно злые люди, которыхъ считаютъ ненаказанными, еще больше страждутъ. — Вникая въ твои доводы, думаю я, что справедливѣе ихъ ничто быть не можетъ. Но если обратить вниманїе на общїя о семъ сужденїя человѣческїя; то утверждаемое тобою не токмо не вѣроятно, но и недостойно слуху кажется. Правду говоришъ, рекла она. Ибо очей своихъ, приобыкшихъ ко тьмѣ, люди никакъ не могутъ возвести на ясной свѣтъ истинны. Они очень уподобляются птицамъ, видящимъ предметы только въ нощное время. Совратившись съ того пути, которымъ ведетъ ихъ природа, и одни пожеланїя страстей избирая себѣ въ руководителя, щастїемъ почитаютъ вольность грѣшить, и ненаказанность. Воззри на неизмѣнный уставъ Законодавца природы. Ежели выборъ

твой будетъ управляемъ изяществомъ вещей; то нѣтъ тебѣ нужды въ судіи, награду опредѣляющемъ: самъ ты прилѣпился къ лучшему. Послѣдовалъ ли въ тебѣ перевѣсъ на хуждьшую сторону? Внѣ себя не ищи мстителя за то; отъ собственной неусмотрительности уже самъ хватаешъ зло подъ видомъ блага. Тако попеременно взирая на исполненную мерзостей землю, и на небо, (предполагается такое время, въ которое окружающія тебя вещи всѣ бы изчезли) казался бы ты то смѣсившимся со бреніемъ, то сущимъ у звѣздъ. Безсмысленный народъ сему не внемлетъ. Чтожъ изъ того? Уже ли мы должны примѣнять свои сужденія къ мыслямъ подобныхъ звѣрямъ? Еслибъ слѣпотствующій забылъ и то, что онъ прежде пользовался зрѣніемъ; и думалъ притомъ, что онъ имѣетъ всѣ чувственныя орудія: то усматривающихъ въ немъ недостатокъ сей, уже ли бы мы за слѣпыхъ почли? Ибо такъ же не успокоятся они и въ сей, равно неоспоримой, истиннѣ: что нещастнѣе суть причиняющіе, нежели терпящіе обиду. Желалъ бы я самъ, говорю ей, выслушать причины тому. — Уже ли будешъ отрицать, что всякой развратный достоинъ мести? — Никакъ. — О злополучіи же нечестивцовъ увѣрены мы съ многообразныхъ сторонъ. Правда, отвѣчаю ей. Слѣдственно ты не сомнѣваешся и о бѣдности заслуживающихъ казнь? — На все согласенъ. — И такъ предположивъ, что ты судія обстоятельно свѣдущій

о всемъ происходившемъ съ судимыми, оскорбившаго, или оскорбленнаго судилъ бы повиннымъ казни? — Конечно пострадавшаго удовольствовалъ бы я мученіемъ озлобителя. — Такимъ образомъ нещастнѣе бы казался тебѣ обидѣвшій, нежели обидимый. — Подавши согласіе на предъидущее, надлежитъ допустить и послѣдствіе онаго. — Почему какъ сія мысль: что нечестіе само по себѣ есть зло для людей, такъ и другія изъ нея, яко отрасли изъ корня, возникающія, совершенно оправдываютъ положеніе наше; то есть: нанесенная обида творитъ нещастнымъ не притѣсненнаго, но притѣснившаго. Нынѣ же, говоритъ она, совсѣмъ иначе поступаютъ Ораторы. Ибо о пострадавшихъ и огорченныхъ силятся возбудить сожалѣніе въ судіяхъ на мѣсто того, чтобъ побуждать ихъ жалѣть больше о обидѣвшихъ: которыхъ къ суду, аки болящихъ ко врачу, должны обвинители призывать не съ разъяреннымъ на нихъ духомъ, но съ благосклоннымъ и сожалительнымъ; дабы язвы грѣховныя изцѣлить казнію, симъ спасительнѣйшимъ насиліемъ, отъ коего часто пробуждается нечувствительный къ честности. Симъ образомъ защитниковъ стараніе или во все было бы не дѣйствительно, или, если желаютъ доставить какую нибудь пользу человѣчеству, премѣнилося бы въ образъ обвиненія. Злодѣи самые, хотя сквозь малѣйшее отверстіе воззрѣвши на сокровища добродѣтели,

ими оставленной, кроющіяся подъ ея стопами, и усмотрѣвъ, что болѣзни, ощущаемыя при наказаніи, смываютъ съ нихъ всѣ нечистоты порока; злодѣи, говорю, въ чаяніи получить святыню, подпору необходимую для бытія, свои мученія конечно сочли бы благомъ для себя; отвергнули бы стряпчихъ предстательство о нихъ, во всемъ предавшись волѣ доносителей и судей. Сіе то причиною есть, что сердца мудрыхъ никогда не возмущаются болѣзненнымъ теченіемъ крови, отъ ненависти раждаемымъ. Ибо добрыхъ, изключая самаго безсмысленнаго, будетъ ли кто ненавидѣть? А злымъ быть зложелателемъ во все нѣтъ причины: потому что порокъ есть болѣзнь душевная. Но если страждущіе тѣломъ заслуживаютъ не ненависть, а сожалѣніе о нихъ; то кольми паче надлежитъ не утѣснять, но щадить тѣхъ людей, надъ коихъ душею тиранствуетъ злонравіе, лютѣйшее всякой немощи тѣлесной.

Что пользы мятежей толико возбуждать;
И собственной рукой нить жизни пресѣкать?
Коль разрѣшиться вамъ желательно отъ тѣла,
Не мните, что бы смерть приходомъ къ вамъ коснѣла:
Не пщится умѣрять она быстръ бѣгъ коней,
Не рѣдко веемлюща среди весеннихъ дней.
Которыхъ левъ, тигръ, вепрь, медвѣдь, змѣй уязвляютъ,
Взаимно тѣ мечемъ другъ друга закалаютъ.
Противный ли сего началомъ есть ихъ нравъ?
Иль отдаленность странъ? или несходство правъ?

Что страшный иногда свирѣпствуетъ огнь брани,
И звѣрству плататся постыднѣйшія дани.
Сей лютости не льзя прямой причины дать.
Заслугамъ хочешь ли ты должное воздать?
Люби незлобіемъ и правдою живущихъ,
И сожалѣй о злыхъ, правъ честности не чтущихъ.

Теперь понятно мнѣ благополучіе и злополучіе, истые плоды добродѣтели и порока. Однако всё еще не могу увѣриться, чтобъ щастіе, и простонародно понимаемое, нѣкоего добра не заключало въ себѣ. Ибо никто изъ здравомыслящихъ не пожелаетъ лучше претерпѣть ссылку, убожество и безславіе; нежели жить въ изобиліи, быть въ уваженіи, силѣ, и находясь въ своемъ отечествѣ, украшаться отличіями. Знаки нравственнаго правленія яснѣе зримы бываютъ, когда судьба народа находится во власти человѣка мудраго и честнаго; особливо если законъ, темница и прочія истязыванія собственно принадлежатъ пагубнымъ гражданамъ, для коихъ оныя и уставлены. И такъ видя, что все превратно течетъ въ мірѣ, что дань беззаконія налагается на добродѣтель; что грабительство ненаказанно простираетъ руку на право безсилія, крайне недоумѣваю и желаю знать причину толикаго неустройства и безобразія въ свѣтѣ? Меньше бы я удивлялся сему, когда бы вѣрилъ: что начало всѣхъ, сущихъ въ мірѣ перемѣнъ зависитъ отъ слѣпаго случая. Понятіе же зделанное о Богѣ, правителѣ все-

ленной, еще увеличиваетъ мое изумленіе; и если нѣтъ причины тому, для чего онъ добрыхъ иногда надѣляя пріятною, а злыхъ горестною судьбою, часто подвергаетъ первыхъ крайней бѣдности, а послѣднихъ желанія увѣнчаваетъ успѣхомъ: то явленія сіи, не знаю, будутъ ли сколько нибудь различествовать отъ случайной дѣлъ встрѣчи. Ни мало не удивительно, отвѣчала на сіе, ежели кто, не постигая чертежа природы, мыслитъ, что дѣйствія ея въ величайшемъ замѣшательствѣ суть. Но хотя и не извѣстна тебѣ причина сего расположенія: однако зная, что благій правитель все вѣсомъ и мѣрою устрояетъ, ни мало не сумнись о томъ, что безъ довольной причины ничего не бываетъ въ мірѣ.

О свойствѣ сѣверныхъ звѣздъ кто неизвѣстился,
Путь коихъ съ западомъ такъ тѣсно съединился,
Что чуть не коснутся верьха вечернихъ водъ;
Въ движеньи отъ чего медлителенъ Воотъ,
Не скоро въ Океанъ огонь свой погружающъ,
Но звѣзды прочія восходомъ предваряющъ:
Тотъ въ изумленіе великое прійдетъ,
Не знавъ, какимъ путемъ въ природѣ все течетъ.
Когда весь кругъ Луны казаться долженъ ясенъ,
Пусть сталибъ блѣдными рога ея отъ пятенъ;
Пусть вмигъ бы звѣздный свѣтъ въ нощи быть виденъ сталъ,
Которой полныя луны блескъ помрачалъ:
Явленія сіи людей бы взволновали,
Которы изумясь, въ мѣдь частобъ ударяли (*).

(*) Г. Боецій здѣсь мѣтилъ на суевѣріе тѣхъ народовъ, кои при всякомъ странномъ явленіи ударяли въ

На Коръ волнуемой всякъ смотритъ не чудясь,
Что страшно онъ реветъ, на берега лїясь;
И что Фебъ снѣжныя громады распускаетъ,
Когда ихъ жаркими лучами освѣщаетъ.
Причину можно всѣмъ здѣсь безъ труда узнать,
Тамъ неизвѣстности тѣхъ могутъ колебать,
Которыхъ рѣдкое столѣтье производитъ;
Къ вамъ изступленїе съ нечаянностью ходитъ.
Невѣденїя мракъ былъ толькобъ удаленъ,
Никто изъ васъ ни чѣмъ не будетъ изумленъ.

Справедливо говоришъ. Но поелику ты взялась открывать источникъ всего неизвѣстнаго, и довольную причину всѣхъ странныхъ явленїй: то прошу нынѣ исполнить обѣтъ свой; и какъ оныя приводятъ разумъ мой въ крайнее замѣшательство, подробнѣе изъяснить ихъ. Тогда она осклабясь, рекла: предметъ смятенныхъ мыслей твоихъ, которой изслѣдовать нынѣ побуждаешъ меня, затруднительнѣе всѣхъ прочихъ, такъ, что едва ли можетъ быть объятъ умомъ. Ибо онъ такого свойства, что по заглажденїи одного сумнѣнїя о немъ, другїя безчисленныя, какъ главы Гидры, возникаютъ: и одна огненная живость разума можетъ пресѣчь сїе. При разсужденїи о сей матерїи, обыкновенно вопрошаютъ о простости промысла, о связи судьбы, о внезапныхъ случаяхъ, о знанїи и предопредѣленїи

мѣдь. Симъ они чаяли отвратить зло отъ себя: ибо все необычайное считали предзнаменованїемъ какого нибудь бѣдствїя.

Божескомъ, и о свободности воли: все сїе рѣшить, коликаго стоитъ труда, самъ ты понимаешь. Но какъ о семъ свѣдѣнїе такъ же служитъ врачевствомъ тебѣ; то постараемся отвѣтствовать на всѣ вышеозначенные вопросы, хотя мы и въ тѣсныхъ заключены предѣлахъ времени. Ежели пѣнїе музъ веселитъ душу твою: то сїе сладостное чувствованїе надобно отложить, доколѣ въ порядокъ привожу доказательства мои, и изъ соединенїя ихъ составляю нѣчто цѣлое. Покорствую, сказалъ я, воли твоей. За симъ, какъ бы постороннее взявъ за начало рѣчи, разсуждала такимъ образомъ: Происхожденїе и бытїе каждаго существа перемѣнами сопровождаемаго, движимость, зависимость, порядокъ, внутреннее и наружное строенїе суть плоды неизмѣняемаго Божескаго разума. Сей въ неизмѣримой объятности простѣйшїя умныя дѣятельности начерталъ многоразличныя виды вещей, еще прежде существованїя ихъ. Таковой чертежъ, въ отношенїи къ чистѣйшему свѣту Божїя разумѣнїя, нарицается Промысломъ; а въ разсужденїи того, что движетъ и устрояетъ Богъ, древнїе наименовали судьбою. Различїе двухъ сихъ удобно примѣтитъ тотъ, кто вникнетъ въ силу того и другаго. Ибо промыслъ есть дѣйствїе общаго всѣхъ Творца, разполагающее Вселенною: а судьба есть самой порядокъ въ дѣйствїи движимыхъ существъ, посредствомъ коего Промыслъ крѣ-

питъ въ особенности всѣ части свѣта, крѣпитъ весь міра составъ. Промыслъ совсѣмъ тѣмъ, что вещи различны и неисчислимы суть, вдругъ объемлетъ оныя: а судьба приводитъ въ движеніе всякую изъ нихъ порознь, коимъ назначено свое мѣсто, свое образованіе и свое время бытія, такъ, что осуществленіе временнаго порядка здѣланнаго въ умѣ Божескомъ, есть Промыслъ: а изъявленіе его во времени именуется судьбою. Оба они различествуютъ между собою; однако одно другому подчинено. Поелику роковой порядокъ есть слѣдствіе Промысла. Художникъ сперва въ умѣ начертываетъ образъ вещи, еще не покоренной законамъ времени, которую здѣлать намѣренъ; и потомъ уже приступаетъ къ произведенію ея: такъ и Промыслъ отъ вѣка имѣетъ присущь себѣ планъ всея вселенной; а судьба слѣдуетъ его предписанію въ назначеніи мѣста и времени творимому Богомъ. Слѣдственно, хотя потаенъ образъ вліянія судьбы на міръ, которое пусть кто хочетъ поясняетъ чрезъ дѣйствія или служебныхъ духовъ, или души міра, или всея природы, или чрезъ движеніе тѣлъ небесныхъ; или наконецъ теченіе вещей безпрерывною цѣпію послѣдующихъ, пусть припишетъ кто силѣ и искуству всѣхъ или нѣкоторыхъ Ангеловъ; однако въ каждомъ случаѣ пребудетъ истинною сіе, что въ разумѣ Божескомъ представленный чертежъ вещей, созидаться имѣющихъ, не-

движимый и простый есть Промыслъ: судьба же есть порядокъ временной и союзъ оныхъ, до того бывшій ничто, но послѣ начавшій двигаться. И такъ что покорено судьбѣ, то покорено и Промыслу, изъ предписаній котораго и судьба отнюдь не можетъ выступать. Но есть существа, которыя завися отъ Промысла, изключены изъ связи судьбы. Они будучи близки къ первому Божеству, неизмѣняются ни въ чемъ, и удалены отъ непостоянности. Которое изъ колесъ, около одной оси вертящихся ближе всѣхъ къ средоточію, то болѣе и сходствуетъ съ нимъ, и само дѣлается почти средоточіемъ прочихъ, окружающихъ его: внѣшній же самый вращаясь по окружности, величиною превышающей окружность внутреннихъ, чемъ далѣе становится отъ недѣлимой точки, въ срединѣ его поставленной, тѣмъ паче разширяется: и ежели которой нибудь изъ сихъ круговъ соединившись съ средоточіемъ, заступитъ одно и тоже мѣсто съ нимъ; сложность свою перемѣнитъ на простость, и престанетъ внутрь себя заключать множество мѣстъ, и обширность. Подобнымъ образомъ, что отъ самосущнаго разума отстоитъ дальше, то ощущаетъ и сильнѣйшее вліяніе судьбы, которое ослабляется по мѣрѣ приближенія ко всеобщему средоточію. Кто уже совершенно приближился къ неизмѣняемости Всевышняго существа: тотъ ставъ недвижимъ, преодолѣваетъ всѣ насильствія рока. Слѣдова-

тельно, какъ относится къ разуму умозрѣнiе, къ существующему раждающееся, къ вѣчности время, къ средоточiю кругъ; такъ же относится роковая цѣпь послѣдствiй измѣняющихся къ простости Промысла, котораго всѣ дѣйствiя суть единообразны. Судьба движетъ небо и всѣ тѣла небесныя, въ смѣшенiи стихiй хранитъ размѣръ, и взаимною ихъ мѣною преобразуетъ вещи. Она не допущаетъ уничтожиться ни единому роду животныхъ и растѣнiй, изъ коихъ каждое раждается изъ своего сѣмени, кроющагося въ нѣдрахъ природы. Она даже дѣянiя и жребiй людей связуетъ неразрывнымъ союзомъ съ ихъ началами. А какъ все сiе уставлено неизмѣннымъ промысломъ; то и должно быть неизмѣнно. Ибо самой лучшiй бываетъ образъ мiроправленiя, когда сущая въ Божескомъ умѣ простость, даетъ природѣ чертежъ извѣстный и опредѣлительный; а сей чертежъ изъ назначенныхъ предѣловъ выйти не позволяетъ вещамъ, перемѣнѣ подверженнымъ, въ коихъ иначе не нашли бы мы ничего кромѣ смѣшенiя и безпорядка. Слѣдственно, хотя вамъ не могущимъ изъяснить многiя темныя мѣста плана, по которому вселенная правится, все кажется неустройствомъ и безпорядкомъ: при всемъ томъ не можете отрицать, что во всѣхъ событiяхъ и въ самыхъ случайныхъ дѣлъ встрѣчахъ, живо изображена Премудрость, все устрояющая во благое. Ибо и тѣ люди, кои цѣну бытiя знаютъ по одному

чувственному услажденїю, цѣлїю дѣйствїй никакъ не предполагаютъ зла. Что ища блага, хватаютъ они тѣнь онаго; причиною сему не законъ мїродержца, но ихъ собственныя заблужденїя. Но возразишъ мнѣ на сїе: можетъ ли быть хуждьшее неустройство въ свѣтѣ, когда добродѣтель то щастлива бываетъ, то изнемогаетъ въ забвенїи и бѣдности: такъ, какъ одни порочные не находятъ никакихъ препятствїй своимъ желанїямъ, а другихъ жизни путь бываетъ весьма тягостенъ? — Человѣческїя сужденїя о нравственности уже ли почитаешъ ты безошибочными? О добродѣтеляхъ и порокахъ отзывы людей весьма разногласны; за что въ одной странѣ награждаютъ, за то въ другой казнятъ. Уступимъ, что человѣкъ можетъ различать добрыхъ отъ злыхъ: въ состоянїи ли онъ узнать внутреннее, какъ о тѣлахъ говорится, сложенїе душъ. Ибо не знающїй такъ же чудомъ почтетъ сїе, отъ чего для однихъ тѣлъ здравыхъ полезно употреблять сладкую, а для другихъ горькую пищу и питїе? Почему иныхъ болящихъ изцѣляютъ слабыя, а другихъ крѣпкїя лѣкарства? Но врачь знающїй, въ какомъ положенїи человѣкъ здоровый, и въ какомъ больной находится, и понимающїй сложенїе страждущихъ, ни мало не удивляется тому. Чтожъ почесть здравїемъ душъ; если не благонравїе? Что болѣзнїю, какъ не злонравїе? И кто строитель всякаго блага, или защитникъ отъ золъ, какъ

не Богъ, Владыка и цѣлитель умныхъ силъ? Онъ взирая съ высоты Промысла, узнаетъ, что есть сродно каждой изъ вещей, и всѣмъ сроднымъ надѣляетъ ихъ. И такъ непремѣнный порядокъ природы потому людямъ кажется страненъ, и потому приводитъ всѣхъ ихъ въ изумленіе; что извѣстенъ единому Творцу. Ибо (соразмѣрно силамъ ума человѣческаго, словомъ коснемся нынѣ глубины Божеской) образъ дѣйствій всевѣдущаго Промысла не всегда, кажется имъ, сходствуетъ со свойствами того, котораго признаешъ праведнымъ и вѣрнымъ блюстителемъ истинны. Но и Луканъ, очень извѣстный намъ человѣкъ, сказалъ: *побѣждающая сторона богамъ угодна была, а побѣжденная Катону.* Почему узрѣвши на земли произшедшее что либо сверхъ твоего чаянія, надежно защищай, что благоустройство находится во всемъ мірѣ; смѣсь же существуетъ въ одномъ людей воображеніи. Предположимъ такого человѣка, благонравіе коего и людямъ не сумнительно, и Богу пріятно: но можетъ быть не имѣетъ онъ великодушія; слѣдственно, страшась лишиться земнаго щастія, коего впрочемъ не льзя бы согласить съ честностію, очень близокъ къ развращенію; ежели съ нимъ встрѣтятся какія бы то ни были неудовольствія. Для сей причины рука, раздающая блага, щадитъ того, которой чрезъ нещастіе можетъ потерять веліе сокровище, то есть доброде-

тель; дабы терпѣнія путемъ отнюдъ не шелъ тотъ, съ наклонностями котораго удручаемая бѣдность несовмѣстна. Иной украсилъ себя пресвѣтлымъ ликомъ всѣхъ добродѣтелей, и чрезъ то весьма приближился къ божеству: то Провидѣніе несправедливымъ дѣломъ считаетъ, вести его по стезѣ терніемъ устланной, и отвращаетъ отъ него даже тѣлесныя немощи. *Ибо тѣло мужа святаго,* по словамъ гораздо вышшаго меня, *есть жилище силъ.* Добродѣтельные люди часто бываютъ Оракулами своего вѣка, главными Народоправителями, чтобъ притупить жало нечестія усиливающагося. Богъ даетъ нѣкоторымъ чувствовать горести и утѣхи міра, такъ же сообразуясь со нравами. Однихъ дни безоблачные претворяетъ въ мрачные, дабы душа ихъ, упоенная щастіемъ, не разтвореннымъ никакою желчію зла, не поработила себя распутности; для которой часто ничего священнаго не бываетъ: другихъ добродѣтель искушается страданіями, которыми злые наказуются, а добрые утверждаются во благѣ. Однихъ душа приходитъ въ разслабленіе, и погружается въ уныніе отъ страха подвергнутся бѣдствіямъ очень удобопреносимымъ: другіе наполнены презрѣнія къ такому нещастію, по наступленіи котораго не уваженіе ихъ уступаетъ въ сердцѣ мѣсто печали и сѣтованію. Таковыхъ Промыслъ болѣзненными приключеніями ведетъ къ самопознанію. Нѣкоторые

смерть достойную хвалы потомства предпочитая долговременной жизни, часто расторгали цѣпи, привязывающія человѣка къ міру. Иные преслѣдованіями разврата ни мало не поколебавшись въ терпѣніи, примѣромъ своимъ увѣрили прочихъ, что добродѣтель непобѣдима отъ зла. Что всѣ сіи приключенія носятъ на себѣ очевидные знаки благости и премудрости Божеской, слѣдственно всегда клонятся ко благу тѣхъ людей, съ коими встрѣчались, сіе есть истинна несумнительная. Тѣ же суть начала щастія и нещастія людей злонравныхъ. Послѣднее никого не приводитъ въ удивленіе; поелику всѣ увѣрены, что злые должны быть, и бываютъ предметомъ всеобщей ненависти. Раны, коими рука правосудія поражаетъ ихъ, для прочихъ страшнымъ творятъ омоченіе устъ въ чашѣ грѣха; возъимѣвшаго же дерзновеніе вкусить отъ нее вразумляютъ. А первое научаетъ добрыхъ безпогрѣшительно судить о благахъ, часто и пороку служащихъ. Есть люди толико опрометчивые и толико ропотные, что убожество вмѣсто того, чтобъ исправить, еще ожесточаетъ ихъ въ злодѣйствѣ. Таковыхъ немощь врачуетъ Промыслъ богатствомъ. Они вникая въ мятущуюся совѣсть свою, и сличая жизнь со своимъ жребіемъ, можетъ быть, трепещутъ, при воображеніи о потерѣ вещи имъ пріятной. А какъ лишиться щастія, ужасно для нихъ: то измѣнятся во нравахъ, и на развалинахъ

нечестія воздвигнутъ храмъ добродѣтели. Иные неправедно обогатившись, погибли отъ руки насилія. Нѣкоторымъ изъ нихъ уступлено право быть стражами закона, дабы честные отъ страха быть жертвою ихъ лютости, не ослабѣвали въ добродѣтели; а относительно ко злымъ, служили бы они бичемъ гнѣва Божія. Ибо какъ благонравіе не можетъ имѣть общенія со злонравіемъ: такъ же и развратные не могутъ быть единогласны. Какоежъ послѣдствіе сего? Когда по причинѣ различія пороковъ, терзающихъ совѣсть, развратные бываютъ не одинакихъ мыслей; и не рѣдко раскаеваются даже въ своихъ поступкахъ: то Промыслъ Божій отсюда извлекъ и показалъ свѣту веліе чудо; а именно, злые властелины не рѣдко добрыми дѣлаютъ своихъ подданныхъ. Мысль о развращеніи ихъ увеличиваетъ горесть наказаній, и потому истязуемые дыша ненавистію на своихъ мучителей, часто возвращались къ обильной жатвѣ добродѣтели, стараясь ни въ чемъ не сходствовать съ тѣми, коихъ взоръ имъ ненавистенъ. Поелику Богъ силенъ есть обращать зло столь же премудро и свято, какъ добро, ко всеобщему благу; допущая оное или по неизбѣжности, или желая чрезъ то доставить лучшее совершенство, или большее несовершенство отвратить. Каждое звѣно міра такъ стройно, что выступивъ за предѣлы одного какого порядка, неизбѣжно дѣлается членомъ другаго; дабы

безразсудности ничего возможнаго не было въ царствѣ Промысла. Но я не имѣю столько силъ, чтобъ проникать многу бездну судебъ Божескихъ, и тебѣ повѣдать о ней. Притомъ въ тѣсномъ округѣ ума человѣческаго не могутъ помѣститься понятія о всѣхъ орудіяхъ, употребляемыхъ Промысломъ. Ограничимъ убо наше любопытство познаніемъ токмо сего: что Богъ, Творецъ всея природы, обращаетъ каждой случай къ пользѣ; а какъ требуетъ, и еще печется самъ, чтобъ твари изображали его совершенства; то вселенная совершенно неприступна злу. Слѣдовательно почитаемое отъ другихъ излишествомъ, тебѣ покажется нужнымъ, когда умственно воззришъ на планъ Промысла. Но вижу, что ты обремененъ трудностію вопроса сего, и изнемогъ отъ продолжительности рѣшенія онаго: и потому, можетъ быть, ожидаешъ, чтобъ я облегчила слухъ твой стиховъ пріятностію. Се вода изъ Кастальскихъ источниковъ почерпнутая! Испѣй ея, дабы не сказать мнѣ ни одной такой истинны, коя не здѣлала бы впечатлѣнія въ умѣ твоемъ.

Планъ, по которому Вселенной правитъ Вышній,
Когда желаешъ ты еще яснѣе видѣть:
Воззри внимательно на высоту небесъ.
Тамъ бывшій искони свѣтила миръ блюдутъ,
Залогомъ коего есть общее устройство.
Фебъ двигнутый огнемъ, питающимъ природу,
Теченія Луны не запинаетъ хладной;

Созвѣздіе, что ходъ свой въ вихряхъ совершаетъ,
Вкругъ свѣта полюсовъ вращаяся всегда,
Во слѣдъ другихъ отнюдь не погрузится въ море.
Въ опредѣленный часъ нощь вечеръ предвѣщаетъ;
Люциферъ красны дни, вскрывающъ тьмы завѣсу.
Любовь начало есть коловращенья вѣчна,
И царства мирнаго, что въ звѣздныхъ зришъ краяхъ;
Ея же правиламъ подчинены Стихии,
Сухая, влажная, союза не терпя,
Взаимно бы мѣста одна другой давали;
Что бы со мразомъ зной войны неначиналъ;
Огонь туда летѣлъ, гдѣ вѣчна тишина,
Отъ тяжести земля всегда стремилась долу.
Онажъ причиною весеннихъ всѣхъ цвѣтовъ,
И обонянію и очесамъ любезныхъ;
Во время лѣтнее, живительнаго зноя,
Что лишнюю сосетъ мокроту изъ растѣній;
Плодовъ, которыми Творецъ вѣнчаетъ осень;
И снѣжнаго ковра, что стелетъ вамъ зима.
Міръ оживляющій прекрасной сей порядокъ
Рожденія вещей и смерти есть виновникъ.
Притомъ Творецъ на все сіе зритъ съ горьнихъ мѣстъ;
Поддерживая самъ существъ предлинну цѣпь.
Владыка всѣхъ, Господь, источникъ и начало,
Премудрый судія, законодатель свѣта:
Громады движимы къ той точкѣ возвращаетъ,
Съ которой начали онѣ чертить круги;
Блудящія на путь опредѣленный ставитъ.
Когда бы не было движеній коловратныхъ,
То вмѣсто зримаго во всѣхъ частяхъ порядка,
Послѣдовала бы повсемственная смѣсь.
Всѣ вещи любятъ сей движенія законъ;
Всегда любезенъ имъ къ верховному путь благу.
Все существующе дотолѣ существуетъ,
Доколѣ держится начала своего.

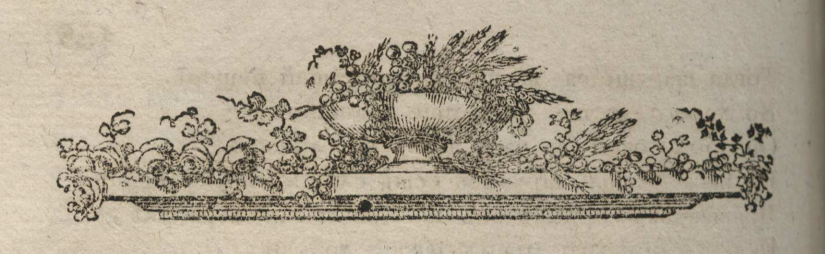
Наконецъ уже ли видишъ послѣдствіе словъ вышереченныхъ? Какое, вопрошаю ее? — Вотъ! какое: не одно щастіе, но и не щастіе есть благо. — Возможно ли? Выслушай меня, рекла она. Пріятная и горестная участь ниспосылается Промысломъ или для того, чтобъ наградить и поощрить добрыхъ; или чтобъ наказать и исправить злыхъ: слѣдовательно та и другая суть добро. Ибо одна на правосудіи основана, а другая на пользѣ. — Преправедливое заключеніе! И ежели разсужду о промыслѣ и о судьбѣ, которыхъ свойства не давно ты показала мнѣ; то мысль сія кажется мнѣ непреоборимою. Однако позволь отнести ея ко мнѣніямъ необычнымъ для людей. Почемужъ? вопросила меня. — Всѣ они часто употребляютъ въ своихъ разговорахъ: такого и такого состояніе очень жалостное! — И такъ не желательно ли тебѣ, разсужденія наши нѣсколько приспособить къ рѣчамъ народнымъ, дабы въ умствованіи своемъ не показалась я чрезмѣрно отступившею отъ обыкновенныхъ мыслей человѣческихъ? Какъ угодно, отвѣтствую ей. Почитаешъ ли добромъ полезное. — Какъ не почитать! Но которой жребій упражняетъ человѣка во благѣ, или изкореняетъ въ немъ злыя склонности: тотъ непремѣнно полезенъ ему. И сіе не оспоримо. Слѣдовательно и благъ есть. Что, какъ не сіе, заключить слѣдуетъ? Но его присвоить себѣ могутъ или подвизающіеся въ добродѣ-

тели, и борющїеся съ бѣдствїями; или только что начавшїе защищаться отъ вихря страстей, коимъ увлеченный на всѣхъ частяхъ крылатаго времени оставляетъ слѣды оковъ рабства. — Безотрицательно сїе. — Что касается до прїятностей жизни, наградою служащихъ добрымъ людямъ, простолюдины уже ли непочитаютъ ихъ благомъ? Никакъ нѣтъ; онѣ бываютъ предметомъ всеобщаго выбора. — А злодѣевъ участь безъ сомнѣнїя горестная, но должная и полезная, ибо въ уздѣ содержитъ ихъ; по общему мнѣнїю людей заключаетъ ли въ себѣ что нибудь желательное? Она, отвѣчаю я, представляется имъ въ образѣ несноснѣйшаго состоянїя. — И такъ видишъ самъ, что мы сображаясь съ сужденїями народа, открыли такую истинну, о которой онъ никогда не мыслилъ. — Какую? — Изъ уступленнаго явствуетъ благополучїе тѣхъ, (какаябъ ни была участь ихъ на земли), которые или уже ублажаются въ нѣдрахъ добродѣтели, или блиски къ тому, или только что посвятили себя ей; и злополучїе развратныхъ, иногда ходящихъ по пути цвѣтами усланному, но всегда исполненному не избѣжныхъ стремнинъ. — Это сущая истинна, хотя бы никто не дерзалъ сознаться въ ней. — И такъ разумный не долженъ досадовать, когда нещастїе вооружается противъ него: равно какъ храброму мужу не пристойно негодовать на звукъ оружїй военныхъ. Ибо въ обоихъ слу-

чаяхъ самая трудность служитъ средствомъ послѣднему, осѣнить жилище свое лавромъ всеобщаго уваженія къ нему; а первому доказать, что добродѣтель его ни примѣрами, ни досажденіями нечестія, смертнаго ея противника, не колеблется. Добродѣтель потому добродѣтеліею нарицается, что есть не преодолима. Вы смертные! Коимъ предлежитъ поприще ея, поселены на землѣ не съ тѣмъ, чтобъ утопать въ забавахъ, и чрезъ нихъ изсушать источникъ жизненный; потщитесь быть выше всѣхъ приключеній, дабы ни бѣдствіе не подавило сѣменъ добродѣтели вашей; ни щастіе не развратило сердца. Держитесь, сколько можно, средняго пути. Кто съ него совращается, тотъ нерадитъ о своемъ благополучіи, и труды его остаются не увѣнчаны наградою. Ни отъ кого, какъ отъ васъ, зависитъ щастіе и нещастіе ваше. Ибо всякое мрачное облако носящееся надъ небосклономъ щастія, или упражняетъ человѣка въ добродѣтели, или изкореняетъ въ немъ привычку ко злу, или бываетъ местію.

Мстя разлучившему закономъ сопряженныхъ,
Сколь долго въ Марсовомъ стоялъ Атрейдъ полѣ!
Уже чрезъ десять лѣтъ онъ Трою разорилъ!
На флотѣ Греческомъ во путь свой отправляясь,
И крови не щадилъ, чтобы по вѣтру плыть:
Отецъ былъ обнаженъ, жрецъ дщерь свою заклалъ.
Какихъ не пролилъ слезъ о спутникахъ Улиссъ?
Которыхъ Полифемъ ужасный поглотилъ,

Тогда таившійся въ пространнѣйшей пещерѣ.
Но дорого за то чудовище платило:
Оно было очей въ часъ тотъ же лишено.
Не тяжестьюль трудовъ есть славенъ Геркулесъ?
Центавровъ гордыхъ онъ на выю стать дерзнулъ,
И льва свирѣпаго лишилъ своей добычи;
Онъ мѣткою стрѣлой пернатыхъ поражалъ,
И яблоко въ глазахъ похитилъ у Дракона,
Во шуйцѣ золота тягчайшее держа;
И цѣпь на Цербера тройную возложилъ.
Тиранъ, отъ коего страдала тьма людей,
Не Геркулесомъ ли въ снѣдь конямъ былъ предложенъ?
Его же отъ руки погибнулъ злобный змій,
И Ахелой рѣка при устьѣ скрылась въ землю.
Антея на пескахъ Ливійскихъ онъ сразилъ,
И смертью Какуса гнѣвъ погасилъ Евандровъ.
Твердь цѣлу рамена имѣвшія здержать,
Кабана пѣною замѣчены были;
Всѣ подвиги его тѣмъ наконецъ вершились,
Что весь небесный сводъ на выѣ приподнялъ;
За что и награжденъ сожительствомъ съ богами.
Неутомимости зря таковой примѣръ,
И вы потщитесь течь симъ мужества путемъ.
Почто трудовъ яремъ толико васъ страшитъ?
Побѣда надъ землей преноситъ въ горній Міръ.



СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТОЙ КНИГИ.

Что такое есть случай; существуетъ ли свобода воли; какой образъ предузнанія Божескаго; въ какомъ разумѣ можетъ быть допущено дѣйствіе рока на міръ, здѣсь описываетъ Философія. Потомъ доказываетъ, что предузнаніе Бога не испровергаетъ свободы человѣка. Сіе предложеніе со всѣми его принадлежностями разсматриваетъ она съ самыхъ лучшихъ сторонъ; и наконецъ рѣшитъ оное.

По таковомъ разглагольствіи со мною, хотѣла она заняться разсужденіемъ другаго рода, и открытіемъ иной неизвѣстной мнѣ истины. Я же отъ того удержавъ ея, сказалъ: увѣренія твои справедливы и предостойны тебя. Но что давно ты изрекла о Промыслѣ, то нынѣ даетъ мнѣ чувствовать самый опытъ; то есть: что вопросъ о Промыслѣ запутанъ другими многими узлами сумнѣнія.

Ибо желаю знать: почитаешь ли ты случай за нѣчто существенное? И что такое онъ? — Нынѣ поспѣшаю исполнить долгъ обѣта моего; и открыть тебѣ путь въ отечество. А предлагаемое тобою хотя очень полезно знать; однако отъ цѣли намѣренiй нашихъ оно отдалено нѣсколько. Посему и надлежитъ тебѣ взять предосторожность, дабы постороннимъ не ослабить напряженiе ума, и не истощиться въ силахъ, потребныхъ къ прохожденiю прямаго пути, нами проложеннаго. Въ разсужденiи сего, сказую ей, не имѣй никакого страха. Ибо познанiе того, чемъ я весьма увеселяюсь, послужитъ мнѣ отдохновенiемъ. Коль скоро разсужденiя твои получатъ самый высокiй степень вѣроятности, ни съ которой стороны не подлежа сумнѣнiямъ; то не будетъ причины не довѣрять послѣдствiямъ ихъ. Тогда, покорствую, рекла она, воли твоей, и тотчасъ начала слово свое со слѣдующаго: Если кто опредѣлитъ случай чрезъ произшествiе, должное началомъ своего бытiя движенiю, въ которомъ участiя не имѣлъ ни разумъ, ни содѣйствiе причинъ; то утверждаю я, что таковый случай безъ сумнѣнiя есть ничто; и признаю его, изключивъ знаменованiе вещи подлежащей, совершенно пустымъ звукомъ слова. Какое мѣсто можетъ оставаться несмысленности, когда Богъ все въ порядкѣ содержитъ? Ибо истинно мнѣнiе сiе: *изъ ничего ничто и бываетъ;* котораго никто и изъ древнихъ не

оспоривалъ: хотя впрочемъ сїе они понимали не одѣйствующемъ началѣ, но о подлежащемъ вещественномъ, (de subjecto materiali); то есть: о естествѣ всѣхъ вещественныхъ силъ, считая оное за нѣкую основу мїра. Но что произошло бы на свѣтѣ безъ всякаго посредства причинъ: то въ очахъ каждаго было бы произведенїемъ ничтожества. Когда сїе противорѣчитъ разуму; то и случай не возможенъ, взятый въ прежнемъ смыслѣ. Чтожъ; говорю ей? Уже ли то есть ничтожность, что праведно назвать можно случаемъ, или случайностїю? Не вѣрнѣе ли всего сказать, что оно есть нѣчто существующее въ природѣ; хотя простолюдины умомъ не постигаютъ того, чему названїя сїи могутъ быть свойственны? Аристотель мой, отвѣтствовала она, въ сочиненїяхъ Физическихъ краткимъ и къ истиннѣ ближайшимъ образомъ опредѣлилъ случай. — Какъ, на примѣръ? Когда, продолжала она, человѣкъ приступитъ къ дѣлу, предположа себѣ какой нибудь конецъ; но не достигши сего, получитъ различную вещь отъ той, которая была въ намѣренїи: то событїе сїе именуется случаемъ. На примѣръ, ежели бы кто для воздѣланїя нивы плугомъ дробя землю, обрѣлъ груду злата, въ ней сокрытаго. Таковое произшествїе хотя считается случаемъ, но не есть плодъ ничтожества: ибо имѣетъ оно свои причины, отъ которыхъ не предвидѣннаго и нечаяннаго стеченїя родился случай.

Если бы земледѣлатель не оралъ поля, если бы въ томъ мѣстѣ не скрылъ денегъ своихъ, желавшій соблюсти оныя: злато конечно не было бы найдено. И такъ начало всѣхъ случайностей, въ мірѣ сущихъ, есть не намѣреніе лица дѣйствующаго, но постороннія причины, внезапно встрѣчающіяся, и на одно что нибудь дѣйствующія. Потому что ни закопавшій злата въ землю, ни угобжавшій ниву, не имѣли въ мысляхъ того, что оно найдется: но, какъ сказала я, въ которое мѣсто случилось первому зарыть сокровище свое, на то же самое другой разсудилъ посѣять сѣмена. Слѣдовательно опредѣлить случай можно такимъ образомъ: случай есть событіе нечаянное, относительно къ намѣренію лица, послѣдовавшее изъ содѣйствія причинъ. А стеченіе силъ и дѣйствіе ихъ на одно чтолибо, происходитъ изъ порядка природы, въ коемъ содержащіяся вещи неизбѣжно слѣдуютъ одна за другою; и которой самъ завися отъ Промысла, творитъ все во время свое, и въ своемъ мѣстѣ поставляетъ.

Изъ каменистыя Ахаменской горы,
Гдѣ врагъ твой самою стрѣлой бываетъ ранимъ;
Которую пустилъ въ бѣгущихъ отъ него;
Евфратъ и Тигръ текутъ слiянно межъ собой,
Но скоро такъ теши они перестаютъ.
Они сливаются вторично подъ конецъ,
Смѣживъ все плывшее раздѣльно до того:
Влекомые водой обломки и суда;
И видъ теченія отъ случая зависитъ:

Однакъ смѣшенія и раздѣленья водъ,
Причина кроется во положѣньи мѣстъ.
Такимъ же образомъ обуздана судьба,
Котора и тогда природы чинъ хранитъ,
Когда вамъ кажется отъ узъ разрѣшена.

Понимаю твои мысли, и во всемъ согласенъ я съ тобою. Но по допущеніи сея связи причинъ, дѣйствующихъ на одинъ какой нибудь предметъ, не испровергнется ли свободность нашей воли? И самое дѣйствованіе душъ человѣческихъ не будетъ ли, такъ сказать, обложено цѣпью роковою? Никакъ нѣтъ, рекла. Потому что разумное существо не можетъ быть безъ силы, свободно хотящей, и свободно мыслящей. Что отъ природы можетъ пользоваться свѣтомъ разума, то имѣетъ способность различать вещи; слѣдовательно само собою знаетъ, чего убѣгать, и къ чему прилѣпляться надлежитъ. Кто признаетъ вещь за предметъ достойной желаній: тотъ силится получить ея, а отъ недостойной удаляется. И такъ существа разумныя желаютъ и отвращаются безпринужденно. Однако, кажется, не во всѣхъ находится одинакій степень свободы. Ибо вышшія и къ божеству ближайшія существа имѣютъ проницательный умъ, не поврежденную волю и совершенную соразмѣрность могущества и желаній. Что касается до душъ человѣческихъ, то надлежитъ имъ быть свободнѣе, когда онѣ созерцаютъ Божескій разумъ: понижается сіе свой-

ство, сродное однимъ духамъ, когда съ пре-высприенняго Неба ниспадаютъ въ область вещества, особливо, ежели еще тѣлесными членами связуются. Крайнему подвергаются рабству, если мракъ страстей затмивъ свѣтильникъ совѣсти ихъ, утвердитъ надъ ними владычество чувственности, обильнѣйшаго и единственнаго источника золъ. Ибо преставъ взирать на самосущную и превѣчную истинну, коль скоро онѣ низведутъ очи свои на сїю мрачную юдоль; то тотчасъ покроетъ ихъ облако невѣжества и пристрастїй, прольется на нихъ ядъ порока, отравляющїй всѣ прїятности жизни; и сїе плѣненїе зависитъ нѣкоторымъ образомъ отъ собственнаго ихъ произволенїя. Но отъ вѣчности предвидящїй все, и промышляющїй о мїрѣ Богъ, недремлющимъ окомъ взираетъ на сїе, и располагаетъ сообразно качествамъ вещей. Ничего нѣтъ не проницательнаго для очей Его; къ услышанїю всего внемлющїя ушеса Онъ имѣетъ.

Какими не вознесъ свѣтъ солнечный хвалами,
Сладчайшими Гомеръ вѣщающїй устнами:
Однако онъ своихъ блистанїемъ лучей
Не можетъ проникать земли нѣдръ и морей.
Отнюдь сего съ Творцемъ вселенной не бываетъ:
Онъ отъ высотъ небесъ въ мигъ все обозрѣваетъ;
Ни черной мглы нощей, ни толщи мрачныхъ тѣлъ
Очамъ его признать не можемъ за предѣлъ.
Что было, нынѣ есть, и что впередъ случится,
То окомъ разума Его мгновенно зрится.

Его лишь солнцемъ льзя тебѣ прямымъ назвать;
Одинъ онъ силенъ все живить и освѣщать.

За симъ говорю ей: еще большее прежняго сумнѣніе паки затмѣваетъ мои понятія. Что за сумнѣніе, она вопросила меня? Но уже сама угадываю причину твоего смущенія. Кажется мнѣ, отвѣчалъ я, противорѣчіемъ сіе: Богъ предузнаетъ все грядущее, и свобода человѣческая чрезъ то неиспровергается. Ибо если Богъ все предусматриваетъ, и ни въ чемъ не можетъ быть обманутъ: то каждой вещи существованіе не обходимо, которой событіе предвидѣно имъ. Слѣдовательно ежели Онъ не только дѣла человѣческія, но намѣренія и склонности отъ вѣка видитъ; то свободность воли уже не можетъ имѣть мѣста. Одни тѣ дѣйствія и желанія возпослѣдовать могутъ, которымъ предшествовало знаніе безошибочнаго предувѣденія Божескаго. Пусть вещи въ другую сторону, нежели куда направленіе ихъ прежде примѣчено было, уклониться могутъ: то Богъ будетъ имѣть уже не твердую способность проникать мракъ будущности, а мнѣніе неизвѣстное; на каковое о Богѣ понятіе согласиться значитъ отступить отъ разума. Никакъ не одобряю я и тотъ способъ, коимъ нѣкоторые надѣются разрѣшить узелъ вопроса сего. Ибо говорятъ они: Не событіе вещи зависитъ отъ предузнанія, но предузнаніе отъ событія; чрезъ что неизбѣжность вся упадаетъ на противоположную сто-

рону. Поелику, продолжают они, предузнанie никакъ не дѣлаетъ неминуемымъ бытiе вещи грядущей; но будущему предвидѣну быть Богомъ непремѣнно нужно. Какъ будто бы затруднение состояло въ отъисканiи причины сихъ двухъ случаевъ: предузнанiе ли есть виною необходимости грядущихъ вещей; или необходимость грядущихъ предузнанiя? Но я потщусь доказать теперь, (какой бы ни былъ порядокъ причинъ и ихъ соотношенiя,) что не избѣжность завсегда бываетъ сопряжена съ происшествiемъ вещей предвидѣнныхъ, хотя бы предузнанiе Божiе и не влекло ея за собою. Напримѣръ если кто сидитъ, то мысль о сиденiи его, неминуемо должна быть справедлива: и обратно ежели истинно заключенiе о чьемъ либо сидѣнiи, то сидѣнiе есть непремѣнное дѣйствiе. Слѣдовательно необходимость находится въ обоихъ случаяхъ. Въ одномъ необходимость сидѣнiя, а въ другомъ истинны. Однако каждый не потому сидитъ, что другiе безпогрѣшительно заключаютъ о такомъ его положенiи; но для того вѣрно знаютъ сiе, что сидѣнiе предшествовало ихъ мыслямъ. И такъ хотя въ одномъ изъ оныхъ надлежитъ искать начала справедливости; однако какъ-то, такъ и другое подлежитъ равной неминуемости. Такимъ же образомъ должно судить о предувѣденiи и о будущихъ вещахъ. Ибо предварительное свѣденiе о нихъ хотя основывается на событiи ихъ; и послѣд-

нее отнюдь не зависитъ отъ перваго: совсѣмъ тѣмъ не премѣнно нужно со стороны Бога напередъ знать имѣющее случиться, а со стороны предвидѣннаго явиться существомъ: что одно довольно служитъ къ испровержению свободы человѣческой. Къ томужъ коликая превратность мыслей, событіе временныхъ вещей почитать виною превѣчнаго знанія? Думать: Богъ потому предвидитъ грядущее, что оно осуществится нѣкогда, не значитъ ли тоже, что верховное предувѣденіе подчинять давно случившемуся? Сверхъ сего какъ неминуемо бытіе того, о чемъ точно знаю, что оно существуетъ; равно неизбѣжно происхожденіе будущаго, о которомъ я безошибочно увѣренъ. И такъ событіе вещи предузнанной есть не обходимо. Напослѣдокъ кто иначе о вещи, нежели каковою она есть, мыслитъ; тотъ имѣетъ не знаніе, а мнѣніе обманчивое, далеко отстоящее отъ вѣрности перваго. Предположивъ убо явленіе вещи будущей неизвѣстнымъ, и могущимъ не воспослѣдовать, льзя ли будетъ предузнать ея? Какимъ образомъ самому знанію не совмѣстенъ примѣсь лжи; также и предметъ его не можетъ имѣть свойствъ, различныхъ отъ приписуемыхъ ему. Ибо точность знанія основана на томъ, чтобъ всякая вещь непремѣнно была такою, какою понимаютъ ее посредствомъ онаго. Чтожъ? Какой будетъ образъ предварительнаго Божія знанія о будущемъ неизвѣстномъ? Ежели онъ почи-

таетъ непремѣннымъ будущее событіе тѣхъ вещей, кои могутъ и не быть; обманываетcя: такъ о Богѣ мыслить не токмо есть безумія знакъ, но и изрещи дерско. Когда Богъ о существованіи грядущаго заключаетъ такъ, что оно равно можетъ быть и не быть; то что сіе за предузнаніе, которое въ себѣ не заключаетъ ничего вѣрнаго, ничего постояннаго? И чемъ оно разнствуетъ отъ сего прорицанія Тирезіи, смѣху достойнаго: *что скажу; то или сбудется, или нѣтъ?* Богъ утверждаясь на началахъ, присвоительныхъ мнѣніамъ и догадкамъ человѣческимъ, какой бы успѣхъ возъимѣлъ; ежели бы Онъ подобно людямъ разсуждалъ о томъ, чего произхожденіе неизвѣстное, какъ о неизвѣстномъ? А когда мракъ сумнѣнія отнюдъ не совмѣстенъ самосущному источнику свѣта, отъ вѣчности сіяющаго; то событіе вещей имъ предвидѣнныхъ есть неминуемое слѣдствіе. Симъ испровергается свобода всѣхъ намѣреній и дѣяній человѣческихъ: безпогрѣшительное предузнаніе Божеское творитъ ихъ непремѣнными. По допущеніи сего, не всю ли потеряютъ цѣну дѣла человѣческія? Ибо не будетъ уже причины награждать добрыхъ, и злыхъ наказывать; когда самопроизвольное движеніе сердца не заслужило того. За беззаконіе вмѣнится, что теперь почитается самою справедливостію; т. е. наказаніе порока и награжденіе добродѣтели: если людей къ тому и другому

роду дѣяній не собственная влечетъ воля, а нудитъ извѣстная неизбѣжность будущаго. И такъ пороки и добродѣтели не иное что были бы, какъ смѣсь ничемъ не разнствующихъ между собою дѣлъ. Уступивъ, что отъ предузнанія теченіе и порядокъ всѣхъ явленій зависитъ, и предпріятія человѣческія не суть вольныя; виною пороковъ нашихъ надобно будетъ поставить Творца благъ всяческихъ; чего развратнѣе можетъ ли быть мысль какая? Слѣдовательно, не было бы причины ни надѣяться, ни просить. Ибо почто имѣть упованіе на Бога, или возсылать къ нему мольбы; когда все желаемое, такъ сказать, оковано цѣпію послѣдствій непремѣнныхъ? Такимъ образомъ пресѣчется у человѣка единственное съ Богомъ сообщеніе, то есть, надежда и молитвы. Цѣною достодолжнаго уничиженія предъ Создателемъ заслуживаемъ жить подъ Его благодатію; и оно, какъ сказали мы, есть единственный способъ человѣчеству разглагольствовать съ Божествомъ, и съ симъ неприступнымъ Свѣтомъ прежде, нежели начнемъ созерцать Его, соединяться: то (если Богослуженіе, допустивъ необходимость событія грядущихъ вещей, надобно признать ни къ чему не служащимъ,) помощію чего возмогутъ люди совокупиться съ верховнымъ Владыкою Вселенной, и быть утверждены въ немъ? Слѣдственно родъ человѣческій ставъ отдѣленъ отъ своего начала, неизбѣжно будетъ подлежать плѣнію и ничтожности.

Какому приписать враждебну существу
Начало мятежей противныхъ естеству?
Какогобъ Божества такъ дѣйствовала сила,
Что между истиннъ двухъ брань страшну поселила?
Коль частное о нихъ сужденіе идетъ,
Тогда всякъ съ разумомъ за сходны признаетъ;
А если межъ собой онѣ соединятся,
И защищавшіе начнутъ ихъ отрицаться.
Не правдаль, что у нихъ вражды нѣтъ никакой,
И непремѣнную блюдутъ связь межъ собой?
Но мрачнымъ веществомъ нашъ разумъ обложенный,
Въ предѣлахъ зрѣнія до крайности стѣсненный,
Не можетъ въ тонкость весь союзъ вещей познать.
Почтожъ онъ мучится желаніемъ понять?
Увѣренъ ли, что зрѣть скорбей источникъ тщится?
Но знать извѣстное, кто столько суетится?
Когда что изъ вещей сокрыто отъ него,
То слѣпо къ оному стремится для чего?
Кто неизвѣстнаго когда нибудь желаетъ?
Льзяль слѣдовать тому, что умъ не постигаетъ?
Невѣждѣль съ истинны кровъ темный совлекать?
Или открытую ему ли разпознать?
Когда душа была еще не воплощенна,
И свѣтлостей святыхъ не столько отчужденна;
Моглаль какъ общихъ свойствъ вещей не понимать,
Такъ и различія ихъ сущностей не знать?
Хотя ее мгла чувствъ отвсюду окружила,
Но и теперь себя не вовсе позабыла;
Знать общее вещей дано и нынѣ ей.
И цѣлью истинну имѣющій своей,
Увидитъ свѣтъ ея, но сквозь завѣсу мрака;
Пребудетъ тайною вещей подробность всяка.
Идеи общи всякъ въ умѣ теперь плодитъ,
И отвлеченія во страны чаще зритъ,
Что бы забвенное въ душѣ возобновилось;
И знаніе ея въ предѣлахъ расширилось.

Тогда рекла она: искони приносятъ сїю жалобу на предузнанїе Божеское, о которомъ какъ Маркъ Туллїй, дѣлившїй прорицанїе на виды, очень много разсуждалъ, такъ и ты многократно покушался описать свойства онаго; хотя по сїе время еще ни одинъ изъ васъ довольно ясно и твердо не рѣшилъ сомнѣнїй о немъ. Непроницаемости сей причиною есть слабость ума человѣческаго, не могущаго представить себѣ: какимъ образомъ Богъ предузнаетъ; что люди, когдабъ нѣсколько постигали, то не осталось бы въ разумѣ ихъ никакой темноты касательно предузнанїя. И такъ понятїе твое объ ономъ учинить раздѣльнымъ, и всѣ затрудненїя уничтожить сама попытаю; но прежде изложивъ то, что трогаетъ тебя въ чувствительнѣйшее мѣсто. Для чего тебѣ кажется не удовлетворительнымъ сїе рѣшенїе: поелику предузнанїе не можно поставить виною необходимости событїя будущихъ вещей; для сего оно никакъ не испровергаетъ свободы воли? О неизбѣжности грядущаго заключаешъ ты уже ли изъ другаго чего, а не изъ самыхъ предвидимыхъ существъ, кои не могутъ не произойти? И такъ, когда предварительное знанїе не увеличиваетъ необходимости будущаго, чего ты и самъ прежде не отрицалъ; то почто плоды воли причислять къ неизбѣжнымъ событїямъ. Положимъ, (дабы видны тебѣ были слѣдствїя сего) что предузнанїя нѣтъ совершенно. За симъ произведенїя воли

будутъ ли непремѣнны? Ни мало. На мѣсто сего ложнаго положенія поставимъ истинну; то есть: что Богъ предузнаетъ, но не есть причиною неминуемости произшествій; то я думаю такъ же, что свобода человѣческихъ дѣйствій останется во всей ея цѣлости. Но скажешь на сіе: предузнаніе ежели не причина, то по крайней мѣрѣ есть знакъ необходимости будущихъ вещей. Когда такъ, то событія ихъ, и не будучи предвидѣны, всегда бы пребыли необходимыми. Потому что всякой знакъ показуетъ одни качества вещи, но въ самое произведеніе ея не втекаетъ. И такъ прежде всего должно тебѣ доказать, что каждое въ свѣтѣ явленіе есть неизбѣжно: если хочешь увѣрить, что предварительное свѣденіе есть не сумнительной признакъ сея неминуемости. Ибо не доказавъ неизбѣжности событій, не льзя и предувѣденіе почесть знакомъ вещи, которая не существуетъ. Извѣстно же, что доказательство твердое должно почерпаться не изъ знаковъ, и не изъ побочныхъ причинъ; но изъ вѣчныхъ началъ истинны. Можно ли, возразишъ ты, не послѣдовать тому, чего бытіе Богомъ предвидѣно? Уже ли дѣйствительно думаешъ, что я отрицаю событіе той вещи, коея существованіе предвидѣло существо всевѣдущее; а не предпочитаю прочимъ всѣмъ мысль сію: что хотя будущее и исполнится, но сего исполненія необходимость не находится въ природѣ онаго?

Въ истиннѣ сей утвердитъ тебя разсужденіе слѣдующее. Множество явленій дѣлается въ очахъ нашихъ. Возмемъ въ примѣръ кучаровъ, которые правятъ лошадьми, и перемѣняютъ ихъ бѣгъ по своему изволенію; сообразно сему суди и о прочемъ. Возможно ли хотя одно изъ дѣйствій ихъ признать плодомъ неминуемости? Никакъ. Суетна была бы изобрѣтательность искусства, если бы все збывалось по неизбѣжности. Слѣдовательно что существуя, не зависитъ отъ необходимости; то не получивъ еще бытія, такъ же не подлежитъ ей. И такъ должно быть такимъ изъ событій будущихъ, кои не покорены законамъ необходимости. Ибо я ни отъ кого не надѣюсь слышать, что настоящія вещи, прежде нежели возникли изъ ничтожности, имѣли другую сущность. Отсюда заключить можно, что онѣ 'и предузнаны будучи збываются свободно. Какъ знаніе не дѣлаетъ неизбѣжнымъ бытіе настоящихъ вещей, такъ предузнаніе градущихъ. Но не доказано еще, говоришь ты, льзя ли рѣшительно заключать о событіи такихъ вещей, кои могутъ быть и не быть. Сіе кажется тебѣ противорѣчіемъ; и думаешь, что за предузнаніемъ непремѣнно должна слѣдовать необходимость произшествій. Безъ сея, по твоему мнѣнію, ничего не льзя предвидѣть; и знанія предметомъ должно быть нѣчто извѣстное и не преложное. Если же событія сумнительныя, какъ не су-

мнительныя предузнаются; то предузнанїе ихъ будетъ основано на мракѣ мнѣнїя и догадки, а не на свѣтѣ чистыхъ понятїй. Сужденїе о вещи не сообразное ея сущности считаешъ ты несовмѣстнымъ прямому знанїю. Таковое заблужденїе раждается отъ сей ложной мысли: что все человѣческое знанїе беретъ основу единственно отъ силъ и естества понимаемыхъ вещей; что все напротивъ бываетъ. Каждая вещь дѣлается извѣстною посредствомъ силы не ея, но разсуждающихъ о ней. Ибо (дабы изъ краткаго примѣра сїе было видно) та же самая круглость тѣла иначе чрезъ зрѣнїе, иначе чрезъ осязанїе познается; помощїю перваго мы изъ отдаленности вдругъ объемлемъ всю вещь, лучами изображаемую на днѣ глаза; а чрезъ послѣднее очень приближенно ставши, и руками касаясь всея шара поверхности, постепенно узнаемъ фигуру онаго. Самый человѣкъ иначе зримъ бываетъ чувствами, иначе воображенїемъ, иначе разумомъ, иначе разумѣнїемъ (intelligentia). Чувствамъ онъ представляется въ видѣ изображенїя вещественнаго. Воображенїе разсуждаетъ объ одномъ только образѣ его безъ вещества. А разумъ и сїе превышаетъ, отвлеченно углубляясь въ самый видъ (Speciem perpendit), кроющїися внутрь единособїй (individuum). Разумѣнїя же око еще дальновиднѣе. Оно находясь внѣ округа общихъ понятїй, взираетъ на простый ихъ образъ,

(Simplicem formam Contuetur) такъ, что ничего нѣтъ ему не проницательнаго. Паче всего надлежитъ вникнуть въ сїе, что мыслящая вышшая сила вмѣщаетъ въ себѣ и низшей понятїя; а низшая отнюдь не можетъ досящи высоты познанїя первой. Потому что какъ чувство внѣ вещества есть не дѣйствительно, такъ воображенїю не льзя видѣть общїе виды вещей, а разуму простой ихъ образъ; но разумѣнїе, какъ бы сверьху смотря, понявши образъ вещей, рѣшительныя сужденїя производитъ и о всѣхъ ихъ свойствахъ; однако такъ, какъ понимаетъ оно образъ самой, кромѣ его никому другому неизвѣстной. Ибо разумѣнїе объемлетъ и общїя понятїя, и воображаемой видъ тѣлъ, и вещество чувствуемое, хотя не употребляетъ въ помощь ни разумъ, ни воображенїе, ни чувства, въ одно, такъ сказать, мгновенїе ока предвидя все. Подобно сему разумъ созерцая общее что либо, безъ посредства воображенїя и чувствъ понимаетъ воображаемыя и чувствуемыя вещи. Онъ отвлеченно судя о человѣкѣ, опредѣляетъ его такимъ образомъ: *человѣкъ есть животное двуногое, разумное.* Сїе понятїе хотя есть общее, однако всякъ знаетъ, что вещь чрезъ него означаемая есть такая, которую воображаютъ и чувствуютъ; и что разумъ о ней судитъ не посредствомъ воображенїя и чувства, но посредствомъ своея силы. Самое воображенїе, хотя способностїю видѣть пред-

меты, и снимать съ нихъ картины, оно отложено тѣлеснымъ орудïямъ души; однако во время ихъ покоя, чувствуемыя вещи созерцаетъ образомъ не чувствамъ, но себѣ сроднымъ. И такъ знай, что мыслящïя существа познавая вещи, дѣйствуютъ своею, а не понимаемыхъ вещей силою. И сïе есть ближе къ истиннѣ: ибо когда всякое сужденïе есть дѣйствïе судящаго; то слѣдуетъ заключить, что каждый отправляетъ свое дѣло самъ собою, а не чрезъ другихъ.

Изъ знаменитѣйшихъ Аѳинскихъ мудрецовъ,
Забвенью преданныхъ отъ множества вѣковъ;
Упорно многïе и смѣло защищали,
Что будтобъ внѣшнïя тѣла начертавали
Въ душѣ и образы и мысли о вещахъ:
Подобнымъ образомъ на писменныхъ листахъ,
Гдѣ знаковъ никакихъ, ни чертъ нѣтъ проведенныхъ,
Буквъ становятъ ряды различно сопряженныхъ,
На оныхъ тростïю или перомъ пиша.
Но если существо разумное душа,
И сильная во всѣхъ ей свойственныхъ движеньяхъ,
Страдаетъ окрестныхъ вещей при впечатлѣньяхъ,
Ни коимъ образомъ не дѣйствуя одна;
И если о вещахъ понятïя она,
Какъ лица зеркало, въ себѣ изображаетъ:
Откудажъ душу свѣтъ такой осïяваетъ,
Что въ состоянïи природу созерцать
И тайну связь ея законовъ проникать?
Какаябъ о вещахъ судила порознь сила?
И прiобрѣтенны понятïя дробила?
Что раздѣленному начальный видъ даетъ?
И къ истиннѣ стезей различною идетъ;

То вышшимъ чемъ либо, то низшимъ занимаясь,
А послѣ на себя оштуда возвращаясь?
Душѣ могуществомъ какъ шѣлъ не превышать,
На коихъ знаки лишь возможно полагать?
Простыяжъ мысли всѣ суть слѣдствія страданій,
Какъ побудительной причины прочихъ знаній.
Когда иль свѣта лучь проникнетъ очеса
Иль голосъ звучный чей колеблетъ ушеса:
Въ мигъ отъ такой душа воспріявши перемѣны,
Предметовъ образы, которы ей врожденны,
Со внѣшними сличивъ, рѣшеніе кладетъ.
Вотъ! какъ чрезъ чувства умъ вашъ вещи познаетъ.

Если при впечатлѣніи получаемомъ отъ тѣлъ, хотя извнѣ представившіяся ихъ качества дѣйствуютъ на орудія чувственныя, и не усыпно бдящей душѣ предшествуетъ страданіе тѣла, аки побудительная причина производить понятія объ ономъ, и возбуждать въ памяти покоящіеся образы вещей: если, говорю, при впечатлѣніи тѣлъ душа не страждущею почитается, но помощію своея силы разсуждаетъ о страданіи тѣла: то существа ли ни съ чемъ тѣлеснымъ не сопряженныя, будутъ отличать одну вещь отъ другой не чрезъ разумъ свой, но чрезъ предметы внѣшніе? Сколько родовъ различныхъ существъ, столько различныхъ степеней познанія. Одно только чувство, лишенное всѣхъ прочихъ познаній, дано не движимымъ животнымъ: каковы суть раковины морскія, и другія симъ подобныя; кои на камняхъ питаются, ни сколько не перемѣняя мѣста.

а воображенïе движимымъ животнымъ, въ которыхъ примѣтна нѣкоторая страсть отвращенïя и желанïя. Разумъ же свойственъ одному человѣку равномѣрно, какъ разумѣнïе существенно только Богу. Посему то знанïе превосходитъ всѣ прочïя, которому сверхъ своихъ истиннъ еще извѣстны истинны и другихъ знанïй. Чтожъ? если чувство и воображенïе по противорѣчатъ умозрѣнïю, говоря: что зримое разумомъ не есть общее чтолибо. Ибо чувствуемое и воображаемое не составятъ общаго. Или одного разума сужденïя суть справедливы, и нѣтъ ничего чувствами понимаемаго: или, (какъ совершенно извѣстно, что свѣденïе о многихъ вещахъ прiобрѣтается чрезъ чувства и воображенïе) отвлеченныя заключенïя его о частной вещи, яко объ общемъ чемъ либо, будутъ ложное мечтанïе. На сïе возраженïе разумъ будетъ такъ отвѣчать: что онъ и чувствуемой и воображаемой вещи свойства созерцаетъ, отвлеченно судя объ оныхъ; но чувства и воображенïе не въ состоянïи достигнуть округа общихъ понятïй. Потому что понятïямъ ихъ не льзя выступить за предѣлы изображенïй тѣлесныхъ. Но въ отношенïи къ знанïямъ, надлежитъ всегда полагаться на разсужденïе твердѣйшее и совершеннѣйшее. При сей убо распрѣ, мы одаренные силою умствовать, воображать и принимать впечатлѣнïя отъ внѣшнихъ предметовъ, чьи, какъ не разума представленïя одобрили бы? По-

добно сему человѣческій умъ никакъ не вѣритъ, что Божеское разумѣніе на будущее взираетъ отлично отъ него. ,,Ибо, по твоему разсужденію, не можетъ быть предузнано грядущее то событіе, которое не есть необходимо. Слѣдовательно нѣтъ предузнанія; если допустить оное, то всякое явленіе будетъ плодъ неминуемости,,. Когда бы мы сверхъ разума, въ коемъ учавствуемъ, еще Божескія имѣли понятія: то какъ нынѣ утверждали, что чувство и воображеніе должны уступить разуму, такъ тогда сказали бы, что польза и истинна требуютъ отъ ума человѣческаго, чтобъ онъ плѣнялъ себя въ послушаніе Божескаго. Устремимъ убо, ежели силы позволяютъ, око умное въ высоту, съ которой чистѣйшему разумѣнію тьма полднемъ является; ибо тамъ разумъ нашъ узритъ то, чего ему никакъ не можно усмотрѣть въ себѣ самомъ; а именно: какимъ образомъ событіе могущее и не воспослѣдовать, точно и опредѣлительно предвидитъ Богъ, не на догадкахъ утверждаясь, но на знаніи верховномъ и безпредѣльномъ?

Сколь разновидны суть животныя земныя!
Однимъ даны тѣла не соразмѣрно длинны,
Что пресмыкаются на чревѣ по земли,
Слѣдъ за собой браздѣ подобный оставляя.
Другія легкими бія крылами воздухъ,
Возносятся на нихъ въ безоблачну страну.
Симъ сродно двигаться посредствомъ данныхъ ногъ,
И пажить находить въ лѣсахъ или поляхъ.

Хотя по внѣшности они весьма различны,
Но долу каждаго лице преклонено,
И къ чувственности всѣ понятія ихъ цѣлятъ.
Одинъ лишь человѣкъ чело горѣ возноситъ,
Легокъ и прямо въ верхъ стоишъ своей главой;
На землю смотритъ онъ презрительнѣйшимъ окомъ.
Свѣтильникъ разума когда не весь угасъ,
То самый тѣла видъ вотъ что тебѣ внушаетъ:
Лице ко небесамъ имѣя обращенно,
И очи мысленны туда же возводи
Дабы душа жива во храминѣ высокой,
Ставъ плѣнницею чувствъ, не устремилась долу.

Не за долго предъ симъ показано, что свѣденіе о вещахъ есть дѣйствіе силы не вещей познаемыхъ, но мыслящихъ существъ; то разсудимъ теперь, по мѣрѣ способностей нашихъ, о состояніи Бога, дабы увидѣть: какого рода Его знаніе? Богъ вѣченъ, сію истину гласитъ общее всѣхъ народовъ согласіе. Разсмотримъ убо, что есть вѣчность? Ибо она дастъ намъ понятіе о существѣ и знаніи Божества. Вѣчность есть безконечное наслажденіе совокупно всемъ бытіемъ: что изъ сличенія ея со временемъ яснѣе видно. Все временное настоящее вихремъ быстраго послѣдованія уносится отъ прошедшаго къ будущему, и нѣтъ ничего такого въ связи вещей, что бы могло объять вдругъ всея жизни пространство. Оно дня завтрешняго еще не достигло, а вчерашняго уже лишилось. Днешняя жизнь ваша не такъ же ли изчезаетъ, какъ и минута движущаяся и улетающая? Слѣдовательно, что подле-

житъ перемѣнамъ времени, то хотя бы, сходственно съ Аристотелевыми о Мірѣ мыслями, не имѣло ни начала, ни конца бытія своего: однако не могло бы почитаться вѣчнымъ. Ибо совокупно всего пространства существованія своего объять и занять не можетъ: будущее завсегда отстоитъ отъ него. И такъ по справедливости вѣчнымъ надлежитъ то почитать, для чего будущее и прошедшее есть настоящимъ: а вѣчному существу какъ всѣ дѣйствія его, такъ и самая безконечность времени должны всегда быть присущи. Весьма убо погрѣшаютъ тѣ, кои, (поелику Міръ сей безначальнымъ и безконечнымъ призналъ Платонъ) мыслятъ, что оной совѣченъ Творцу своему. Ибо безконечно существовать, что Платонъ Міру приписывалъ; и вдругъ всемъ бытіемъ наслаждаться, что единому Богу свойственно, суть понятія очень различныя между собою. Богъ долженъ казаться древнѣе тварей, не по количеству времени, но по свойству простаго и духовнаго Его существа. Безконечное время хотя соображается съ состояніемъ неподвижнаго бытія, въ коемъ нѣтъ ни прошедшаго ни будущаго; но какъ оно ни изобразить, ни сравниться съ нимъ не можетъ; то вмѣсто покоя находится въ движеніи, и вмѣсто того, чтобъ имѣть простость присущія, раздробляется на малѣйшія части безчисленныхъ будущихъ и прошедшихъ послѣдованій. Части времени, какъ, сказали мы, не совокупно, но

преемственно существуютъ; однако оно своего некончаемостію тому, чего изобразить не можетъ, кажется отчасти ревнуетъ, ни на едину черту не отстая отъ настоящаго бытія мгновеній. Отъ сей связи его со мгновеннымъ бытіемъ, (ибо сіе хотя весьма несовершенно, но изображаетъ бытіе Божіе,) происходитъ то, что все, съ чемъ оно воспослѣдовало, существующимъ кажется. Вселенная не могши быть въ покоѣ, вступила въ неизмѣримый путь времени; и въ движеніи состоитъ ея бытіе, которое безъ движенія совсѣмъ ей не совмѣстно. Почему если хочемъ давать имена свойственныя вещамъ: то слѣдуя Платону, да назовемъ Бога вѣчнымъ, а Міръ всегдашнимъ. Въ умѣ каждаго мыслящаго существа печатлѣются истинны сообразно его природѣ; Богу же свойственна вѣчность и то состояніе, въ которомъ кромѣ настоящаго нѣтъ ничего: то безъ сумнѣнія должно въ немъ быть такое знаніе, которое объемлетъ все не порознь, а совокупно, и безпредѣльный кругъ прошедшихъ и грядущихъ вѣковъ созерцаетъ такъ, какъ настоящее время. Слѣдовательно, вникнувши въ существо Бога, которому и все будущее есть присуще, сію всеобъятность ума его назовешъ не предузнаніемъ, но знаніемъ непрерывной цѣпи преемственности, или послѣдованій. Посему она свойственнѣе нарицается Промысломъ. Ибо Богъ отъ малой до великой вещи всѣхъ соединяетъ подъ одно обозрѣніе свое, и какъ

бы съ превеликой высоты смотря, видитъ все произходящее, произшедшее и имѣющее произойти въ мірѣ. Почто убо событіе того, что озаряется свѣтомъ Божескаго знанія, почитаешъ ты неизбѣжнымъ, когда люди не дѣлаютъ необходимымъ извѣстное имъ? Уже ли воззрѣніе твое на предлежащіе очамъ предметы увеличиваетъ необходимость ихъ бытія? Никакъ. Если существованіе человѣковъ сколько нибудь можетъ сравнено быть съ существованіемъ Бога: то какимъ образомъ вы видите сущее въ настоящемъ времени, такимъ же въ вѣчности Богъ созерцаетъ все. Слѣдовательно предузнаніе Божіе отнюдъ не премѣняетъ естества и свойствъ вещей; грядущее отъ вѣка присуще ему въ такомъ же видѣ, въ какомъ нѣкогда осуществится. Въ немъ нѣтъ слїянія сужденій о вещахъ, но однимъ умственнымъ взоромъ распознаетъ онъ и неминуемое произшествіе и зависящее отъ воли. Тако вы смотря на идущаго человѣка, и на солнце отъ востока къ западу катящееся, различаете оба предметы сіи, въ одно время поражающіе зрѣніе; и перваго дѣйствіе считаете произвольнымъ, послѣдняго же обращеніе необходимымъ. Посему Божеское предузнаніе не превращаетъ сущности вещей, кои въ разсужденіи Бога всегда какъ настоящія, а относительно ко времени еще будущія. Оно есть не догадка, но познаніе на незыблемыхъ началахъ истинны основанное; ибо какъ событіе

вещи грядущей, такъ и то, что оно можетъ не воспослѣдовать, не сокрыто отъ разумнаго Божїя свѣта. Но если здѣсь возразишъ, что тому не льзя не быть, чего грядущее бытїе предузнано Богомъ: чего не бытїе невозможно, то збывается неизбѣжно; и возразишъ не въ подтвержденїе царства судьбы: то я конечно сознаюсь, что преисправедливо сїе умозаключенїе, но на оное согласиться, изключая зрителя Божества, едва ли кто дерзнетъ. Возраженїе сїе можетъ рѣшиться такимъ образомъ: будущее одно и тоже событїе въ отношенїи къ знанїю Божества есть необходимо, а касательно его самаго свободно и неизбѣжности не подчинено. Необходимость есть двоякаго рода: одна простая, (Simplex) не возможно, на примѣръ, чтобъ человѣкъ не былъ смертенъ; другая условная, на примѣръ, если вѣрно знаешъ, что какой нибудь извѣстной тебѣ человѣкъ ходитъ теперь; то сїе движенїе его есть необходимо нужное дѣйствїе. Ибо извѣстное въ одно и тоже время не можетъ быть иначе, нежели какъ представляется чувствамъ и разуму; но сїя условная необходимость не влечетъ за собою необходимости простой. Источникъ ея есть не сущность вещи, но предположенїе условїй. Произвольно ходящаго движенїе не есть принуждено, хотя противное ему, т. е. покой, и невозможенъ. Равнымъ образомъ произшествїе предвидѣннаго не можетъ не исполниться, хотя совсѣмъ оно неподлежитъ необходимости. Богъ

на грядущее, зависящее отъ свободной причины, взираетъ такъ какъ бы уже на осуществленное. А потому событіе онаго относительно только къ его знанію необходимо; но само въ себѣ взятое равно можетъ быть и не быть. И такъ событія, предвидѣнныя Божествомъ, суть точны и не сумнительны; но нѣкоторыя изъ нихъ зависятъ отъ свободной воли: они воспослѣдовавши, не измѣняются въ своей сущности. Ибо будучи внутрь своихъ началъ могли и не воспослѣдовать. — Что за свободность, если всякій будущій случай, относительно къ знанію Божескому, есть неизбѣженъ? — Сіе сумнѣніе уже предварила я. Солнца восхожденіе и хожденіе человѣка не могутъ не быть въ вышеозначенномъ случаѣ: но перваго движеніе есть слѣдствіе неминуемости, другаго же есть слѣдствіе воли. Такимъ же образомъ бытіе всего зримаго Богомъ не минуемо; но однихъ явленій начала вторыя слѣдуютъ въ дѣйствіяхъ своихъ неизмѣнному порядку, Промысломъ предуставленному; другихъ же свободно дѣйствуютъ. Безпогрѣшительно убо сказали мы, что все предузнанное относительно къ свѣденію Божества есть необходимо, но само въ себѣ взятое, не подлежитъ року. Тако чувствуемыя вещи относительно къ разуму суть нѣчто общее, а по существу своему частное. Но скажешъ: перемѣна намѣренія зависитъ отъ моей воли; слѣдовательно могу уничтожить предузнаніе,

перемѣнивъ то, что Богъ предвидѣлъ. На сїе отвѣчаю такъ: отложить намѣренїе есть возможное дѣло; но какъ Богу извѣстно все, что ты можешъ дѣлать, и дѣлаешъ ли то, и на какой конецъ: то никакъ тебѣ не льзя избѣжать предузнанїя, равно какъ совершенно не льзя же укрыться отъ того, въ очахъ коего лучи свѣта начертываютъ образъ твой, сколькобъ тогда ни различны были произведенїя твоей воли. Что скажешъ на сїе? Вмѣстѣ съ разположенїемъ моимъ уже ли надлежитъ измѣняться и знанїю Божескому? Ни мало. Богъ все грядущее, аки настоящее, отъ вѣка видитъ; и не порознь, какъ ты мыслишъ, но мгновенно предузнаетъ всѣ измѣненїя твои. Сею всеобъятностїю и всевѣденїемъ долженъ онъ не событїю грядущихъ вещей, но самому себѣ. Откуда очевидна справедливость и сего положенїя твоего, что будущїя наши дѣйствїя не суть виною знанїя Божїя. Оно предписываетъ законы всей природѣ, и въ предписанїи ничего не заимствуетъ отъ производимаго. Свобода убо человѣческой воли остается во всей ея цѣлости; и когда воля ни мало не подлежитъ судьбѣ, то и законы справедливы, мзду и казнь опредѣляющїе. Слѣдовательно есть такое существо, которое всѣ наши дѣянїя будущїя, яко настоящїя, отъ вѣчности зритъ, перомъ истинны пиша пороку казнь, а добродѣтели награду. Не тщетно на Бога упованїе

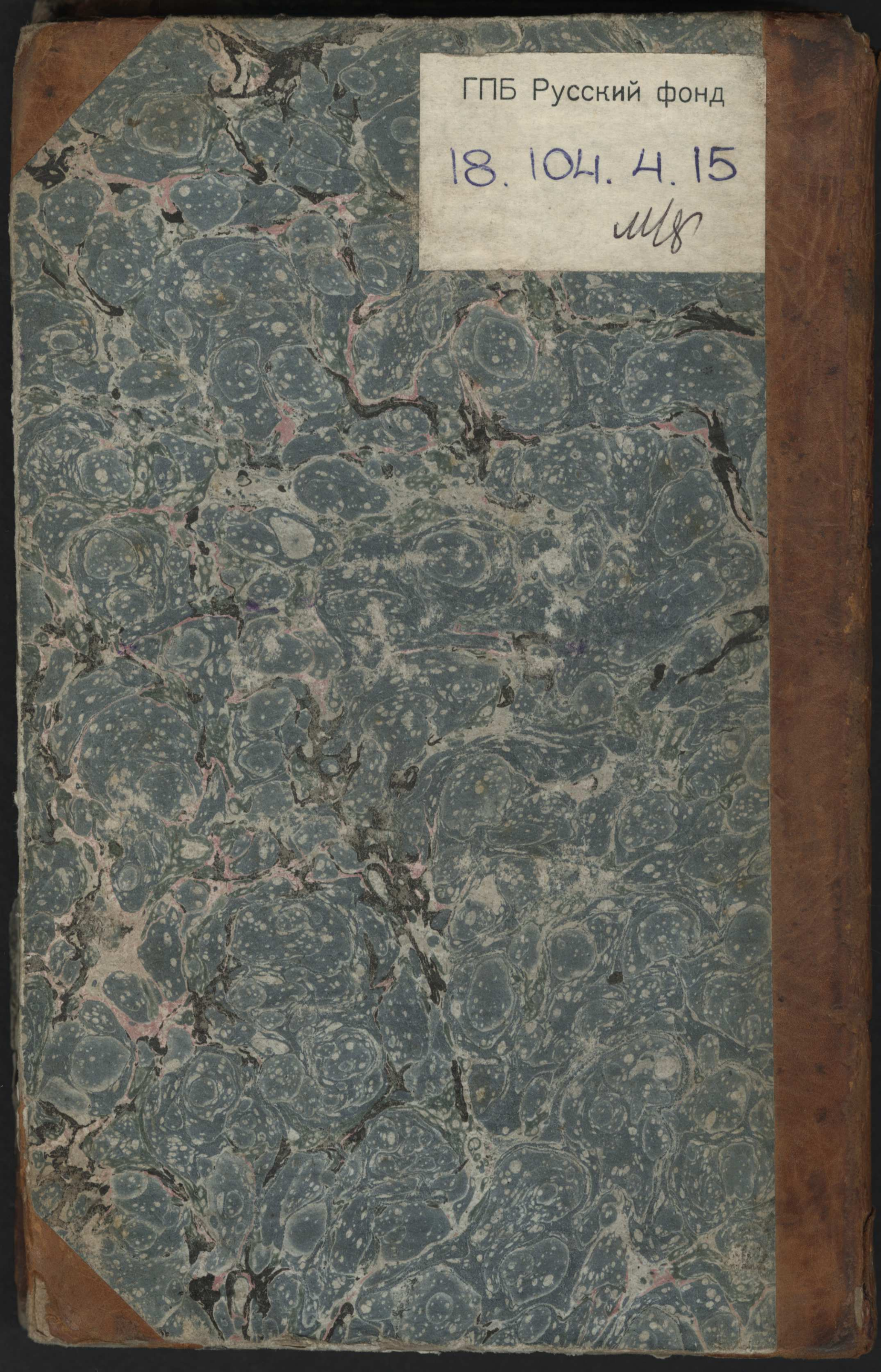
М

и молитвы, кои не могутъ быть не услышаны, если достойны прїятїя. И такъ уклонитесь отъ зла, устремите сердце ваше къ добродѣтели, а умъ къ истиннѣ; всякой обидѣ и нещастїю противополагайте щитъ не сумнительныхъ надеждъ; возсылайте къ Небу смиренный гласъ молитвы. Польза и необходимость благонравїя изображена живѣйшими красками; когда все, что ни дѣлаете, дѣлаете предъ очами такого судїи, коего всевѣденїе неумолчно проповѣдуетъ вся вселенная.

КОНЕЦЪ.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	Строк.	*Напечатано*	*Читай*
10	13	чтобъ дни	что днибъ
15	1	хочетъ	хочешь
30	8	ложное	мнимое
33	23	неустойность	превратность
35	4	къ тебѣ	тебѣ
36	18	н	не
42	22	не возмощаетъ	не возмущаетъ
44	12	былъ	были
46	15	изъ твоихъ	твоихъ
58	30	ничего собственнаго и хорошаго	ничего привлекательнаго
64	2	но что кичится	но дабы кичиться
65	5	смѣшанныхъ	смѣшенныхъ
93	4	знаметость	знаменитость
105	15	не просвѣтитъ	не просвѣтишь
- - -	16	сгуститъ	сгустишь
117	6	но трепетно	не трепетно
122	18	поспѣшаетъ	поспѣшаетъ
125	8	допущаетъ ли	допущаешь ли
132	27	соравнитъ	соравнишь
133	11	мирскихъ	мерзскихъ
133	29	тотъ	то
136	8	утѣшенiе	утѣшенiе
140	6	обидимый	обиженный
- - -	23	казнцю	местiю


ГПБ Русский фонд
18.104.4.15
мв